П-37

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
женскимъ курсамъ.
Шкафъ XX
Полка 7.
№ 5.

Jr II.10.35

П-37

Лекціи

Русской Исторіи

5980

Проф. С.О.Платонова.

1899-1900 г.

XX. 7. 5.

Высшіе Женскіе Курсы.

I-ый курсъ.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

Ист.
НАУЧНАЯ
им. Горького

Часть первая.

|Изложеніе конспективное|.

Введеніе.

Наши занятія по Русской исторіи умѣстно будетъ начать опредѣленіемъ того, что именно слѣдуетъ понимать подъ словами историческое значеніе, историческая наука. Уяснивъ себѣ, какъ понимется исторія вообще, мы поймемъ, что намъ слѣдуетъ понимать подъ исторіей одного народа и сознательно приступимъ къ изученію нашей Русской исторіи.

Исторія существовала въ глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство съ античными историками, Геродотомъ и Ѳукидитомъ, напримѣръ, покажетъ вамъ, что греки были по своему правы, относя исторію къ области искусствъ. Подъ исторіей они понимали художественный разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ. Задача историка состояла у нихъ въ томъ, чтобы передать слушателямъ и читателямъ вмѣстѣ съ эстетическимъ наслажденіемъ и рядъ нравственныхъ назиданій. Тѣ же цѣли преслѣдовало и искусство.

При такомъ взглядѣ на исторію, какъ на художественный разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ, древніе историки держались и соотвѣтствующихъ пріемовъ изложенія. Въ своемъ повѣствованіи они стремились къ правдѣ и точности, но строгой объективной мѣрки истины у нихъ не существовало. У глубоко правдиваго Геродота однако много басенъ | напр. о Египтѣ, о скиѳахъ|: въ однѣ онъ вѣритъ, потому что не знаетъ преданій естественнаго, другія же, и не вѣря въ нихъ, заноситъ въ свой разсказъ, ибо онѣ прельщаютъ его своимъ художественнымъ интересомъ. Мало этого, античный историкъ, вѣрный своимъ художественнымъ задачамъ, считалъ возможнымъ украшать повѣствованіе сознательнымъ вымысломъ. Ѳукидидъ, въ правдивости котораго мы не сомнѣваемся, влагаетъ въ уста своихъ героевъ рѣчи, сочиненныя имъ самимъ; но онъ считаетъ себя правымъ въ силу того, что вѣрно передаетъ въ измышленной формѣ дѣйствительныя намѣренія и мысли историческихъ лицъ.

Такимъ образомъ стремленіе къ точности и правдѣ въ исторіи было до нѣкоторой степени ограничиваемо стремленіемъ къ художественности и занимательности, не говоря уже о другихъ условіяхъ, мѣшавшихъ историкамъ съ успѣхомъ различать истину отъ басни. Не смотря на это, стремленіе къ точному знанію уже въ древности требуетъ отъ историка прагматизма. Уже у Геродота мы наблюдаемъ проявленіе этого прагматизма, т.е. желаніе связывать факты причинной связью не только пересказывать ихъ, но и объяснять изъ прошлаго

ихъ происхожденіе.

Итакъ на первыхъ порахъ исторія опредѣляется, какъ художественно-прагматическій разсказъ о достопамятныхъ событіяхъ и лицахъ.

Ко временамъ глубокой древности восходятъ и такіе взгляды на ситорію, которые требовали отъ нея, помимо художественныхъ впечатлѣній, и практической приложимости. Еще древніе говорили, что исторія есть наставница жизни |magistra vitae|. Отъ историковъ ждали такого изложенія прошлой жизни человѣчества, которое объясняло бы событія настоящаго и задачи будущаго, служило бы практическимъ руководствомъ для общественныхъ дѣятелей и нравственной школой для прочихъ людей. Такой взглядъ на исторію во всей силѣ держался въ средніе вѣка, дожилъ и до нашихъ временъ; онъ съ одной стороны прямо сближалъ исторію съ моральной философіей, съ другой обращалъ исторію въ скрижаль откровеній и правилъ "практическаго характера. Одинъ писатель XVII вѣка |De-Rocoles| говорилъ, что "исторія исполняетъ обязанности, свойственныя моральной философіи, и даже въ извѣстной степени можетъ быть ей предпочтена, такъ какъ, давая тѣ же правила, она присоединяетъ къ нимъ еще и примѣры". На первой страницѣ "Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина найдете выраженіе той мысли, что исторію необходимо знать для того, "чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе".

Съ развитіемъ западно европейской философской мысли стали слагаться новыя опредѣленія исторической науки. Стремясь объяснить сущность и смыслъ жизни человѣчества, мыслители обращались къ изученію исторіи или съ цѣлью найти въ ней рѣшеніе своей задачи, или же съ цѣлью подтвердить историческими данными свои отвлеченныя построенія. Сообразно съ различными философскими системами, такъ или иначе опредѣлялись цѣли и смыслъ самой исторіи. Вотъ нѣкоторыя изъ подобныхъ опредѣленій: Боссюетъ |въ XVII в.| и Лоранъ |въ наше уже время| понимали исторію, какъ изображеніе тѣхъ міровыхъ событій, въ которыхъ съ особенной яркостью выражались пути Провиденія, руководящаго человѣческой жизнью въ своихъ цѣляхъ. Итальянецъ Вико |1726| задачей исторіи, какъ науки, считалъ изображеніе тѣхъ одинаковыхъ состояній, которыя суждено переживать всѣмъ народамъ. Извѣстный Гегель въ исторіи видѣлъ изображеніе того процесса, которымъ "абсолютный духъ" достигалъ своего самопознанія |Гегель всю міровую жизнь объяснялъ, какъ развитіе этого "абсолютнаго духа"|. Не будетъ ошибкой сказать, что всѣ эти философы требуютъ отъ исторіи въ сущности одного и того же: исторія должна быть изображеніемъ не всѣхъ фактовъ прошлой жизни человѣчества, а изображеніемъ основныхъ фактовъ, обнаруживающихъ ея общій смыслъ.

Въ этомъ требованіи, безъ сомнѣнія, заключался большой шагъ впередъ. Оно не удовлетворялось простымъ разсказомъ о быломъ вообще, или же случайнымъ наборомъ фактовъ различнаго времени и мѣста для доказательства назидатель-

ной мысли. Необходимо теперь объединять изложеніе руководящей идеей, систематизировать историческій матеріалъ. Однако, философскую исторію справедливо упрекаютъ въ томъ, что она руководящія идеи историческаго изложенія брала внѣ исторіи и систематизировала факты произвольно. Отъ этого исторія не становилась самостоятельной наукой, а обращалась въ прислужницу философіи.

Наукой исторія стал только въ началѣ нашего вѣка, когда въ Германіи въ противовѣсъ французскому раціонализму, развился идеализмъ, въ противовѣсъ французскому космополитизму, появились идеи національзма, дѣятельно изучалась національная старина и стало господствовать убѣжденіе, что жизнь человѣческихъ обществъ совершается закономѣрно, въ такомъ порядкѣ естественной послѣдовательности, который не можетъ быть нарушенъ и измѣненъ ни случайностями, ни усиліями отдѣльныхъ лицъ. Съ этой точки зрѣнія главный интересъ въ исторіи стало представлять изученіе не случайныхъ внѣшнихъ явленій и не личной дѣятельности выдающихся личностей, а изученіе общественнаго быта на разныхъ ступеняхъ его развитія. Исторія стала пониматься какъ н а у к а о з а к о н а х ъ и с т о р и ч е с к о й ж и з н и ч е л о в ѣ ч е с к и х ъ о б щ е с т в ъ.

Это опредѣленіе разно высказывалось разными историками и мыслителями. Знаменитый Г и з о, напр., понималъ исторію, какъ ученіе о міровой и національной цивилизаціи |понимая цивилизацію въ смыслѣ развитія гражданскаго общежитія|. Философъ Ш е л л и н г ъ, развивая мысль, что каж-

дый народъ въ своей исторической жизни раскрываетъ какую либо абсолютную идею, давалъ основаніе для того, чтобы въ національной исторіи видѣть средство познать національную идею, національный духъ . Отсюда выросло распространенное опредѣленія исторіи, какъ п у т и к ъ н а р о д н о м у с а м о з н а н і ю. Явились далѣе попытки понимать исторію какъ науку, долженствующую раскрыть общіе законы развитія общественной жизни внѣ приложенія ихъ къ извѣстному мѣсту, времени и народу. Но эти попытки въ сущности присвоивали исторіи задачи другой науки - с о ц і о л о г і и. Исторія есть наука, изучающая конкретные факты въ условіяхъ именно времени и мѣста и главной цѣлью ея признается систематическое изображеніе развитія и измѣненій жизни отдѣльныхъ историческихъ обществъ и всего человѣчества.

Такая задача требуетъ многаго для успѣшнаго выполненія Для того, чтобы дать научно-точную и художественно-цѣльную картину какой либо эпохи народной жизни или полной исторіи народа, необходимо: I| собрать историческіе матеріалы, 2| изслѣдовать ихъ достовѣрность, 3| возстановить точно отдѣльные историческіе факты, 4| указать между ними прагматическую связь и 5| свести ихъ въ общій научный обзоръ или въ художественную картину. Тѣ способы, которыми историки достигаютъ указанныхъ частныхъ цѣлей, называются научными критическими пріемами. Пріемы эти совершенствуются съ развитіемъ исторической науки, но до сихъ поръ ни эти пріемы, ни самая наука исторіи не достигли полнаго своего

развитія. Историки не собрали и не изучили еще всего матеріала, подлежащаго ихъ вѣденію и это даетъ поводъ говорить, что исторія есть наука, не достигшая еще тѣхъ результатовъ, какихъ достигли другія, болѣе точныя науки. И однако, никто не отрицаетъ, что исторія есть наука съ широкимъ будущимъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ къ изученію фактовъ всемірной исторіи стали подходить съ тѣмъ сознаніемъ, что жизнь человѣческая развивается закономѣрно, подчинена вѣчнымъ и неизмѣннымъ отношеніямъ и правиламъ,- съ тѣхъ поръ идеаломъ историка стало раскрытіе этихъ постоянныхъ законовъ и отношеній. За простымъ анализомъ историческихъ явленій, имѣвшимъ цѣлью указать ихъ причинную послѣдовательность, открылось болѣе широкое поле - историческій синтезъ, имѣющій цѣлью возсоздать общій ходъ всемірной исторіи въ ея цѣломъ, указать въ ея теченіи такіе законы послѣдовательности развитія, которые были бы оправданы не только прошлымъ, но и будущимъ человѣчества.

Этимъ широкимъ идеаломъ не можетъ непосредственно руководиться р у с с к і й историкъ. Онъ изучаетъ только одинъ фактъ міровой исторической жизни- жизнь своей національности. Состояніе русской исторіографіи до сихъ поръ таково, что иногда налагаетъ на русскаго историка обязанность просто собирать факты и давать имъ первоначальную научную обработку. И только тамъ, гдѣ факты уже собраны и освѣщены, мы можемъ возвыситься до нѣкоторыхъ историческихъ

обобщеній, можемъ подмѣтить общій ходъ того или другого историческаго процесса, можемъ даже на основаніи ряда частныхъ обобщеній сдѣлать смѣлую попытку: дать схематическое изображеніе той послѣдовательности, въ какой развивались основные факты нашей психической жизни. Но далѣе такой общей схемы русскій историкъ идти не можетъ, не выходя изъ границъ своей науки. Для того, чтобы понять сущность и значеніе того или другого историческаго факта въ исторіи Руси, онъ можетъ искать аналогіи въ исторіи всеобщей. Добытыми результатами онъ можетъ служить историку всеобщему. положить и свой камень въ основаніе обще-историческаго синтеза. Но этимъ и ограничивается его связь съ исторіей и вліяніе на нее. Конечной цѣлью русской исторіографіи всегда останется построеніе системы мѣстнаго историческаго процесса.

Построеніемъ этой системы разрѣшается и другая, болѣе практическая задача, лежащая на русскомъ историкѣ. Извѣстно старинное убѣжденіе, что національная исторія есть путь къ національному самосознанію. Дѣйствительно, знаніе прошлаго помогаетъ понять настоящее и объясняетъ задачи будущаго. Народъ, знакомый со своей исторіей, живетъ сознательно, чутокъ къ окружающей его дѣйствительности и умѣетъ понимать ее. Задача,- въ данномъ случаѣ можно выразиться, - долгъ,- національной исторіографіи заключается въ томъ, чтобы показать обществу его прошлое въ истинномъ свѣтѣ. При этомъ нѣтъ нужды вносить въ исторіографію какія бы то ни было предвзятыя точки зрѣнія: субъективная идея не есть

идея научная, а только научный трудъ можетъ быть полезенъ общественному самосознанію. Оставаясь въ сферѣ строго-научной, выдѣляя тѣ господствующія начала общественнаго быта, которыя характеризовали собой различныя стадіи русской исторической жизни, изслѣдователь раскроетъ обществу главнѣйшіе моменты его историческаго бытія и этимъ достигнетъ своей цѣли. Онъ дастъ обществу разумное знаніе, а приложеніе этого знанія зависитъ уже не отъ него.

Такъ и отвлеченныя соображенія, и практическія цѣли ставятъ русской исторической наукѣ одинаковую задачу - систематическое изображеніе русской исторической жизни, общую схему того историческаго процесса, который привелъ нашу національность къ ея настоящему состоянію.

Историографическія замѣчанія.

Когда же началось систематическое изображеніе событій русской исторической жизни и когда русская исторія стала наукой? Еще въ Кіевской Руси, на ряду съ возникновеніемъ гражданственности, въ XI вѣкѣ, появились у насъ первыя лѣтописи. Это были перечни фактовъ, важныхъ и неважныхъ, историческихъ и неисторическихъ, въ перемѣжку съ литературными сказаніями. Съ нашей точки зрѣнія древнѣйшія лѣтописи и не представляютъ собой историческаго труда; не говоря о содержаніи - и самые пріемы лѣтописца не соотвѣтствуютъ теперешнимъ требованіямъ. Зачатки исторіографіи у насъ появляются въ XVI вѣкѣ, когда историческія сказанія и лѣтописи стали сверять и сводить въ одно цѣлое. Въ XVI вѣкѣ сложилась и оформилась Московская Русь. Сплотившись

въ единое тѣло, подъ властью единаго московскаго царя, русскіе старались объяснить себѣ и свое происхожденіе, и свои политическія цѣли, и свои отношенія къ окружающихъ ихъ государствамъ. И вотъ въ 1512 году составляется первый х р о н о г р а ф ъ, т.е. обозрѣніе всемірной исторіи. Большая часть его заключала въ себѣ переводы съ греческаго языка, и только, какъ дополненія, внесены русскія и славянскія историческія сказанія. Хронографъ этотъ кратокъ, но даетъ достаточный запасъ историческихъ свѣдѣній, за нимъ появляются и вполнѣ русскіе хронографы, представляющіе собой переработку перваго. Вмѣстѣ съ ними возникаютъ въ XУI вѣкѣ лѣтописные своды, составленные по древнимъ лѣтописямъ, но предотавляющіе не сборники механически сопоставленныхъ фактовъ, а произведенія, связанныя одной общей идеей. Первымъ такимъ произведеніемъ была "с т е п е н н а я к н и г а, получившая такое названіе потому, что она раздѣлялась на главы или на "степени", какъ ихъ тогда называли. Она передавала въ хронологическомъ, т.е. "постепенномъ" порядкѣ дѣятельность русскихъ митрополитовъ и князей, начиная съ Рюрика. Авторомъ этой книги считаютъ митрополита Кипріана, но окончательно она была обработана митр. Макаріемъ при Іоаннѣ Грозномъ, т.е. въ XУI вѣкѣ. Въ основаніи Степенной книги лежитъ тенденція, и общая, и частная. Общая проглядываетъ въ желаніи показать, что власть московскихъ князей есть не случайная, а преемственная, съ одной стороны отъ южно-русскихъ кіевскихъ князей, съ другой стороны отъ византійскихъ царей. Частная же тенденція сказалась въ

ямъ уваженіи, съ какимъ неизмѣнно повѣствуется о духовной власти. "Степенная книга" можетъ быть названа историческимъ трудомъ въ силу извѣстной системы изложенія. Въ XVII вѣкѣ былъ составленъ другой историческій трудъ, такъ называемая Воскресенская лѣтопись, болѣе интересный по обилію матеріала. Въ основаніе его легли всѣ прежніе лѣтописи: "Софійскій временникъ и иныя, такъ что фактовъ въ этой лѣтописи дѣйствительно много, но скрѣплены они чисто механически. Тѣмъ не менѣе, "Воскресенская лѣтопись" предоставляется намъ самымъ цѣннымъ историческимъ произведеніемъ изъ всѣхъ, ей современныхъ или болѣе раннихъ, такъ какъ она составлена безъ всякой тенденціи и заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, которыхъ нигдѣ болѣе не находимъ. Своей простотой она могла не нравиться, безыскусственность изложенія могла казаться убогой знатокамъ риторическихъ пріемовъ, и вотъ ее подвергли переработкѣ и дополненіямъ и составили, какъ кажется, въ XVII же вѣкѣ новый сводъ, называемый "Никоновской Лѣтописью". Въ этомъ сводѣ мы видимъ много свѣдѣній, заимствованныхъ изъ греческихъ хронографовъ, по исторіи греческихъ и славянскихъ странъ. Въ Никоновской лѣтописи заключалась цѣлая энциклопедія свѣдѣній, самая подробная лѣтопись, особенно о вѣкахъ позднѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтопись и не совсѣмъ надежная: точность изложенія пострадала отъ литературной переработки; поправляя безхитростный слогъ прежнихъ лѣтописей, невольно искажали и смыслъ нѣкоторыхъ событій. Въ 1674 году появился въ Кіевѣ и первый

учебникъ русской исторіи "С и н о п с и с ъ" И н н о к е н т і я Г и з е л я, очень распространившійся въ эпоху Петра Великаго |онъ часто встрѣчается и теперь|. Если рядомъ со всѣми этими переработками лѣтописей помянемъ рядъ литературно написанныхъ сказаній объ отдѣльныхъ историческихъ фактахъ и эпохахъ |напр. Сказаніе кн. Курбскаго, повѣсти о Смутномъ времени; со всѣмъ этимъ мы встрѣтимся ниже|,то мы обнимемъ весь тотъ скудный запасъ историческихъ трудовъ, съ которымъ Русь дожила до эпохи Петра Великаго, до учрежденія Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Петръ Вел. очень заботился о составленіи исторіи Россіи и поручалъ это дѣло различнымъ лицамъ. Но только послѣ его смерти началась ученая разработка историческаго матеріала и первыми дѣятелями на этомъ поприщѣ явились ученые нѣмцы, члены петербургской Академіи; изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать Г о т л и б а С и г ф р и д а Б а й е р а |I694-I738|. Онъ началъ съ изученія племенъ, населявшихъ Россію въ древности, особенно варяговъ, но далѣе этого не пошелъ. Байеръ оставилъ послѣ себя много трудовъ, изъ которыхъ два довольно капитальныхъ произведенія написаны на латинскомъ языкѣ, и теперь уже не имѣютъ большого значенія для исторіи Россіи, это:"С ѣ в е р н а я Г е о г р а ф і я" и "И з с л ѣ д о в а н і я о В а р я г а х ъ" |ихъ перевели по русски только въ I767 году|. Гораздо плодотворнѣе были труды Г е р а р д а Ф р и д р и х а М и л л е р а, жившаго въ Россіи при императрицахъ Аннѣ, Елизаветѣ и Екатеринѣ II, и уже на столько владѣвшимъ русскимъ языкомъ, что писалъ свои

произведенія по русски. Онъ много путешествовалъ по Россіи |прожилъ 10 лѣтъ съ 1733-1743 г. въ Сибири| и хорошо изучилъ ее. На литературномъ историческомъ поприщѣ онъ выступилъ, какъ издатель русскаго журнала "Е ж е м ѣ с я ч н ы я С о ч и н е н і я" |1755-1765| и сборника на нѣмецкомъ языкѣ „Sammlung Russischer Geschichte" 9 т. 1732-1765|. Главной заслугой Миллера было собираніе матеріаловъ по русской исторіи: его рукописи |такъ назыв. Миллеровскіе портфели| служили и служатъ богатымъ источникомъ для издателей и изслѣдователей. И изслѣдованія Миллера имѣли значеніе: онъ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ, заинтересовавшихся позднѣйшими эпохами нашей исторіи, имъ посвящены его труды: "Опытъ новѣйшей исторіи Россіи" и "Извѣстіе о дворянахъ Россійскихъ". Наконецъ, онъ былъ первымъ ученомъ архиваріусомъ въ Россіи и привелъ въ порядокъ московскій архивъ иностранной коллегіи, директоромъ которой и умеръ |1783г.| Среди академиковъ XVIII вѣка видное мѣсто трудами по русской исторіи занялъ и Л о м о н о с о в ъ, написавшій учебную книгу русской исторіи и одинъ томъ "Древней Русской Исторіи" |1766|. Его труды по исторіи были обусловлены полемикой съ академиками-нѣмцами. Послѣдніе вели Русь-варяговъ отъ норманновъ и норманскому вліянію приписывали происхожденіе гражданственности на Руси, которую до пришествія варяговъ представляли страной дикой. Ломоносовъ же варяговъ признавалъ за славянъ, и, такимъ образомъ, русскую культуру считалъ самобытной.

Названные академики, собирая матеріалы и изслѣдуя от-

дѣльные вопросы нашей исторіи, не успѣли дать общаго обзора русской исторіи, необходимость которой чувствовалась русскими образованными людьми. Попытки дать такой обзоръ появились въ академической жизни.

Первая принадлежитъ В.Н. Т а т и щ е в у |I686-I750|. Занимаясь собственно вопросами географическими, онъ увидѣлъ что разрѣшить ихъ невозможно безъ знанія исторіи и, будучи человѣкомъ всесторонне образованнымъ, сталъ самъ собирать свѣдѣнія по русской исторіи и занялся составленіемъ ея. Въ теченіе многихъ лѣтъ писалъ онъ свой историческій трудъ, переработалъ его не одинъ разъ, но только въ I768 году началось изданіе его. Въ теченіе 6 лѣтъ вышло 4 тома, 5-ый же томъ былъ случайно найденъ въ нашемъ вѣкѣ и изданъ "Московскимъ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ". Въ этихъ 5-ти томахъ Татищевъ довелъ свою исторію до смутной эпохи XVII вѣка. Въ первомъ томѣ мы знакомимся со взглядами самого автора на русскую исторію и съ источниками, которыми онъ пользовался при ея составленіи; мы находимъ цѣлый рядъ научныхъ эскизовъ о древнихъ народахъ - варягахъ, славянахъ и другихъ. Татищевъ нерѣдко прибѣгалъ къ чужимъ трудамъ, такъ напр. онъ воспользовался изслѣдованіемъ "о Варягахъ" Байера и прямо включилъ его въ свой трудъ. Исторія эта теперь, конечно, устарѣла, но научнаго значенія она не потеряла, такъ какъ въ XVIII вѣкѣ Татищевъ обладалъ такими источниками, которыхъ теперь нѣтъ, и, слѣдовательно, многихъ изъ фактовъ, имъ приведенныхъ уже возстановить нельзя. Это дало поводъ заподозрѣть существованіе нѣкоторыхъ источни-

ковъ, на которые онъ ссылался, и обвинить Татищева въ недобросовѣстности. Особенно не довѣряли приводимой имъ "Іоакимовской Лѣтописи". Однако, изслѣдованіе этой лѣтописи показало только, что Татищевъ не сумѣлъ отнестись къ ней критически и включилъ ее цѣликомъ, со всѣми ея баснями, въ свою исторію. Строго говоря, трудъ Татищева есть ничто иное, какъ подробный сборникъ лѣтописныхъ данныхъ, изложенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ; тяжелый его языкъ и отсутствіе литературной обработки дѣлали его неинтереснымъ для современниковъ. Попытка популярнаго изложенія русской исторіи впервые принадлежала Екатеринѣ II но трудъ ея "Записки касательно русской Исторіи", доведенный до конца XIII вѣка научнаго значенія не имѣетъ и интересенъ только, какъ первая попытка разсказать обществу легкимъ языкомъ его прошлое. Гораздо важнѣе въ научномъ отношеніи была "Исторія Россіи" Князя Щербатова, |1770-1792|, которою впослѣдствіи пользовался и Карамзинъ. Щербатовъ былъ человѣкомъ не сильнаго философскаго ума, но начитавшимся просвѣтительной литературы XVIII вѣка и всецѣло сложившимся подъ ея вліяніемъ. Это повліяло на его трудъ, въ который онъ внесъ много предвзятыхъ мыслей. Въ историческихъ свѣдѣніяхъ онъ до такой степени не успѣвалъ разбираться, что заставлялъ иногда своихъ героевъ по два раза умирать.

Лекціи по Русской Исторіи Курсъ I.
Литограф. Богданова, Эртелевъ пер. д.№ 12.
Директоръ

Но, несмотря на такіе крупные недостатки, Исторія Щербатова имѣетъ научное значеніе, благодаря многимъ приложеніямъ заключающимъ въ себѣ историческіе документы. Особенно интересны дипломатическія бумаги XVI и XVII вѣковъ. Доведенъ его трудъ до смутной эпохи. Случилось, что при Екатеринѣ II, нѣкто французъ Л е к л е р к ъ, совершенно не знавшій ни русскаго государственнаго строя, ни народа, ни его быта, написалъ " *L'histoire de la Russie* |67 г.| причемъ въ ней было такъ много клеветъ, что она возбудила всеобщее негодованіе. И.Н. Б о л т и н ъ |1735-1792| любитель русской исторіи, написалъ рядъ замѣтокъ, въ которыхъ обнаружилъ невѣжество Леклерка и которыя издалъ въ двухъ томахъ. Въ нихъ онъ отчасти задѣлъ и Щербатова. Щербатовъ обидѣлся и написалъ - Возраженіе, Болтинъ отвѣчалъ печатными письмами и приступилъ къ критикѣ на "Исторію" Щербатова. Труды Болтина, обнаруживающіе въ немъ историческій талантъ, интересны по новизнѣ взглядовъ. Болтина не совсѣмъ точно зовутъ иногда "первымъ славянофиломъ", потому что онъ отмѣчалъ много темныхъ сторонъ въ слѣпомъ подражаніи западу, подражаніи, которое замѣтно стало у насъ послѣ Петра, и желалъ, чтобы Россія крѣпче хранила добрыя начала прошлаго вѣка. Самъ Болтинъ интересенъ, какъ историческое явленіе. Онъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что въ XVIII вѣкѣ въ обществѣ даже у не спеціалистовъ по исторіи, былъ живой интересъ къ прошлому своей родины. Взгляды и интересы Болтина раздѣлялъ Н.И. Н о в и к о в ъ, извѣстный ревнитель русскаго просвѣщенія, собрав-

шій "Древнюю Россійскую Виліоѳику" |20 томовъ|, обширный сборникъ историческихъ документовъ и изслѣдованій, изданный въ 1788-1791 гг.Одновременно съ нимъ, какъ собиратель историческихъ матеріаловъ, выступилъ купецъ Голиковъ, издавшій сборникъ историческихъ данныхъ о Петрѣ Великомъ подъ названіемъ: "Д ѣ я н і я П е т р а В е л и к а г о" 1-ое изданіе 1788-1790, 2-ое - 1837 г.| . Такимъ образомъ, рядомъ съ попытками дать общую исторію Россіи, зараждается стремленіе подготовить матеріалы для такой исторіи. Помимо инціативы частной, въ этомъ направленіи работаетъ и сама Академія наукъ, издавая лѣтописи для общаго съ ними ознакомленія.

Но во всемъ томъ, что нами перчислено, еще было мало научности въ нашемъ смыслѣ: не существовало строгихъ критическихъ пріемовъ, не говоря уже объ отсутствіи цѣльныхъ историческихъ представленій.

Впервые рядъ научно-критическихъ пріемовъ въ изученіи русской исторіи внесъ ученый иностранецъ Ш л ѳ ц ѳ р ъ 1735-1809| въ Россіи съ 1751-62. Познакомившись съ русскими лѣтописями, онъ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ - ни у одного народа не встрѣчалъ онъ такого богатства свѣдѣній, такого поэтическаго языка. Уже выѣхавъ изъ Россіи, и будучи профессоромъ Геттингенскаго Университета, онъ неустанно работалъ надъ тѣми выписками изъ лѣтописей, которыя ему удалось вывезти изъ Россіи.

Результатомъ этого ученія былъ знаменитый трудъ, напечатанный подъ заглавіемъ: "Н ѳ с т о р ъ" |1805 г. по нѣмец-

ки, 1809-1819 по-русски|. Это цѣлый рядъ историческихъ этюдовъ о русской лѣтописи. Въ предисловіи авторъ даетъ краткій обзоръ того, что сдѣлано по русской исторіи. Онъ находитъ положеніе науки въ Россіи печальнымъ, къ историкамъ русскимъ относится съ пренебреженіемъ, считаетъ свою книгу почти единственнымъ годнымъ трудомъ по русской исторіи. И дѣйствительно, трудъ его оставлялъ далеко за собой всѣ прочіе, по степени научнаго сознанія и пріемовъ автора. Эти пріемы создали у насъ какъ бы школу учениковъ Шлецера, первыхъ ученыхъ изслѣдователей, вродѣ М.П. П о г о д и н а. Послѣ Шлецера стали возможны у насъ строгія историческія изысканія, для которыхъ, правда, создавались благопріятныя условія и въ другой средѣ, во главѣ которой стоялъ М и л л е р ъ. Среди собранныхъ имъ въ Архивѣ Иностранной Коллегіи людей, особенно выдались Ш т р и т т е р ъ, М а л и н о в с к і й, Б а н т ы ш ъ - К а м е н с к і й. Они создали первую школу ученыхъ архиваріусовъ, которыми архивъ былъ приведенъ въ полный порядокъ и которые, кромѣ внѣшней группировки архивнаго матеріала, произвели рядъ серіозныхъ ученыхъ изысканій на основаніи этого матеріала. Такъ, мало по малу, созрѣвали условія, создавшія у насъ возможность серьезной исторіи. Въ началѣ XIX вѣка создалося , наконецъ, и первый цѣльный взглядъ на русское историческое прошлое - въ извѣстной "Исторіи Государства Россійскаго" Н.М. К а р а м з и н а. Обладая цѣльнымъ мировоззрѣніемъ, литературнымъ талантомъ, и пріемами хорошаго ученаго критика, Карамзинъ во всей русской

исторической жизни видѣлъ одинъ главнѣйшій процессъ - созданіе національнаго - государственнаго могущества.

Къ этому могуществу привелъ Русь рядъ талантливыхъ дѣятелей, изъ которыхъ два главныхъ: Іоаннъ III и Петръ Великій, своею дѣятельностью ознаменовали переходные моменты въ нашей исторіи и стали на рубежѣ основныхъ ея эпохъ: древней |до Іоанна III|, средней |до Петра I| и новой |до начала XIX вѣка|. Свою систему русской исторіи Карамзинъ изложилъ увлекательнымъ для своего времени языкомъ, а свой разсказъ онъ основалъ на многочисленныхъ изысканіяхъ которыя и до настоящаго времени сохраняютъ за его Исторіей научное значеніе.

Но односторонность основного взгляда Карамзина, ограничивавшая задачу историка изображеніемъ судебъ только государства, а не общества съ его культурой, юридическими и экономическими отношеніями, была вскорѣ замѣчена уже современниками Карамзина. Журналистъ 30-ыхъ годовъ Н.А. П о л е в о й, упрекалъ его за то, что онъ, назвавъ свое произведеніе "Исторіей Государства Россійскаго", оставилъ безъ вниманія "Исторію Русскаго народа". Именно этими словами Полевой озаглавилъ свой трудъ, въ которомъ думалъ изобразить судьбу русскаго общества. На смѣну системы Карамзина онъ ставилъ свою систему, но не совсѣмъ удачную, такъ какъ былъ дилеттантъ въ сферѣ историческаго вѣдѣнія. Увлекаясь историческими трудами на западѣ, онъ пробовалъ чисто механически прикладывать ихъ выводы и термины къ русскимъ фактамъ; такъ напримѣръ, отыскалъ феодальную си-

стему въ древней Руси. Отсюда понятна слабость его попытки, понятно, что трудъ Полевого не могъ смѣстить труда Карамзина: въ немъ вовсе не было цѣльной системы.

Менѣе рѣзко и съ большей осторожностью выступилъ противъ Карамзина петербургскій профессоръ У с т р я л о в ъ, въ 1836 году, написавшій "Р а з с у ж д е н і е о с и с т е м ѣ п р а г м а т и ч е с к о й р у с с к о й и с т о р і и. Онъ требовалъ, чтобы исторія была картиной постепеннаго развитія о б щ е с т в е н н о й жизни, изображеніемъ перехода гражданственности изъ одного состоянія въ другое. Но и онъ еще вѣритъ въ могущество личности въ исторіи, наряду съ изображеніемъ народной жизни, требуетъ и біографій ея героевъ. Самъ Устряловъ, однако, отказался дать общую точку зрѣнія на нашу исторію и замѣчалъ, что для этого еще не наступило время. Такимъ образомъ недовольство трудомъ Карамзина, оказавшееся въ ученомъ мірѣ и въ обществѣ, не исправило карамзинской системы и не замѣнило ее другою. Надъ явленіями русской исторіи, какъ ихъ связующее начало, оставалась художественная картина Карамзина и не создалось научной системы. Устряловъ былъ правъ, говоря, что для такой системы еще не наступило время. Лучшіе профессора русской исторіи, начавшіе въ эпоху близкую Карамзину, П о г о д и н ъ и К а ч е н о в с к і й еще были далеки отъ одной общей точки зрѣнія; послѣдняя сложилась лишь тогда, когда русской исторіей стали дѣятельно интересоваться образованные кружки нашего общества. Погодинъ и Каченовскій воспитывались

на ученыхъ пріемахъ Шлецера и подъ его вліяніемъ, которое особенно сильно сказывалось на Погодинѣ. Погодинъ во многомъ продолжалъ изслѣдованія Шлецера и, изучая древнѣйшіе періоды нашей исторіи, не шелъ далѣе частныхъ выводовъ и мелкихъ обобщеній, которыми, однако, умѣлъ увлекать своихъ слушателей, не привыкшихъ къ строго научному и самостоятельному изложенію предмета. Каченовскій за русскую исторію принялся тогда, когда пріобрѣлъ уже много знаній и опыта въ занятіяхъ другими отраслями историческаго вѣдѣнія. Слѣдя за развитіемъ классической исторіи на западѣ, которую въ то время вывели на новый путь изысканія Нибура, Каченовскій увлекался тѣмъ отрицаніемъ, съ какимъ стали относиться къ древнѣйшимъ даннымъ по исторіи, напримѣръ, Рима. Это отрицаніе Каченовскій перенесъ и на русскую исторію: всѣ свѣдѣнія относящіяся къ первымъ вѣкамъ русской исторіи, онъ считалъ не достовѣрными; достовѣрные же факты, по его мнѣнію, начинались лишь съ того времени, какъ появились у насъ письменные документы гражданской жизни. Скептицизмъ Каченовскаго имѣлъ послѣдователей: подъ его вліяніемъ образовалась такъ называемая "Скептическая школа", не богатая выводами, но сильная новымъ скептическимъ пріемомъ отношенія къ научному матеріалу. Этой школѣ принадлежало нѣсколько статей, составленныхъ подъ руководствомъ Каченовскаго. При несомнѣнной талантливости Погодина и Каченовскаго, оба они разрабатывали хотя и крупные, но частные вопросы русской исторіи; оба они сильны были критическими

методами, но ни тотъ ни другой не возвышались еще до цѣльнаго историческаго міровоззрѣнія: давая методъ, они не давали еще результатовъ, къ которымъ можно было прійти съ помощью этого метода.

Въ 30-ыхъ 19в. только годахъ нашего столѣтія, въ русскомъ обществѣ сложилось цѣльное историческое міровоззрѣніе, но развилось оно не на научной а на метафизической почвѣ. Въ первой половинѣ XIX вѣка русскіе образованные люди все съ большимъ и большимъ интересомъ обращались къ исторіи, какъ къ отечественной, такъ и къ западно-европейской. Участіе въ освободительныхъ войнахъ 1813-1814 годовъ, и заграничные походы и жизнь познакомили нашу молодежъ съ философіей и политической жизнью Западной Европы. Изучая жизнь и идеи Запада, они раздѣлились на двѣ группы - одна породила политическое движеніе декабристовъ, другая увлекалась болѣе отвлеченной философіей , чѣмъ политикой. Не имѣя спеціальныхъ историческихъ знаній и научной подготовки, эта послѣдняя группа чаще размышляла надъ русской исторіей, нежели изучала ее. Въ толкованіе своего прошлаго, эти люди вносили тѣ общія точки зрѣнія, которыя почерпнули въ знакомствѣ съ ходомъ западно-европейской мысли. Къ числу ихъ принадлежалъ и Ч а а д а е в ъ. Онъ написалъ: "Ф и л о с о ф с к о е п и с ь м о", напечатанное Н а д е ж д и н ы м ъ в ъ "Телескопѣ". Въ этомъ письмѣ Ч а а д а е в ъ говоритъ, что онъ страстно желалъ уразумѣть свое національное прошлое, ибо думалъ, выражаясь его словами, "что можно быть полезнымъ своему отечеству только подъ условіемъ ясно

его видѣть". Но "ясно видѣть" прошлое безъ научной подготовки Чаадаевъ, конечно, не могъ и только старался угадать его. Работа уединеннаго ума, знавшаго европейскій бытъ больше русскаго, привела Чаадаева къ тому заключенію, что Русь не имѣла ни исторіи, ни культуры и должна была войти въ тѣсное сближеніе съ Западомъ, даже съ религіознымъ его бытомъ, чтобы пріобщиться къ прогрессу. Единственной свѣтлой точкой на горизонтѣ русской жизни былъ для Чаадаева Петръ, "который отрекся отъ древней Россіи передъ лицомъ цѣлаго міра", "вырылъ пропасть между нашимъ прошедшимъ и нашимъ настоящимъ и бросилъ въ нее кучей всѣ наши преданія". Въ Петрѣ сосредоточивался для Чаадаева весь смыслъ русской исторіи и этимъ онъ предупредилъ взгляды такъ называемыхъ Западниковъ. Но онъ не принадлежалъ къ нимъ ни въ основаніи своей философіи, ни по житейскимъ отношеніямъ. Онъ стоитъ совершенно особнякомъ въ исторіи русской мысли. Его остроумно называютъ человѣкомъ 30 годовъ, оставшимся позади поколѣнія 20-хъ годовъ.

Тотъ кружокъ, изъ котораго берутъ свое начало Западники и Славянофилы, развивалъ свои взгляды одновременно съ Чаадаевымъ, но развивалъ ихъ болѣе стройно и свѣтлѣе смотрѣлъ на русскую жизнь въ ея прошломъ и настоящемъ. Это зависѣло отъ того, что кружокъ этотъ выросъ всецѣло на почвѣ германской метафизической философіи начала нашего вѣка. А эта философія отличалась стройностью логическихъ построеній и оптимизмомъ выводовъ. Въ германской метафизикѣ, какъ и въ германскомъ романтизмѣ, сказался протестъ противъ су-

хого раціонализма французской философіи XVIII вѣка. Революціонному космополитизму Франціи Германія противополагала начало народности и выясняла его въ привлекательныхъ образахъ народной поэзіи и въ ряду метафизическихъ системъ. Эти системы стали извѣстны образованнымъ русскимъ людямъ и увлекали ихъ. Въ германской философіи русскіе образованные люди видѣли цѣлое откровеніе, Германія была для нихъ "Іерусалимомъ новѣйшаго человѣчества" - такъ назвалъ ее Бѣлинскій. Изученіе главнѣйшихъ метафизическихъ системъ Шеллинга и Гегеля соединило въ тѣсный кружокъ нѣсколько талантливыхъ представителей русскаго общества и заставило ихъ обратиться къ изученію своего |русскаго| національнаго прошлаго. Результатомъ этого изученія были двѣ совершенно противоположныя системы русской исторіи, построенныхъ на одинаковой метафизической основѣ. Въ Германіи въ это время господствующими философскими системами были системы Шеллинга и Гегеля. По мнѣнію Шеллинга каждый историческій народъ долженъ осуществлять какую нибудь абсолютную идею добра, правды, красоты. Раскрыть эту идею міру историческое призваніе народа. Исполняя его, народъ дѣлаетъ шагъ впередъ на поприщѣ всемірной цивилизаціи; исполнивъ ее, онъ сходитъ съ исторической сцены. Тѣ народы, бытіе которыхъ не одухотворено своей идеей безусловнаго, суть народы неисторическіе, они осуждены на духовное рабство у другихъ націй. Такое же дѣленіе народовъ на историческіе и неисторическіе даетъ и Гегель, но онъ, развивая почти тотъ же принципъ, пошелъ еще далѣе. Онъ далъ общую картину мірового прогрес-

са. Вся міровая жизнь, по мнѣнію Гегеля, была развитіемъ абсолютнаго духа, который стремится къ самопознанію въ исторіи различныхъ народовъ, но достигаетъ его окончательно въ германо-романской цивилизаціи. Культурные народы древняго востока, античнаго міра и романской Европы были поставлены Гегелемъ въ извѣстный порядокъ, представляющій собой лѣстницу, по которой восходилъ міровой духъ. На верху этой лѣстницы стояли германцы и имъ Гегель пророчилъ вѣчное міровое главенство. Славянъ же на этой лѣстницѣ не было совсѣмъ. Ихъ онъ считалъ за неисторическую расу и тѣмъ осуждалъ на духовное рабство у германской цивилизаціи. Такимъ образомъ, Шеллингъ требовалъ для своего народа только всемірнаго гражданства, а Гегель - всемірнаго главенства. Но, несмотря на такое различіе взглядовъ, оба философа одинаково повліяли на русскіе умы въ томъ смыслѣ, что возбуждали стремленіе оглянуться на р у с с к у ю историческую жизнь, отыскать ту абсолютную идею, которая раскрывалась въ русской жизни; опредѣлить мѣсто и назначеніе русскаго народа въ ходѣ мірового прогресса. И тутъ то, въ приложеніи началъ германской метафизики къ русской дѣйствительности, русскіе люди разошлись между собой. Одни изъ нихъ, з а п а д н и к и, повѣрили тому, что германо-протестанская цивилизація есть послѣднее слово мірового прогресса. Для нихъ древняя Русь, не знавшая западной германской цивилизаціи и не имѣвшая своей, была страной неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вѣчный застой, страной "азіатской", какъ назвалъ ее Бѣлинскій | въ его статьѣ о Кото-

шихинѣ|. Изъ вѣковой азіатской косности вывелъ ее Петръ, который, пріобщивъ Россію къ германской цивилизаціи, создалъ ей возможность прогресса и исторіи. Во всей русской исторіи, стало быть, только эпоха Петра Великаго можетъ имѣть историческое значеніе. Она главный моментъ въ русской жизни, она отдѣляетъ Русь азіатскую отъ Руси европейской. До Петра полная пустыня, полное ничто; въ древней русской исторіи нѣтъ никакого смысла, такъ какъ въ древней Руси нѣтъ своей культуры.

Но не всѣ русскіе люди 30-хъ и 40-хъ годовъ думали такъ; нѣкоторые не соглашались съ тѣмъ, что германская цивилизація есть верхняя ступень прогресса, что славянское племя есть племя неисторическое. Они не видѣли причины, почему міровое развитіе должно остановиться на германцахъ Изъ русской исторіи вынесли они убѣжденіе, что славянство было далеко отъ застоя, что оно могло гордиться многими драматическими моментами въ своемъ прошломъ и что оно, наконецъ, имѣло свою культуру. Это ученіе было хорошо изложено К и р ѣ е в с к и м ъ. Онъ говоритъ, что славянская культура въ основаніяхъ своихъ была самостоятельна и отлична отъ германской. Во I-ыхъ славяне получили христіанство изъ Византіи |а германцы изъ Рима| и ихъ р е л и г і о з н ы й бытъ получилъ иныя формы, чѣмъ тѣ, которыя сложились у германцевъ подъ вліяніемъ католичества. Во 2-хъ славяне и германцы выросли на р а з л и ч н о й к у л ь т у р ѣ; первыя - на греческой, вторые - на римской. Въ то время, какъ культура германская выработала свободу и значеніе личности,

славянскія общины совершенно поработили ее. Въ З-хъ, г о с у д а р с т в е н н ы й с т р о й создан различно. Германія сложилась на римской почвѣ. Германцы были народъ пришлый; побѣждая туземное населеніе, они порабощали его. Борьба между побѣжденными и побѣдителями, которая легла въ основаніи государственнаго строя Западной Европы, перешла впослѣдствіи въ антагонизмъ сословій. У славянъ государство создалось путемъ мирнаго договора, добровольнаго признанія власти. Вотъ различіе между Россіей и Зап. Европой, различіе религіи, культуры, государственнаго строя. Такъ думали славянофилы, болѣе самостоятельные послѣдователи западныхъ философскихъ ученій. Они были убѣждены, что самостоятельная русская жизнь достигла наибольшаго развитія своихъ началъ въ эпоху московскаго государства. Петръ Великій грубо разрушилъ это развитіе, насильственной реформой внесъ намъ чуждыя, даже противоположныя начала германской цивилизаціи. Онъ повернулъ правильное теченіе народной жизни на ложный путь заимствованія, потому что онъ не понималъ завѣтовъ прошлаго, не понималъ нашего національнаго духа. Цѣль славянофиловъ – вернуться на путь естественнаго развитія, сгладивъ слѣды насильственной Петровской реформы.

Общія точки зрѣнія западниковъ и славянофиловъ служили имъ основаніемъ для толкованія не только общаго смысл нашей исторіи, но и отдѣльныхъ ея фактовъ: можно насчитать много историческихъ трудовъ, написанныхъ западниками и особенно славянофилами |изъ славянофиловъ-историковъ слѣдуетъ помянуть Константина С. Аксакова|. Но ихъ труды были гораздо бо-

лѣе философскими или публистическими, чѣмъ собственно историческими, а отношеніе къ исторіи гораздо болѣе философскимъ, чѣмъ научнымъ.

Строго научная цѣльность историческихъ воззрѣній впервые создана была у насъ въ 40-хъ годахъ. Первыми носителями новыхъ историческихъ идей были два молодые профессора Московскаго университета: Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ и Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Ихъ воззрѣніе на русскую исторію въ то время называлось "теоріей родового быта", а впослѣдствіи и другіе ученые ихъ направленія стали извѣстны подъ названіемъ "историко-юридической школы". Воспитались они подъ вліяніемъ германской философіи. Въ началѣ нашего вѣка историческая наука сдѣлала въ Германіи большіе успѣхи. Дѣятели такъ называемой "Германской исторической школы" внесли въ изученіе исторіи чрезвычайно плодотворныя руководящія идеи и новые методы изслѣдованія. Главной мыслью германскихъ историковъ была мысль о томъ, что развитіе человѣческихъ общинъ не есть результатъ случайностей или единичной воли отдѣльныхъ лицъ: развитіе общества совершается, какъ развитіе организма, по строгимъ законамъ, ниспровергнуть которое не можетъ ни историческая случайность, ни личность, какъ бы геніальна она не была. Первый шагъ къ такому воззрѣнію сдѣлалъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія Фридрихъ Августъ Вольфъ въ произведеніяхъ *Prolegomena ad Homerum*, въ которыхъ онъ занимался изслѣдованіемъ происхожденія и состава греческаго эпоса "Одиссеи" и

"Иліады" Давая въ своемъ трудѣ рѣдкій образецъ исторической критики, онъ утверждалъ, что Гомеровскій эпосъ не могъ быть произведеніемъ отдѣльной личности, а былъ постепенно, органически созданнымъ произведеніемъ поэтическаго генія цѣлаго народа. Послѣ труда Вольфа такое органическое развитіе стали искать не только въ памятникахъ поэтическаго творчества, но и во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Искали и въ исторіи, и въ правѣ Признаки органическаго роста античныхъ общинъ наблюдали Нибуръ въ Римской Исторіи, Карлъ Готфридъ Миллеръ въ Греческой. Органическое развитіе правового сознанія изучали историки-юристы - Э й х г о р н ъ Deutsche Staats und Rechtsgeschichte въ пяти томахъ, 1808| и С а в и н ъ и |Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, въ 6-ти томахъ, 1815-1831|. Эти труды, носившіе на себѣ печать новаго направленія, къ половинѣ XVIII вѣка создали въ Германіи блестящую школу историковъ, которая и до сихъ поръ еще не пережила вполнѣ своихъ идей.

Въ идеяхъ и пріемахъ ея выросли наши ученые историко-юридической школы. |Одни усвоили ихъ себѣ путемъ чтенія, какъ напр. Кавелинъ, другіе - прямо слушаніемъ лекцій, какъ напр. Соловьевъ, который былъ ученикомъ Ранке|. Они усвоили себѣ все содержаніе нѣмецкаго историческаго направленія. Нѣкоторые изъ нихъ увлекались и германской философіей Гегеля. Въ Германіи точная и строго-фактическая историческая школа не всегда жила въ ладу съ метафизическими ученіями Гегеліанства, тѣмъ не менѣе и историки и Гегель сходились въ основномъ воззрѣніи на исторію, какъ на закономѣрное

развитіе человѣческихъ общинъ. И историки, и Гегель одинаково отрицали въ ней случайность, поэтому ихъ воззрѣнія могли ужиться въ одной и той же личности. Эти воззрѣнія и были впервые приложены къ русской исторіи нашими учеными С. Соловьевымъ и К. Кавелинымъ, думавшимъ показать въ ней органическое развитіе тѣхъ началъ, которыя даны были первоначальнымъ бытомъ нашего племени и которыя коренились въ природѣ нашего народа. На бытъ культурный и экономическій они обращали меньше вниманія, чѣмъ на внѣшнія формы общественныхъ союзовъ, потому что они были убѣждены, что главнымъ содержаніемъ русской исторической жизни было именно естественная смѣна однихъ законовъ другими. Они надѣялись найти порядокъ этой смѣны и въ немъ найти законъ нашего историческаго развитія. Вотъ почему ихъ историческіе трактаты носятъ нѣсколько односторонній историко-юридическій характеръ. Такая односторонность не составляла индивидуальности нашихъ ученыхъ, а была внесена ими отъ ихъ германскихъ наставниковъ. Нѣмецкая исторіографія считала главной своей задачей изслѣдованіе именно юридическихъ формъ въ исторіи, корень этого взгляда кроется въ идеяхъ Канта, который понималъ исторію, какъ "путь человѣчества" къ созданію совершенныхъ государственныхъ формъ. Таковы были тѣ основанія, на которыхъ строилось первое научно-философское воззрѣніе на русскій историческій бытъ. Это не было простое заимствованіе чужихъ выводовъ, не было только механическое приложеніе чужихъ идей къ плохо понятому матеріалу; это было самостоятельное научное

Библіотека С.-Петербургскихъ Женскихъ Курсовъ

движеніе, въ которомъ взгляды и научные пріемы были тождественны съ германскими, но выводы отнюдь не предрѣшались и зависили отъ матеріала. Это было научное творчество, шедшее въ направленіи своей эпохи, но самостоятельно. Вотъ почему каждый дѣятель этого движенія сохранялъ свою индивидульность и оставилъ по себѣ цѣнныя монографіи, а вся историко-юридическая школа создала такую схему нашего историческаго развитія, подъ вліяніемъ которой до сихъ поръ живетъ русская историографія.

Исходя изъ мысли, что отличительныя черты исторіи каждаго народа создаются его природой и его первоначальной обстановкой, они и обратили вниманіе на первоначальную форму русскаго общественнаго быта, которая, по ихъ мнѣнію, опредѣлялась началами р о д о в о г о б ы т а. В ю русскую исторію представляли они какъ послѣдовательный, органически стройный переходъ отъ кровныхъ общественныхъ союзовъ, отъ родового быта къ - къ быту государственному. Между эпохой кровныхъ союзовъ и государственной лежитъ промежуточный періодъ, въ которомъ происходила борьба начала кровнаго съ началомъ государственнымъ. Въ первый періодъ личность безусловно подчинялась роду и опредѣляла свое положеніе не индивидуальной дѣятельностью или способностями, а положеніемъ въ родѣ; кровное начало господствовало не только въ княжескихъ, но и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ: оно

Лекціи по Русской исторіи. I курсъ. Листъ 3.
Литографія Богданова, Эртелевъ пер, д. I2. Директоръ

опредѣляло собой всю политическую жизнь Россіи. Россія въ первой стадіи своего развитія считалась родовой собственностью князей; она дѣлилась на волости соотвѣтственно числу членовъ княжескаго дома. Порядокъ владѣнія обусловливался родовыми счетами. Положеніе каждаго члена опредѣлялось его мѣстомъ въ родѣ. Нарушеніе старшинства порождало междуусобицы, которыя, съ точки зрѣнія Соловьева, ведутся не за волости, не за нѣчто конкретное, а за нарушеніе старшинства, за идею. Съ теченіемъ времени измѣнились обстоятельства княжеской жизни и дѣятельности на сѣверо-востокѣ Руси, гдѣ князья являлись полными хозяевами земли, сами призывали населеніе, сами строили города и сообщали первое благоустройство княженіемъ. Чувствуя себя создателемъ новой области, князь предъявляетъ на нее новыя требованія: въ силу того, что князь самъ "налѣзъ" себѣ волость, онъ не считаетъ послѣднюю уже родовой Онъ образовалъ ее своими личными трудами и она не должна переходить въ родъ, она его личное владѣніе, которое остается въ его семьѣ. Отсюда возникаетъ понятіе о собственности семейной, понятіе, вызвавшее окончательную погибель родового быта. Семья, а не родъ, стала главнымъ принципомъ, князья даже стали смотрѣть на своихъ дальнихъ родственниковъ, какъ на людей чужихъ, враговъ своей семьи. Наступаетъ новая эпоха, когда одно начало разложилось, другого еще не началось. Наступаетъ хаосъ, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Изъ этого хаоса выростаетъ случайно усилившаяся семья московскихъ князей, которые свою вотчину ставятъ выше другихъ по силѣ и богатству. Въ этой вот-

чинѣ мало по малу выработывается начало единонаслѣдія - первый признакъ новаго государственнаго порядка, который и водворяется окончательно реформами Петра Великаго.

Таковъ въ самыхъ общихъ чертахъ взглядъ С.М. Соловьева на ходъ нашей исторіи, взглядъ выработанный имъ въ двухъ его диссертаціяхъ: I| "Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ", и 2| "Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома." Система Соловьева была талантливо поддержана К.Д.Кавелинымъ въ нѣсколькихъ его историческихъ статьяхъ |см. томы I и II его "Собраній сочиненій"|. Въ одной лишь существенной частности Кавелинъ расходился съ Соловьевымъ: онъ думалъ, что и безъ случайнаго стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ на сѣверѣ Руси родовой бытъ княжескій долженъ былъ разложиться и перейти въ семейный, а затѣмъ въ государственный. Смѣну, неизбѣжную и послѣдовательную смѣну началъ въ нашей исторіи, онъ изображалъ въ такой краткой формулѣ: "родъ и общее владѣніе; семья и вотчина или отдѣльная собственность; лицо и государство" |томъ II, стр. 474|.

Толчекъ данный талантливыми трудами Соловьева и Кавелина русской исторіографіи, былъ очень великъ. Стройная ученая система, впервые данная нашей исторіи, увлекла многихъ и вызвала оживленное научное движеніе. Много монографій было написано прямо въ духѣ историко юридической школы. Но много и возраженій, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сильныхъ, раздалось противъ ученія этой новой шко-

лы. Рядъ горячихъ научныхъ научныхъ споровъ , въ концѣ концовъ окончательно рататалъ стройное теоретическое построеніе Соловьева и Кавелина въ томъ его видѣ, въ какомъ оно появилось въ ихъ первыхъ трудахъ. Первое возраженіе противъ школы родового быта принадлежало славянофиламъ. Въ лицѣ К.Аксакова они обратились къ изученію историческихъ фактовъ |къ нимъ отчасти примкнули московскіе профессора Лешковъ и Бѣляевъ |; на первой ступени нашей исторіи они увидѣли не родовой бытъ а общинный, и мало по малу, создали свое ученіе объ общинѣ. Оно встрѣтило нѣкоторую поддержку въ трудахъ одесскаго профессора Леонтовича, который постарался опредѣлить точнѣе примитивный характеръ древней славянской общины; эта община, по его мнѣнію, очень походитъ на существующую еще сербскую задругу , основанную, отчасти, на родственныхъ, отчасти же, на территоріальныхъ отношеніяхъ. На мѣстѣ рода, точно опредѣленнаго школой родового быта, стала не менѣе точно опредѣленная община и такимъ образомъ первая часть общеисторической схемы Соловьева и Кавелина потеряла свою непреложность. Второе возраженіе противъ частностей этой схемы сдѣлано было ученымъ, близкимъ по общему направленію къ Соловьеву и Кавелину - Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, воспитавшійся въ той же научной обстановкѣ, какъ Соловьевъ и Кавелинъ, отодвинулъ за предѣлы исторіи эпоху кровныхъ родовыхъ союзовъ на Руси. На первыхъ страницахъ нашего историческаго бытія онъ видѣлъ уже разложеніе

древнихъ родовыхъ началъ. Первая форма нашей общественности, какую знаетъ исторія, по его взгляду, была построена не на кровныхъ связяхъ, а на началахъ гражданскаго права. Въ древне-русскомъ бытѣ личность не ограничивалась ничѣмъ ни кровнымъ союзомъ, ни государственными порядками. Всѣ общественныя отношенія опредѣлялись гражданскими сдѣлками - Д о г о в о р а м и. Изъ этого то договорнаго порядка естественнымъ путемъ выросло впослѣдствіи государство. Теорія Чичерина, изложенная въ его трудѣ "О духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей великихъ и удѣльныхъ" получила дальнѣйшее развитіе въ трудахъ профессора В.И. С е р г ѣ е в и ч а и въ этой послѣдней формѣ уже совсѣмъ отошла отъ первоначальной схемы, данной школою родового быта. Вся исторія общественнаго быта дѣлится у Сергѣевича на два періода: первый - съ преобладаніемъ частной личной воли надъ началомъ государственнымъ, второй - съ преобладаніемъ государственнаго интереса надъ личною волей.

Если первое славянофильское возраженіе явилось на почвѣ соображеній объ общей к у л ь т у р н о й самостоятельности славянства, если второе выросло на почвѣ изученія п р а в о в ы х ъ институтовъ, то третье возраженіе школѣ родового быта сдѣлано скорѣе всего съ точки зрѣнія историко - экономической. Древнѣйшая Кіевская Русь не есть страна патріархальная; ея общественныя отношенія довольно сложны, и построены на тимократической основѣ. Въ ней преобладаетъ аристократія капитала, , предоставители которой сидятъ въ княжеской думѣ. Таковъ взглядъ профессора В.О.

К л ю ч е в е к а г о |въ его трудѣ "Боярская дума древней Руси"|.

Всѣ эти возраженія уничтожили стройную систему родового быта, но не создали, какой либо новой исторической схемы. Славянофильство оставалось вѣрнымъ своей метафизической основѣ, а въ позднѣйшихъ представителяхъ отошло отъ историческихъ розысканій. Система Чичерина и Сергѣевича сознательно считаетъ себя системой только исторіи права. А точка зрѣнія историко-экономическая не приложена къ объясненію всего хода нашей исторіи. Наконецъ въ трудахъ другихъ историковъ не встрѣчаемъ сколько нибудь удачной попытки дать основанія для самостоятельнаго и цѣлаго историческаго міровоззрѣнія.

Чѣмъ же живетъ теперь наша исторіографія? Вмѣстѣ съ К. Аксаковымъ мы можемъ сказать, что у насъ теперь нѣтъ "исторіи", что "у насъ теперь пора историческихъ изслѣдованій, не болѣе". Но отмѣчая этимъ отсутствіе одной господствующей въ исторіографіи доктрины, мы не отрицаемъ существованія у нашихъ современныхъ историковъ общихъ взглядовъ, новизною и плодотворностью которыхъ обусловливаются послѣдніе успѣхи нашей исторіографіи. Эти общіе взгляды возникали у насъ одновременно съ тѣмъ, какъ появлялись въ европейской наукѣ; касались они и научныхъ методовъ, и историческихъ представленій вообще. 1)Возникшее на западѣ стремленіе приложить къ изученію исторіи пріемы естественныхъ наукъ сказались у насъ въ трудахъ извѣстнаго Щ а п о в а. 2)Сравнительный историческій методъ, выработанный

англійскими учеными |Фриманъ| и требующій, чтобы каждое историческое явленіе изучалось въ связи съ подобными же явленіями другихъ народовъ и эпохъ, - прилагался и у насъ многими учеными |напримѣръ В.И.Сергѣевичемъ|. Развитіе этнографіи вызвало стремленіе создать историческую этнографію и съ точки зрѣнія этнографической разсмотрѣть вообще явленія нашей древнѣйшей исторіи |Н.И.Костомаровъ|. Интересъ къ исторіи экономическаго быта, выросшій на западѣ, сказался и у насъ многими попытками изученія народно хозяйственной жизни въ разныя эпохи |В. О.Ключевскій и другіе|. Такъ называемый эволюціонизмъ имѣетъ и у насъ своихъ предотавителей въ лицѣ молодыхъ университетскихъ преподавателей.

Не только то что вновь вносилось въ научное сознаніе двигало впередъ нашу исторіографію. Пересмотръ старыхъ, уже разработанныхъ вопросовъ давалъ новые выводы, ложившіеся въ основаніе новыхъ и новыхъ изысканій. Уже въ 70-хъ годахъ С.М.Соловьевъ въ своихъ "Публичныхъ чтеніяхъ о Петрѣ Великомъ" яснѣе и доказательнѣе высказалъ свою старую мысль о томъ, что Петръ Великій былъ традиціоннымъ дѣятелемъ и въ своей реформаціонной дѣятельности руководился идеалами старыхъ московскихъ людей XVII вѣка и пользовался тѣми средствами, которыя были подготовлены раньше его. Едва ли не подъ вліяніемъ трудовъ именно Соловьева началась дѣятельная разработка исторіи Московской Руси, показывающая теперь, что до-Петровская Москва не была азіатски-коснымъ государствомъ и дѣйствительно шла къ реформѣ

еще до Петра, который самъ идею реформы воспринялъ изъ окружавшей его московской среды. Пересмотръ старѣйшаго изъ вопросовъ русской исторіографіи - Варяжскаго вопроса |въ трудахъ В.Гр. Васильевскаго, А.А.Кунина, С.А.Гѣдеонова и другихъ| освѣщаетъ новымъ свѣтомъ начало нашей исторіи. Новыя изслѣдованія по исторіи западной Руси открыли передъ нами любопытныя и важныя данныя по исторіи и быту литовско-русскаго государства |В.Б.Антоновичъ и др.|. Указанными примѣрами не исчерпывается однако содержаніе новѣйшихъ работъ по нашему предмету; но эти примѣры показываютъ, что современная исторіографія трудится надъ темами весьма крупными. До попытокъ историческаго синтеза поэтому, можетъ быть, и недалеко.

Въ заключеніе нашего историографическаго обзора намъ слѣдуетъ назвать тѣ труды по русской исторіографіи, въ которыхъ изображается постепенное развитіе и современное состояніе нашей науки и которые поэтому должны служить предпочтительными руководствами для знакомства съ нашей исторіографіей. I| К.Н. Бестужева-Рюмина "Русская Исторія" |2 тт., конспективное изложеніе фактовъ и ученыхъ мнѣній съ очень цѣннымъ введеніемъ объ источникахъ и исторіографіи|; 2| К.Н. Бестужевъ-Рюминъ "Біографіи и характеристики" |Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ и др.| С-Пб.,1882; 3| С.М. Соловьевъ. Статьи по исторіографіи, указанныя на страницѣ 530 его книги: Сочиненія С.М. Соловьева" С-Пб. 1882; 4| О.М.Ковалевичъ "Исторія русскаго самосознанія". С-Пб.,1884;

5| В.С.И к о н н и к о в а "Опытъ русской исторіографіи". Томъ первый, книга первая и вторая. Кіевъ. 1891 годъ;
6| П.А.М и л ю к о в ъ. "Главныя теченія русской исторической жизни" въ "Русской Мысли" за 1893 годъ |и отдѣльно|.

О б з о р ъ и с т о ч н и к о в ъ.

Въ обширномъ смыслѣ понятіе историческаго источника заключаетъ въ себѣ всякій остатокъ старины, будетъ ли это сооруженіе, предметъ искусства, вещь житейскаго обихода, печатная книга, рукопись или, наконецъ, устное преданіе. Но въ узкомъ смыслѣ источникомъ мы называемъ печатный или письменный остатокъ старины, иначе говоря той эпохи, которую изучаетъ историкъ. Нашему вѣдѣнію подлежатъ лишь остатки послѣдняго рода.

Обзоръ источниковъ можетъ быть веденъ двумя путями: во 1-хъ онъ можетъ быть простымъ логически-систематичнымъ перечнемъ различныхъ видовъ историческаго матеріала, съ указаніемъ главнѣйшихъ его изданій; во 2-хъ обзоръ источниковъ можетъ быть построенъ исторически и совмѣстить въ себѣ перечень матеріала съ обзоромъ движенія у насъ археологическихъ трудовъ. Второй путь ознакомленія съ источниками для насъ гораздо интереснѣе, во 1-хъ потому, что мы можемъ наблюдать здѣсь появленіе археологическихъ трудовъ въ связи съ тѣмъ, какъ въ обществѣ развивалось чувство цѣнности рукописной старины, и во 2-хъ потому еще, что здѣсь мы познакомимся съ тѣми дѣятелями, которые собираніемъ матеріаловъ для родной исторіи составили себѣ вѣчное имя въ нашей наукѣ.

Въ эпоху до-петровскую отношеніе къ рукописямъ въ грамотныхъ слояхъ московскаго общества было самое внимательное, потому что въ то время рукопись замѣняла книгу, была источникомъ и знаній, и эстетическихъ наслажденій, и составляла цѣнные предметы обладанія; рукописи постоянно переписывались съ большой тщательностью и часто жертвовались передъ смертью владѣльцами въ монастыри "по душѣ": жертвователь аз свой даръ проситъ монастырь или церковь о вѣчномъ поминовеніи его грѣшной души. Акты законодательные и вообще всѣ рукописи юридическаго характера, т.е. то, что мы назвали бы теперь оффиціальными и дѣловыми бумагами, также ревниво сберегались. Печатныхъ законоположеній, кромѣ уложенія царя Алексѣя Михайловича, тогда не существовало и этотъ рукописный матеріалъ былъ какъ бы кодексомъ дѣйствующаго права, руководствомъ тогдашнихъ администраторовъ и судей. Законодательство тогда было письменнымъ, какъ теперь оно печатное. Кромѣ того, на рукописныхъ же грамотахъ монастыри и частные лица основывали свои льготы и различнаго рода права. Понятно, что весь этотъ письменный матеріалъ былъ дорогъ въ обиходѣ тогдашней жизни и что его должны были цѣнить и хранить.

Въ XVIII вѣкѣ, подъ вліяніемъ новыхъ культурныхъ вкусовъ, съ распространеніемъ печатной книги и печатныхъ законоположеній, отношеніе къ старымъ рукописямъ очень измѣняется: упадокъ чувства ихъ цѣнности замѣчается у насъ въ продолженіе всего XVIII вѣка. Въ XVII в. рукописи очень цѣнились тогдашнимъ культурнымъ классомъ, а теперь, въ XVIII

вѣкѣ, этотъ классъ уступилъ мѣсто новымъ культурнымъ слоямъ, которые къ рукописнымъ источникамъ старины относились презрительно, какъ къ старому негодному хламу. Духовенство также переставало понимать историческую и духовную цѣнность своихъ богатыхъ рукописныхъ собраній и относилось къ нимъ небрежно. Обиліе рукописей, перешедшихъ изъ XVII в. въ XVIII, способствовало тому, что ихъ не цѣнили. Рукопись была еще, такъ сказать, вещью житейской, а не исторической,и мало по малу съ культурныхъ верховъ общества, гдѣ прежде вращалась, переходила въ нижніе его слои, между прочимъ и къ раскольникамъ, которыхъ нашъ археографъ Строевъ называлъ "попечителями нашихъ рукописей". Старые же архивы и монастырскіе книгохранилища, заключавшіе въ себѣ массу драгоцѣнностей, оставались безъ всякаго вниманія, въ полномъ пренебреженіи и упадкѣ. Вотъ примѣры уже изъ нашего вѣка, которые показываютъ, какъ невѣжественно обращались съ рукописной стариной ея владѣльцы и хранители. "Въ одной обители благочестія, къ которой въ исходѣ XVII в. было приписано болѣе 15 другихъ монастырей", писалъ П.М.Строевъ въ 1823 году,"старый ея архивъ помѣщался въ башнѣ, гдѣ въ окнахъ не было рамъ. Снѣгъ покрывалъ на полъ аршина кучу книгъ и столбцовъ, наваленныхъ безъ разбору, и я рылся въ ней, какъ въ развалинахъ Геркулана. Этому 6 лѣтъ,-слѣдовательно, снѣгъ 6 лѣтъ покрывалъ сіи рукописи и столько же на нихъ таялъ, теперь вѣрно осталась одна ржавая пыль"... Тотъ же Строевъ въ 1829 году доносилъ Академіи Наукъ, что архивъ города Кевроля, по упраздненіи его перенесенный въ Пинегу, "сгнилъ

тамъ въ ветхомъ сараѣ и, какъ мнѣ сказывали, послѣдніе остатки его незадолго передъ симъ |т.е.до 1829г.| брошены въ воду".

Извѣстный любитель и изслѣдователь старины митрополитъ Кіевскій Евгеній |Болховитиновъ, 1767-1837|, будучи архіереемъ въ Псковѣ, пожелалъ осмотрѣть богатый Новгородскій Юрьевъ-монастырь. "Впередъ онъ далъ знать о своемъ пріѣздѣ",- пишетъ буографъ митроп. Евгенія, Ивановскій, - "и этимъ, разумѣется, застаивлъ начальство обители нѣсколько посуетиться и привести нѣкоторыя изъ монастырскихъ помѣщеній въ болѣе благовидный порядокъ. Ѣхать въ монастырь онъ могъ одной изъ двухъ дорогъ: или верхней, болѣе проѣзжей, но скучной, или нижней, близъ Волхова, менѣе удобной, но болѣе пріятной. Онъ поѣхалъ нижней. Близъ самаго монастыря онъ встрѣтился съ возомъ, ѣхавшимъ къ Волхову въ сопровожденіи инока. Желая узнать, что везетъ инокъ къ рѣкѣ, онъ спросилъ. Инокъ отвѣчалъ, что онъ везетъ разный соръ и хламъ, который просто кинуть въ навозную кучу нельзя, а надобно бросить въ рѣку. Это возбудило любопытство Евгенія. Онъ подошелъ къ возу, велѣлъ приподнять рогожу, увидѣлъ порванныя книжки и рукописные листы и затѣмъ велѣлъ иноку возвратиться въ монастырь". Въ этомъ возу оказались драгоцѣнные остатки письменности даже XI вѣка. |Ивановскій "Митр. Евгеній", стр.41-42|.

Таково было у насъ отношеніе къ памятникамъ старины еще въ XIX в. Въ XVIII вѣкѣ оно было, конечно, не лучше, хотя нужно отмѣтить, что рядомъ съ этимъ, съ начала уже прошла-

столѣтія являются отдѣльныя личности, сознательно относившіяся къ старинѣ. Самъ Петръ I собиралъ старинные монеты, медали и другіе остатки старины, по западно-европейскому обычаю, какъ необыкновенные и курьезные предметы, какъ своего рода "монстры". Но, собирая любопытные вещественные остатки старины, Петръ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ "вѣдать государства россійскаго исторію" и полагалъ, что "о семъ первѣе трудиться надобно, а не о началѣ свѣта и другихъ государствахъ, понеже о семъ много писано". Съ 1708-1715 г.по приказу Петра надъ сочиненіемъ русской исторіи |XYI и XYII вв. трудился тогдашній ученый дѣятель славяно-греко-латинской Академіи Ѳ е д о р ъ П о л и к а р п о в ъ, но трудъ его не удовлетворилъ Петра, а намъ остался неизвѣстенъ. Несмотря, однако, на такую неудачу, Петръ до конца своего царствованія не забывалъ мысли о полной *русской* исторіи и заботился о собираніи для нея матеріала: въ 1720 году онъ приказалъ губернаторамъ пересмотрѣть всѣ замѣчательные историческіе документы и лѣтописныя книги во всѣхъ монастыряхъ, епархіяхъ и соборахъ, составить имъ описи и доставить эти описи въ сенатъ. А въ 1722 году синоду было указано по этимъ описямъ отобрать всѣ историческіе рукописи изъ епархій въ синодъ и сдѣлать съ нихъ списки. Но синоду не удалось привести это въ исполненіе: большинство епархіальныхъ начальствъ отвѣчало на запросы синода, что у нихъ нѣтъ такихъ рукописей, а всего въ синодъ было прислано до 40 рукописей, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, и изъ нихъ только 8 собственно историческихъ, остальныя же духовнаго

содержанія. Такъ желаніе Петра имѣть историческое повѣствованіе о Россіи и собрать для этого матеріалъ разбилось о невѣжество и небрежность его современниковъ.

При Петрѣ, такимъ образомъ, ничего не было сдѣлано для русской исторіи въ смыслѣ результатовъ. Историческая наука родилась у насъ уже позже Петра, и научная обработка историческаго матеріала началась вмѣстѣ съ появленіемъ у насъ ученыхъ нѣмцевъ; тогда стало выясняться мало по малу и значеніе рукописнаго матеріала для нашей исторіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи неоцѣнимыя услуги нашей наукѣ оказалъ уже извѣстный намъ Г е р а р д ъ Ф р и д р и х ъ М и л л е р ъ |1705-1785|. Добросовѣстный и трудолюбивый ученый, осторожный критикъ-изслѣдователь и въ то же время неутомимый собиратель историческихъ матеріаловъ, Миллеръ своей разнообразной дѣятельностью заслуживаетъ вполнѣ имя "отца русской исторической науки", какое ему даютъ наши историографы. Наша наука еще до сихъ поръ пользуется собраннымъ имъ матеріаломъ. Въ такъ назыв. "портфеляхъ" Миллера, хранящихся въ Академіи Наукъ и въ Московскомъ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ заключается болѣе 900 нумеровъ разнаго рода историческихъ бумагъ. Эти портфели и теперь еще для изслѣдователя составляютъ цѣлое сокровище, и новые историческіе труды часто черпаютъ изъ нихъ свои матеріалы: такъ археографическая комиссія до послѣдняго времени наполняла его матеріаломъ нѣкоторыя изъ своихъ изданій |Сибирскія дѣла въ дополненіяхъ къ "Актамъ историческимъ"|. Миллеръ собиралъ письменные памятники не въ одной только

Европейской Россіи, но и въ Сибири, гдѣ онъ провелъ около 10 лѣтъ |1733-1743|. Эти изысканія въ Сибири дали важныя результаты, потому что только здѣсь Миллеру удалось найти массу цѣнныхъ документовъ о смутѣ, которые были потомъ напечатаны въ Сборникѣ государственныхъ Грамотъ и Договоровъ |2 томъ|. При императрицѣ Екатеринѣ II Миллеръ былъ назначенъ начальникомъ Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и имѣлъ отъ императрицы порученіе создать собраніе дипломатическихъ документовъ по примѣру амстердамскаго изданія Дюмона |Corps univelsel diplomatique du droit Des gens. 8m. 1726-1731) Но Миллеръ былъ уже старъ для такого грандіознаго труда и какъ начальникъ архива успѣлъ только начать разборъ и упорядоченіе архивнаго матеріала и приготовилъ цѣлую школу своихъ учениковъ, которые послѣ смерти учителя продолжали работать въ этомъ архивѣ и вполнѣ развернули свои силы позднѣе, въ такъ называемую "Румянцевскую эпоху". Рядомъ съ Миллеромъ дѣйствовалъ В.Н.Т а т и щ е в ъ. Онъ намѣревался писать географію Россіи, но понималъ, что географія безъ исторіи невозможна, и потому рѣшилъ сперва написать исторію и обратился къ собиранію и изученію рукописнаго матеріала. Собирая матеріалы, онъ нашелъ и первый оцѣнилъ "Русскую Правду" и "Царскій Судебникъ". Эти памятники, какъ и самая "Исторія Россіи" Татищева изданы уже были послѣ его смерти | 1755г.| Миллеромъ. Кромѣ собственно историческихъ трудовъ Татищевъ составилъ инструкцію для собиранія этнографическихъ, географическихъ и археологическихъ свѣдѣній о Россіи. Эта инструкція была принята Академіей Наукъ.

Со времени Екатерины II дѣло собиранія и изданія историческаго матеріала очень развилось. Сама Екатерина находила досугъ для занятія русской исторіей, живо интересовалась русской стариной, поощряла и вызывала историческіе труды. При такомъ настроеніи императрицы въ русскомъ обществѣ сталъ живѣе интересъ къ прошлому и стало сознательнѣе отношеніе къ остаткамъ этого прошлаго. При Екатеринѣ, какъ собиратель историческаго матеріала, дѣйствуетъ между прочимъ гр. Мусинъ-Пушкинъ, нашедшій "Слово о Полку Игоревѣ" и возобновившій заботу о томъ, чтобы собрать изъ монастырскихъ библіотекъ въ столицу всѣ рукописныя лѣтописи въ видахъ ихъ лучшаго храненія и изданія. При Екатеринѣ начинаются многочисленныя изданія лѣтописей въ Академіи Наукъ и при синодѣ, изданія, впрочемъ, еще несовершенныя и ненаучныя. И въ провинціи тоже начинается движеніе въ пользу изученія старины: въ Архангельскѣ, напримѣръ, составляется археологическое общество, гдѣ дѣйствуютъ Крестининъ и Ѳокинъ. Въ столицахъ частные люди начинаютъ издавать памятники.

Въ этомъ дѣлѣ первое мѣсто начинаетъ занимать Николай Ивановичъ Новиковъ, больше извѣстный нашему обществу изданіемъ сатирическихъ журналовъ, масонствомъ и заботами о распространеніи образованія. По своимъ личнымъ качествамъ и гуманнымъ идеямъ - это рѣдкій въ своемъ вѣкѣ человѣкъ, свѣтлое явленіе своего времени. Онъ намъ уже извѣстенъ, какъ собиратель и издатель "Древней Россійской Виѳліотеки" - обширнаго сборника старыхъ актовъ

Библиотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

разнаго рода, лѣтописцевъ, старинныхъ литературныхъ произведеній и историческихъ статей. Изданіе свое онъ началъ въ 1773 году и въ три года издалъ 10 частей. Въ предисловіи къ Вивліоѳикѣ Новиковъ опредѣляетъ свое изданіе, какъ "начертаніе нравовъ и обычаевъ предковъ", съ цѣлью познать "великость духа ихъ, украшеннаго простотой". | Надо замѣтить, что идеализація старины была замѣтна и въ первомъ сатирическомъ журналѣ Новикова "Трутень" |1769-1770 г.|. Первое изданіе "Вивліоѳики" теперь уже забыто ради второго болѣе полнаго, въ 20 томовъ |1788-1791|. Новикова въ этомъ его изданіи поддерживала сама императрица и деньгами, и тѣмъ, что допустила его къ занятіямъ въ архивѣ иностранной коллегіи, гдѣ ему очень рабушно помогалъ старикъ Миллеръ. По содержанію своему "Древняя Россійская Вивліоѳика" была случайнымъ сводомъ подъ руку попавшагося матеріала, изданнаго почти безъ всякой критики и безъ всякихъ научныхъ пріемовъ, какъ мы ихъ понимаемъ теперь.

Въ этомъ отношеніи еще ниже стоятъ: "Дѣянія Петра Великаго" курскаго купца Голикова, который еще съ дѣтства восторгался дѣяніями Петра имѣлъ несчастіе попасть подъ судъ, но былъ освобожденъ по манифесту, по случаю открытія памятника Петру По этому поводу Голиковъ всю свою жизнь рѣшилъ посвятить работѣ надъ біографіей Петра. Онъ собиралъ всѣ извѣстія, какія только могъ достать, безъ разбора ихъ до-

Литографія Богданова, Эртелевъ пер., д. 12. Директоръ

Библиотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

стоинствъ, письма Петра, анекдоты о немъ и т.п. Въ началѣ своего собранія онъ помѣстилъ краткій обзоръ XVI и XVII вв На трудъ Голикова обратила вниманіе Екатерина и открыла ему архивы, но этотъ трудъ лишенъ всякаго научнаго значенія, хотя по недостатку лучшихъ матеріаловъ имъ пользуются и теперь. Для своего же времени онъ былъ крупнымъ археографическимъ фактомъ |I-ое изданіе 30т. |I778-I798|. 2-ое изданіе I5 томовъ, I838|.

Кромѣ Академіи и частныхъ лицъ къ памятникамъ старины обратилась дѣятельность "Вольнаго Россійскаго Собранія" ученаго общества, основаннаго при Московскомъ университетѣ въ I77I году. Это общество было очень дѣятельно въ помощи отдѣльнымъ ученымъ, открывая имъ доступъ въ архивы, сооружая ученыя этнографическія экспедиціи и т.д., но само издавало немного памятниковъ старины: въ I0 лѣтъ оно выпустило только 6 книгъ своихъ "Трудовъ" |I774-I783г.|.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ дѣятельность второй половины прошлаго вѣка по собиранію и изданію матеріаловъ. Эта дѣятельность отличалась случайнымъ характеромъ, захватывала только тотъ матеріалъ, который, если можно такъ выразиться, самъ шелъ въ руки; заботъ о тѣхъ памятникахъ, которые были въ провинціи, не проявлялось. Сибирская экспедиція Миллера и собираніе лѣтописей по мысли Мусина-Пушкина были отдѣльными эпизодами исключительнаго характера, историческое богатство провинціи оставалось пока безъ оки и вниманія. Что же касается до историческихъ изданій прошлаго столѣтія, то они не выдерживаютъ и слабаго при

новенія нынѣшней научно-издательской критики. Кромѣ разныхъ техническихъ подробностей мы требуемъ отъ ученаго издателя чтобы онъ пересмотрѣлъ по возможности всѣ извѣстные списки издаваемаго памятника, выбралъ изъ нихъ древнѣйшіе и лучшіе, т.е. съ исправнѣйшимъ текстомъ; одинъ изъ лучшихъ положилъ въ основу изданія и печаталъ его текстъ, приводя къ нему всѣ варіанты другихъ исправныхъ списковъ, избѣгая малѣйшихъ неточностей и опечатокъ въ текстѣ. Изданію должна предшествовать провѣрка исторической цѣнности памятника; если памятникъ окажется простой компиляціей, то лучше издать ея источники, чѣмъ самую компиляцію. Но въ XVIII вѣкѣ на дѣло смотрѣли не такъ; считали возможнымъ издавать, напримѣръ, лѣтопись по одному ея списку со всѣми ошибками, такъ что теперь, по нуждѣ, пользуясь нѣкоторыми изъ изданій за неимѣніемъ лучшихъ, историкъ постоянно въ опасности сдѣлать ошибку, допустить неточность и т.п. Только Шлецеръ теоретически устанавливалъ пріемы ученой критики, да Миллеръ въ изданіи "Степенной книги" |1775 г.| соблюдалъ нѣкоторыя изъ основныхъ правилъ ученаго изданія. Въ предисловіи къ этой лѣтописи онъ говоритъ о своихъ пріемахъ изданія: они у него научны, хотя еще не выработаны. Но въ этомъ его нельзя упрекать: полная разработка критическихъ пріемовъ явилась у насъ только въ нашемъ столѣтіи и ей болѣе всего способствовали ученики Миллера.

Старѣясь, Миллеръ просилъ императрицу Екатерину назначить послѣ его смерти начальникомъ архива иностранной коллегіи кого нибудь изъ его учениковъ. Просьба его была ува-

жена, и послѣ Миллера архивомъ завѣдывали его ученики: сперва Стриттеръ, потомъ Н.Н.Бантышъ-Каменскій; составляя описаніе дѣлъ своего архива онъ на основаніи этихъ дѣлъ занимался и изслѣдованіями, которыя, къ сожалѣнію, далеко не всѣ напечатаны. Они очень много помогали Карамзину для его исторіи. Когда въ первые годы нашего столѣтія архивъ иностранной коллегіи поступилъ въ главное вѣдѣніе графа Н.П.Румянцева, въ архивѣ воспиталась уже цѣлая семья археографовъ, и для Румянцева были готовы уже достойные помощники. Именемъ Румянцева означаютъ цѣлую эпоху въ ходѣ нашего народнаго самопознанія и справедливо. Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ явился въ ту самую пору когда приготовлялась "Исторія Государства Россійскаго" Карамзина, когда назрѣвало сознаніе, что необходимо собирать и спасать остатки старой народной жизни, когда, наконецъ, явились и дѣятели по этой части съ научными пріемами. Графъ Румянцевъ сталъ выразителемъ сознательнаго отношенія и, благодаря своему положенію и средствамъ, явился въ центрѣ новаго историко-археологическаго движенія такимъ почтеннымъ меценатомъ, передъ памятью котораго должны преклоняться и мы, и всѣ грядущія поколѣнія.

Родился Румянцевъ въ 1754 году; отцемъ его былъ знаменитый графъ Румянцевъ-Задунайскій. Началъ свою службу Николай Петровичъ въ средѣ русскихъ дипломатовъ Екатерининскаго вѣка и болѣе 15 лѣтъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. При Павлѣ I-омъ, хотя Румянцевъ и былъ въ милости у императора, но

не занималъ никакихъ должностей и оставался не у дѣлъ. При Александрѣ I-мъ ему данъ былъ портфель министра коммерціи, а затѣмъ въ 1809 году поручено управленіе коллегіей иностранныхъ дѣлъ съ сохраненіемъ поста министра коммерціи. Съ теченіемъ времени онъ былъ возведенъ въ званіе государственнаго канцлера и назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Во время правленія его коллегіей иностранныхъ дѣлъ и сказалась его любовь къ старинѣ, хотя почвы для нея, повидимому, не было никакой. Уже въ 1810 году графъ предлагаетъ Бантышъ-Каменскому составить планъ изданія сборника государственныхъ грамотъ и договоровъ. Этотъ планъ былъ скоро готовъ, и гр. Румянцевъ ходатайствовалъ передъ государемъ объ учрежденіи при архивѣ иностранной коллегіи комиссіи для печатанія "Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ". Всѣ издержки по изданію онъ принималъ за свой счетъ, но съ условіемъ, что комиссія останется въ его вѣдѣніи и тогда, когда онъ оставитъ управленіе вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ. Желаніе его было исполнено и 3-го Мая 1811 года комиссія была учреждена. Двѣнадцатый годъ задержалъ выпускъ перваго тома, но Бантышъ-Каменскій успѣлъ спасти вмѣстѣ съ архивомъ и напечатанные листы этого перваго тома, и первый томъ вышелъ въ 1813 году подъ заглавіемъ "Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственой Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ". На заглавномъ листѣ красовался гербъ Румянцева, какъ и на всѣхъ прочихъ его изданіяхъ. Во вступленіи къ первому тому глав-

ный его редакторъ Бантышъ-Каменскій такъ объяснялъ потребности, вызвавшія изданіе, и цѣль, которую оно преслѣдовало: "Испытатели древностей россійскихъ и желавшіе пріобрѣсть познаніе въ дипломатикѣ отечественной не могли довольствоваться неисправными и противорѣчащими отрывками грамотъ, въ древней Виблиѳикѣ помѣщенныхъ, ибо потребно было полное собраніе коренныхъ постановленій и договоровъ, которое бы объясняло постепенность возвышенія Россіи. Не имѣвъ сего путеводства они принуждены были допытываться о происшествіяхъ и союзахъ своего государства у иностранныхъ писателей и сочиненіями ихъ руководствоваться" |С.Г.Г.и Д. т.I, стр.2|. Слова эти справедливы, потому что изданіе гр. Румянцева было первымъ систематическимъ сводомъ документовъ, съ которымъ не могло соперничать ни одно предшествовавшее изданіе. Въ выпущенномъ |первомъ| томѣ были собраны замѣчательныя грамоты времени 1229-1613 годовъ. Съ ихъ появленіемъ входила въ научный оборотъ масса цѣннаго матеріала, изданнаго добросовѣстно и роскошно. Своимъ достоинствомъ, и внутреннимъ, и внѣшнимъ, изданіе это обязано тѣмъ, что и до сихъ поръ занимаетъ первенствующее мѣсто въ длинномъ ряду позднѣйшихъ археографическихъ изданій.

Довѣривъ редакцію Бантышъ-Каменскому, Румянцевъ и самъ до мелочности живо интересовался дѣломъ изданія. Такъ, онъ замѣтилъ, что въ напечатанномъ томѣ недостаетъ нѣкоторыхъ древнихъ документовъ и требовалъ отъ Бантышъ-Каменскаго, чтобы пропущенныя грамоты не были забыты при выпускѣ второго тома. Этотъ второй томъ вышелъ въ 1819 году и заключаетъ

въ себѣ грамоты до XVI вѣка и документы Смутнаго Времени. Бантышъ-Каменскій умеръ до выхода второго тома |1814|, и вмѣсто него работалъ надъ изданіемъ Малиновскій. Подъ его редакціей вышелъ въ 1822 г. третій томъ, а въ 1828г., когда Румянцева уже не было въ живыхъ, и четвертый. Оба эти тома заключаютъ въ себѣ документы XVII вѣка. Въ предисловіи ко второму тому Малиновскій объявилъ, что изданіе грамотъ переходитъ въ вѣдѣніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ и зависитъ отъ ея распоряженій; однако, и до сей поры дѣло не пошло дальше начала пятаго тома, который съ недавняго времени обращается въ продажѣ и заключаетъ въ себѣ дипломатическія бумаги. Если бы дѣятельность Румянцева ограничилась только этимъ изданіемъ |на которое онъ затратилъ до 40000 тыс. рублей|, то втогда бы память его жила вѣчно въ нашей наукѣ, такое значеніе имѣетъ этотъ сборникъ документовъ. Какъ историческое явленіе, это первый научный сборникъ актовъ, ознаменовавшій собой начало у насъ научнаго отношенія къ старинѣ, а какъ историческій источникъ, это и до сихъ поръ важнѣйшій сводъ матеріала имѣющаго значеніе для основныхъ вопросовъ общей исторіи нашего государства.

Стремясь такъ старательно къ извлеченію на свѣтъ архивнаго матеріала, гр. Румянцевъ не былъ простымъ диллетантомъ, но обладалъ большой юридиціей въ русскихъ древностяхъ и не переставалъ жалѣть, что въ немъ поздно пробудились вкусы къ старинѣ, хотя ихъ позднее появленіе не помѣшало ему (затратить) массу труда и матеріальныхъ жертвъ на отысканіе и спа-

сенія памятниковъ. Общая сумма его научныхъ издержекъ доходила до 300000 руб. серебромъ. Онъ не разъ на свой счетъ отправлялъ научныя экспедиціи, самъ совершалъ экскурсіи вокругъ Москвы, тщательно разыскивая всевозможные остатки старины, и щедро платилъ за каждую находку. Изъ его переписки видно между прочимъ, что за одну рукопись онъ отпустилъ на волю цѣлую крестьянскую семью. Высокое служебное положеніе Румянцева облегчало ему любимое дѣло и помогало вести его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: такъ онъ обращался ко многимъ губернаторамъ и архіереямъ, прося ихъ указаній о мѣстныхъ древностяхъ, и посылалъ имъ въ руководство свои программы собиранію памятниковъ старины. Мало того, онъ руководилъ изысканіями въ заграничныхъ книгохранилищахъ по части русской исторіи и, кромѣ русскихъ памятниковъ, хотѣлъ предпринять обширное изданіе иностранныхъ писателей о Россіи, имъ было отмѣчено до 70 иностранныхъ сказаній о Россіи, былъ составленъ планъ изданія, но, къ сожалѣнію, это дѣло не состоялось. Но не одно дѣло собиранія памятниковъ интересовало канцлера, часто онъ оказывалъ поддержку и изслѣдователямъ старины, поощряя ихъ трудъ, а часто и самъ вызывалъ молодыя силы на изслѣдованіе, ставя имъ научные вопросы и оказывая матеріальную поддержку. Передъ смертью гр. Румянцевъ завѣщалъ для общаго пользованія соотечественниковъ большое собраніе книгъ, рукописей и другихъ древностей. Императоръ Николай I открылъ это собраніе для публики, подъ названіемъ "Румянцевскаго музея", первоначально въ Петербургѣ; но при императорѣ Александрѣ

II-мъ музей переведенъ былъ въ Москву гдѣ и соединенъ съ такъ называемымъ публичнымъ музеемъ въ знаменитомъ Пашковскомъ домѣ. Эти музеи одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ хранилищъ нашей древней письменности. Такъ широка была дѣятельность гр. Румянцева на полѣ нашей исторической науки. Стимулы ея заключались въ высокомъ образованіи этого человѣка и въ его патріотическомъ направленіи. У него было много ума, образованности и матеріальныхъ средствъ для достиженія его научныхъ цѣлей, но надо сознаться, что онъ не сдѣлалъ бы многаго изъ того, что сдѣлалъ, если бы за нимъ не стояли въ качествѣ его помощниковъ замѣчательные люди того времени. Помощниками его были дѣятели архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Начальниками архива были при Румянцевѣ Бантышъ-Каменскій и Малиновскій, совѣтами и трудами которыхъ пользовался Н.М.Карамзинъ и которые много сдѣлали для благоустройства своего архива. А изъ молодыхъ ученыхъ, начавшихъ свою дѣятельность въ этомъ архивѣ при Румянцевѣ, упомянемъ только самыхъ видныхъ: К о н с т а н т и н а Ѳ е д о р о в и ч а К а л а й д о в и ч а и П а в л а М и х а й л о в и ч а С т р о е в а. Оба они замѣчательно много сдѣлали по значенію и числу ихъ работъ: они положили основаніе научному изданію памятниковъ; собирали и описывали рукописи во всеоружіи прекрасныхъ критическихъ пріемовъ, писали изслѣдованія.

Біографія Калайдовича мало извѣстна. Родился онъ въ 1792 году, жилъ немного - всего 40 лѣтъ и кончилъ умопомѣшательствомъ и почти нищетой. Въ 1829 году Погодинъ писалъ

Строеву: "Калайдовича сумасшествіе прошло, но осталась такая слабость, такая ипохондрія, что нельзя смотрѣть на него безъ горести. Онъ въ нуждѣ..." Въ своей дѣятельности Калайдовичъ почти всецѣло принадлежалъ къ Румянцевскому кружку и былъ любимымъ сотрудникомъ Румянцева. Онъ участвовалъ въ изданіи "Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ", вмѣстѣ съ Строевымъ совершилъ въ 1817 году поѣздку по Московской и Калужской губерніямъ для розысканія старыхъ рукописей. Эта была первая по времени научная экспедиція въ провинцію съ исключительной цѣлью палеографической. Создалась она по почину гр. Румянцева и увѣнчалась большимъ успѣхомъ. Строевъ и Калайдовичъ нашли И з б о р н и к ъ С в я т о с л а в а 1703 г., Иларіонову "П о х в а л у К н я з ю В л а д и м и р у" и между прочимъ въ Волоколамскомъ монастырѣ С у д е б н и к ъ И в а н а III. Это была тогда полная новинка: княжескаго судебника не зналъ никто въ р у с с к о й редакціи и Карамзинъ пользовался имъ въ л а т и н с к о м ъ переводѣ Герберштейна. Графъ привѣтствовалъ находки и благодарилъ молодыхъ ученыхъ за ихъ труды. Судебникъ былъ изданъ на его средства Строевымъ и Калайдовичемъ въ 1819 году |"Законы Великаго Князя Іоанна Васильевича и внука его Царя Іоанна Васильевича" Москва 1819 г.- Второе изданіе Москва 1878 г.|. Кромѣ своихъ издательскихъ трудовъ и палеографическихъ розысканій, Калайдовичъ извѣстенъ и своими филологическими изслѣдованіями |"Іоаннъ Экзархъ Болгарскій"|. Ранняя ~~смерть~~ и печальная смерть не дали этому таланту возможности вполнѣ развернуть

свои богатыя силы.

Въ близкомъ общеніи съ Калайдовичемъ во дни юности былъ П.М.С т р о е в ъ. Строевъ происходилъ изъ небогатой дворянской семьи, родился въ Москвѣ въ 1796 году и очень молодымъ былъ отданъ въ пансіонъ Виллерса, а оттуда перешелъ въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Въ 1812 году онъ долженъ былъ поступить въ университетъ, но военныя событія, прервавшія ходъ университетскаго преподаванія, помѣшали этому, такъ что только въ августѣ 1813 года при возобновленіи лекцій удалось ему поступить туда. Замѣчательнѣйшими изъ учителей его здѣсь были: Р.О.Т и м к о в с к і й |† 1820 г.|, профессоръ римской словесности, знаменитый изданіемъ лѣтописи Нестора |вышла въ 1824 году, къ изданію ея онъ примѣнилъ пріемы изданія древнихъ классиковъ| и М и х а и л ъ Т р о ф и м о в и ч ъ К а ч е н о в с к і й |† 1842 г.| - основатель такъ называемой "скептической школы" въ нашей наукѣ. Строевъ, какъ кажется, больше тяготѣлъ къ Тимковскому. Благотворное вліяніе послѣдняго сказалось на пріемахъ Строева, всегда научныхъ и строго-точныхъ. Тотчасъ по вступленіи въ университетъ, т.е. 17 лѣтъ, Строевъ уже составилъ краткую Россійскую Исторію, которая издана была въ 1814 году, стала общепринятымъ учебникомъ и черезъ пять лѣтъ потребовала новаго изданія. Этотъ учебникъ употреблялся у насъ до тѣхъ поръ, пока не появился учебникъ Устрялова.

Въ 1815 году Строевъ выступаетъ уже со своимъ собственнымъ журналомъ "Современный Наблюдатель Россійской Словес-

ности", который онъ думалъ сдѣлать еженедѣльнымъ и который выходилъ только съ марта по іюль. Въ концѣ того же 1815 года Павелъ Михайловичъ выходитъ изъ университета, не окончивъ курса, и поступаетъ по предложенію Румянцева "Главнымъ Смотрителемъ въ Комиссію печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ" Румянцевъ высоко цѣнилъ его и, какъ увидимъ, былъ правъ. Кромѣ удачныхъ кабинетныхъ работъ, Строевъ съ 1817 по 20 годъ на средства Румянцева объѣзжаетъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ книгохранилища Московской и Калужской эпархій. Мы уже знаемъ, какіе важнѣйшіе памятники были тогда найдены. Кромѣ главнѣйшихъ находокъ было описано до 2000 рукописей, и Строевъ въ этихъ поѣздкахъ пріобрѣлъ большое знаніе рукописнаго матеріала, которымъ онъ много помогъ Карамзину. И послѣ своихъ экспедицій Строевъ продолжаетъ работать при Румянцевѣ, участвуетъ въ трудахъ по изданію "Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ", издаетъ Судебники и такъ называемый "Софійскій Временникъ", одну изъ новгородскихъ лѣтописныхъ редакцій |въ 1823г.|. Въ предисловіи ко Временнику Строевъ пишетъ цѣлый трактотъ о составѣ древнерусскихъ лѣтописей, о томъ, какъ на Руси составлялись извѣстные лѣтописные своды; онъ понималъ ихъ какъ к о м п и л я т и в н ы е труды. Въ то время взглядъ этотъ казался слишкомъ смѣлымъ предположеніемъ, но потомъ онъ подтвердился въ позднѣйшихъ изысканіяхъ и особенно блестяще въ трудѣ К.Н.Бестужева-Рюмина "О составѣ Русскихъ Лѣтописей" 1868 г.|. Въ концѣ 1822 года Строевъ вышелъ въ отставку изъ архива Румянцева, ссылаясь на свое нездоровье.

Настоящая причина его ухода намъ неизвѣстна: съ архивнымъ кружкомъ онъ остался въ дружественныхъ отношеніяхъ, а съ гр. Румянцевымъ отношенія у него не всегда бывали одинаково хороши.

Въ апрѣлѣ 1823 года Строевъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Это общество учреждено было въ 1804 году для изданія древнихъ лѣтописей, существовало безъ устава и до 1811 года ничѣмъ себя не заявило. Въ 1811 году былъ составленъ уставъ этого общества и въ первомъ послѣтого засѣданіи предсѣдателемъ былъ выбранъ Платонъ Петровичъ Бекетовъ, а въ числѣ 30 вновь выбранныхъ членовъ былъ и Карамзинъ. Благодаря удачному избранію предсѣдателя дѣла общества пошли блестяще: Тимковскій работалъ для изданія лѣтописи Нестора; положено было начало повременному изданію "Трудовъ" общества; Калайдовичъ составлялъ первую часть "Русскихъ Достопримѣчательностей" |сборника историческихъ матеріаловъ|. Но съ 1816 года дѣла пошли хуже, а въ 1818 и 1819 годахъ не было ни одного засѣданія. Въ 1820 г. Бекетовъ отказался отъ должности предсѣдателя и три года, т.е. до 1823 года, общество существовало только номинально. Въ 1823 году предсѣдателемъ былъ избранъ нѣкто Писаревъ и 14 новыхъ членовъ, въ числѣ коихъ былъ выбранъ и 27-лѣтній Строевъ. Въ засѣданіи общества 14 іюля 1823 года Строевъ выступилъ съ грандіознымъ проэктомъ. По поводу своего выбора онъ сказалъ блестящую рѣчь, въ которой благодарилъ за избраніе, указалъ, что цѣль общества - изданіе лѣтописей - слишкомъ узка, и

и предложилъ замѣнить ее разборомъ и изданіемъ всѣхъ вообще историческихъ памятниковъ, какими общество будетъ имѣть возможность располагать: "Общество должно", говорилъ Строевъ, "извлечь, привести въ извѣстность и, если не само обработать, то доставить другимъ средства обработывать, всѣ письменные памятники нашей исторіи и древней словесности"... "Пусть цѣлая Россія", говорилъ онъ, "превратится въ одну библіотеку, намъ доступную. Не сотнями извѣстныхъ рукописей должны мы ограничить наши занятія, но безчисленнымъ множествомъ ихъ: въ монастыряхъ и соборныхъ хранилищахъ, никѣмъ не хранимыхъ и никѣмъ не описанныхъ, въ архивахъ, коимъ нещадно опустошаютъ время и нерадивое невѣжество, въ кладовыхъ и подвалахъ, недоступныхъ лучамъ солнца, куда груды древнихъ книгъ и свитковъ, кажется, снесены для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истребить ихъ удобнѣе и скорѣе"... Строевъ, словомъ, предлогалъ обществу привести въ наличность всю письменную старину, какою располагали провинціальныя библіотеки и предлогалъ для достиженія этой цѣли послать ученую экспедицію, чтобы описать провинціальныя книгохранилища. Пробная поѣздка этой экспедиціи должна была быть совершена по проэкту Строева въ Новгородъ, гдѣ слѣдовало разобрать находившуюся въ Софійскомъ соборѣ библіотеку. Далѣе экспедиція должна была совершить свою первую или с ѣ в е р и у ю поѣздку, въ районъ которой входили по плану Строева IO губерній |Новгородская, Петербургская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Вятская, Пермская, Костромская, Ярославская, Тверская|. Эта

поэздка должна была занять два слишкомъ года и дать, какъ надѣялся Строевъ, блестящіе результаты,"богатую жатву",потому что на сѣверѣ много монастырей съ библіотеками, тамъ жили и живутъ старообрядцы, которые очень внимательно относятся къ рукописной старинѣ; а затѣмъ на сѣверѣ меньше всего было непріятельскихъ погромовъ. Вторая или о р е д н я я поѣздка, по проэкту Строева, должна была занять два года времени и охватить среднюю полосу Россіи |губерніи: Московскую, Владимирскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Смоленскую и Псковскую|. Третья или з а п а д н а я поѣздка должна была направиться въ юго-западную Россію |9 губерній: Витебскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую, Кіевскую, Харьковскую, Черниговскую, Курскую и Орловскую| и потребовала бы годъ времени. Этими поѣздками Строевъ надѣялся достичь систематическаго описанія всего историческаго матеріала въ провинціи, преимущественно въ библіотекахъ духовныхъ. Издержки онъ опредѣлялъ въ сумму 7000 рублей въ годъ. Всѣ составленныя экспедиціей описанія онъ предполагалъ слить въ одну общую роспись лѣтописнаго и историко-юридическаго матеріала и предлагалъ обществу издавать потомъ историческіе памятники по лучшимъ изъ описанныхъ экспедиціей редакцій, а не по случайнымъ спискамъ, какъ это дѣлалось до того времени.

Рисуя такія привлекательныя перспективы, Строевъ искусно докабывалъ возможность исполненія своего проэкта и настаивалъ на его принятіи. Рѣчь свою онъ закончилъ хвалой Румянцеву, благодаря которому онъ могъ пріобрѣсть навыкъ

и опытъ въ археографическомъ дѣлѣ. Конечно, Румянцевская экспедиція 1817-1820 года заставила Строева размечтаться о той грандіозной экспедиціи, какую онъ предлагалъ.

Общество въ своемъ большинствѣ приняло рѣчь Строева за смѣлую мечту молодого ума и въ цѣломъ она потерпѣла фіаско... Общество дало Строеву средства для обозрѣнія одной лишь Новгородской Софійской библіотеки, которая и была имъ описана. Рѣчь Строева даже не была напечатана въ журналѣ общества, а появилась въ "Сѣверномъ Архивѣ". Ее прочли и забыли. Самъ Строевъ занимался въ то время исторіей Донского Казачества и составилъ свой извѣстный "Ключъ къ исторіи государства Россійскаго" Карамзина; писалъ въ журналахъ, поступилъ библіотекаремъ къ графу Ѳ.А.Толстому; вмѣстѣ съ Калайдовичемъ составилъ каталогъ богатаго собранія рукописей гр. Толстого, нынѣ находящихся въ Императорской Публичной библіотекѣ, и издалъ въ свѣтъ. Труды Строева были замѣчены Академіей Наукъ и она въ 1826 году дала ему званіе своего корреспондента. Среди своихъ послѣднихъ трудовъ Строевъ какъ будто забылъ о своей рѣчи: на самомъ дѣлѣ оказалось не такъ. По преданію, великая княгиня Марія Павловна съ большимъ участіемъ отнеслась къ рѣчи Строева, которую она прочитала въ "Сѣверномъ Архивѣ", и это участіе, какъ говорятъ, побудило Строева обратиться съ письмомъ къ президенту академіи наукъ г р а ф у С.С.У в а р о в у. Въ этомъ письмѣ онъ развиваетъ тѣ же планы, которые онъ развивалъ и въ обществѣ, предлагаетъ себя, какъ опытнаго археографа, для археологическихъ поѣздокъ и сообщаетъ подроб-

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ

ный планъ практическаго исполненія предполагаемаго имъ дѣла. Уваровъ передалъ письмо Строева въ Академію, Академія же своему члену К р у г у поручила его разборъ и оцѣнку. 21-го мая 1828 года, благодаря прекрасному отзыву Круга, важное дѣло было рѣшено. Академія, признавая, что археографическая экспедиція есть "священная обязанность, отъ которой первое ученое заведеніе Имперіи не можетъ уклониться, не подвергаясь справедливымъ упрекамъ въ равнодушіи", рѣшила отправить Строева въ путешествіе, ассигновавъ ему 10 тысячъ рублей ассигнаціями. Археографическая экспедиція была такимъ образомъ утверждена. Выборъ помощниковъ для археографической экспедиціи былъ предоставленъ самому Строеву. Онъ выбралъ двухъ чиновниковъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ и заключилъ съ ними очень любопытное условіе, гдѣ между прочимъ писалъ слѣдующее: "экспедицію ожидаютъ не забавы различныя, но труды, трудности и лишенія всякаго рода. Поэтому спутники мои должны одушевиться терпѣніемъ и готовностью переносить все тяжкое и непріятное, да не овладѣетъ ими малодушіе, нерѣшительность, ропотъ..." Далѣе онъ предупреждаетъ своихъ помощниковъ, что имъ часто придется имѣть дурную квартиру, телѣгу, вмѣсто рессорнаго экипажа, не всегда чай и т.п. Строевъ, очевидно, зналъ, въ какой обстановкѣ будетъ онъ трудиться, и сознательно шелъ навстрѣ-

Литографія Богданова, Эртелевъ пер. д. № 1-12.

Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ

чу лишеніямъ. Первые же его спутники, испытавъ трудности дѣла, черезъ полгода отъ него отказались.

Приготовивъ все для поѣздки, запасшись оффиціальными бумагами, которыя должны были открыть ему входъ во всѣ архивы, Строевъ 15 го мая 1829 года выѣхалъ изъ Москвы къ берегамъ Бѣлаго моря. Слишкомъ долго было бы излагать любопытнѣйшія подробности этой экспедиціи. Лишенія, трудности сообщенія и самой работы, убійственныя гигіеническія условія жизни и труда, болѣзни, подчасъ недоброжелательность и подозрительность невѣжественныхъ хранителей архивовъ и библіотекъ, - все это стоически вынесъ Строевъ. Всего себя отдавалъ онъ работѣ, часто удивительно трудной и сухой и лишь изрѣдка, пользуясь отпусками, для отдыха на какой нибудь мѣсяцъ, возвращался къ своей семьѣ. Утѣшительно, что въ этихъ трудахъ онъ нашелъ себѣ достойнаго помощника въ лицѣ Як. Ив. Бередникова, которымъ онъ въ 1830 году и замѣнилъ прежнихъ чиновниковъ. Энергія этихъ двухъ тружениковъ достигла чудесныхъ результатовъ; пять съ половиною лѣтъ трудились они, изъѣздивъ всю сѣверную и среднюю Россію, осмотрѣли болѣе 200 библіотекъ и архивовъ, описали до 3,000 историко-юридическихъ документовъ, относящихся къ XIУ, ХУ, ХУI и ХУII вв. обслѣдовали массу памятниковъ лѣтописнаго и литературнаго характера. Собранный ими матеріалъ, будучи переписанъ, занялъ 10 огромныхъ фоліантовъ, а въ ихъ черновыхъ портфеляхъ осталась масса справокъ, выписокъ и указаній,

которыя позволили Строеву составить два грандіозныхъ труда, появившихся въ печати уже послѣ его смерти. Это: 1| "Списки Іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви", всѣхъ, которыхъ помнитъ исторія |вышли въ 1877г.| и 2| "Библіологическій словарь или алфавитный перечень всѣхъ рукописей историческаго и литературнаго содержанія" какія только Строевъ видѣлъ на своемъ вѣку |напечатанъ въ 1882 году въ XXIX томѣ "Сборника отдѣл. рус. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ"|.

За путешествіемъ Строева слѣдила вся образованная Россія. Ученые обращались къ нему, прося выписокъ, указаній и справокъ. С п е р а н с к і й, готовя тогда въ печать "Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи" |вѣрнѣе, указовъ съ 1649 по 1825 г.| Обращался къ Строеву за помощью въ собираніи этихъ указовъ. Ежегодно 29-го декабря, въ день годичнаго засѣданія Академіи Наукъ между прочимъ читались и отчеты о дѣйствіяхъ археографической экспедиціи. Свѣдѣнія о ней помѣщались въ журналахъ. Императоръ Николай прочитывалъ отъ доски до доски большіе томы переписанныхъ на-бѣло актовъ, собранныхъ экспедиціею.

Въ концѣ 1834 года Строевъ былъ близокъ къ окончанію своего дѣла Сѣверная и средняя поѣздки его были окончены. Оставалась самая меньшая - западная, т.е. Малороссія, Волынь, Литва, Бѣлоруссія. Въ своемъ отчетѣ Академіи за 1834 годъ Строевъ съ торжествомъ заявлялъ объ этомъ и, перечисляя результаты археографической экспедиціи,

за все время ея существованія, говорилъ: "Отъ благоусмотрѣнія Императорской Академіи Наукъ зависитъ: а| продолжить археографическую экспедицію въ остальныхъ областяхъ Имперіи, дабы утвердить рѣшительно: "болѣе сего нѣтъ" т.е.нѣтъ неизвѣстнаго матеріала, или б| начать печатаніе актовъ историко-юридическихъ, почти приготовленныхъ, и собраніе разныхъ писаній |т.е.лѣтописныхъ| по моимъ указаніямъ..." Этотъ отчетъ Строева читался въ торжественномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1834 г. и почти въ тотъ же день Строевъ узналъ, что волей начальства |не Академіи| археографическая экспедиція прекратила свое существованіе, что для разбора и изданія добытыхъ Строевымъ актовъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія учреждена А р х е о г р а ф и ч е с к а я К о м м и с і я подъ предсѣдательствомъ директора департамента Народнаго Просвѣщенія князя Ш и р и н с к а г о - Ш а х м а т о в а. Строевъ же былъ назначенъ простымъ членомъ этой коммисіи наравнѣ съ своимъ прежнимъ помощникомъ Бередниковымъ и еще двумя лицами, къ экспедиціи вовсе не причастными. Учрежденіемъ коммисіи, скоро превратившейся въ постоянную |она существуетъ и до сихъ поръ| начинается новая эра въ изданіи памятниковъ нашей старины.

Тяжело было Строеву видѣть дорогое дѣло въ чужомъ распоряженіи, поэтому онъ скоро выходитъ изъ коммисіи, поселяется въ Москвѣ, но невольно сохраняетъ съ членами коммисіи живыя сношенія. На первыхъ порахъ коммисія много зависѣла отъ него въ своей научной дѣятельности. Для нея

онъ продолжаетъ работать до конца жизни. Съ 1839 года живя въ Москвѣ, онъ снова принимаетъ званіе члена коммиссіи и разрабатываетъ для нея московскіе архивы. Здѣсь, подъ его руководствомъ начинаютъ свои труды нынѣ всѣмъ извѣстные И. Е. Забѣлинъ и Н. В. Калачевъ Въ это же время Строевъ продолжаетъ трудиться и для общества Исторіи и Древностей: онъ описываетъ между прочимъ библіотеку общества, и издаетъ это описаніе. Изъ прочихъ его изданій заслуживаютъ большаго вниманія такъ называемыя: "Выходъ государей царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаловича и Ѳеодора Алексѣевича". |дворцовые дневники| и "Записки маіора Данилова", любопытнѣйшій памятникъ культуры XVIII в. До самой смерти Строевъ неустанно дополнялъ и отдѣлывалъ свой любимый трудъ "Списки Іерарховъ". Скончался онъ 5-го января 1876 года, восьмидесяти лѣтъ.

Археографическая экспедиція, которая была учреждена сначала съ временною цѣлью изданія найденныхъ Строевымъ актовъ, стала, съ 1837 года, какъ мы уже упомянули, постоянной коммиссіей для разбора и изданія историческаго матеріала вообще. Дѣятельность ея выразилась за все время ея существованія многочисленными изданіями, изъ которыхъ необходимо указать главнѣйшія. Въ 1836 году издала она четыре первыхъ своихъ фоліанта подъ заглавіемъ: "Акты, собранные въ библіотекахъ

и архивахъ Россійской Имперіи Археографической Экспедиціей Императорской Академіи Наукъ." |Въ просторѣчіи изданіе это носитъ названіе "Актовъ Экспедиціи", а въ ученыхъ ссылкахъ означается буквами А. Э.|. Въ 1838 году явились "Акты юридическіе или собраніе формъ стариннаго дѣлопроизводства" |одинъ томъ|. Въ этомъ изданіи помѣщены акты частнаго быта до XVIII в. Въ 1841 и 1842 годахъ вышли пять томовъ "Актовъ историческихъ, собранныхъ и изданныхъ Археографической коммиссіей" |I-ый т. акты до XVII вѣка, отъ II-го до V-го тома - акты XVII вѣка.| Затѣмъ стали выходить Дополненія къ актамъ историческимъ |всего XII томовъ заключающихъ документы отъ XII до XVII вѣковъ| Съ 1846 года коммисія принялась за систематическое изданіе "Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей" Довольно скоро успѣла она выпустить восемь томовъ |I-ый томъ Лаврентьевская лѣтопись, II-ой Ипатьевская лѣтопись, III и IV Новгородская лѣтопись, конецъ IV-го и V т. Псковская, VI-й - Софійскій временникъ, VI и VIII - Воскресенская лѣтопись|. Затѣмъ изданіе нѣсколько замедлилось и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ вышли томы IX и X-й, а затѣмъ XV-й томъ, заключающій Тверскую

лѣтопись, и XVI-й томъ |"Лѣтопись Авраамки"|.

Весь этотъ матеріалъ, громадный по числу и по важности документовъ, оживилъ нашу науку. Исключительно почти на немъ основывались многія монографіи |напр. прекрасные труды Соловьева и Чичерина|, уяснились вопросы древняго общественнаго быта, стала возможна разработка многихъ частностей древней жизни.

Послѣ своихъ первыхъ монументальныхъ трудовъ коммисія продолжала дѣятельно работать. До сихъ поръ ею выпущено болѣе сорока изданій; изъ нихъ нѣкоторыя заключаютъ въ себѣ болѣе 10-ти томовъ. Наибольшее значеніе сверхъ уже названныхъ имѣютъ: 1| "Акты относящіеся къ исторіи западной Россіи" 5 томовъ, 2| "Акты относящіеся къ исторіи Западной и Южной Россіи" 15 томовъ|, 3| "Акты относящіеся до юридическаго быта древней Россіи" |3 тома|, 4| "Русская историческая библіотека" |13 томовъ|, 5| "Великія Минеи Четьи Митрополита Макарія" |6 выпусковъ|, 6| "Писцовыя книги" Новгородскія и Ижорскія XVII вѣка, 7| "Акты на иностранныхъ языкахъ, относящіеся къ Россіи"|3 тома съ дополненіемъ|, 8| "Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи" |*Rerum rossicarum scriptores exteri* | 2 тома и т.д.

По образцу главной Археографической коммисіи возникли такія же въ К і е в ѣ и В и л ь н ѣ - какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ , гдѣ не успѣлъ побывать Строевъ. Онѣ занимаются изданіями и изслѣдованіями мѣстнаго матеріала и сдѣлали уже очень много. Особенно успѣшно идетъ дѣло въ Кіевѣ.

Помимо изданій археографической коммисіи, мы располагаемъ еще цѣлымъ рядомъ казенныхъ изданій. Второе отдѣленіе канцеляріи Его Величества не ограничилось изданіемъ "П о л н а г о с о б р а н і я з а к о н о в ъ Р о с с і й с к о й И м п е р і и" |Законы отъ 1649 года до настоящаго времени|, оно издало еще "П а м я т н и к и д и п л о м а т и ч е с к и х ъ с н о ш е н і й М о с к о в с к а г о г о с у д а р с т в а с ъ Е в р о п о й" |9 томовъ|, "Д в о р ц о в ы е р а з р я д ы" |5 томовъ| и "К н и г и р а з р я д н ы я" |2 тома|. Рядомъ съ казенной развернулась и частная дѣятельность по изданію древнихъ памятниковъ. Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое во времена Строева едва влачило свое существованіе, ожило и постоянно заявляетъ о себѣ новыми изданіями. Послѣ "чтеній въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей", редактированныхъ Б о д я н с к и м ъ, оно издавало подъ редакціей И. Д. Б ѣ л я е в а : "В р е м е н н и к ъ И м п е р а т о р с к а г о М о с к о в с к а г о О б щ е с т в а И с т о р і и и Д р е в н о с т е й" |25 книгъ, заключающихъ богатый матеріалъ: изслѣдованія и

цѣлый рядъ документовъ|. Въ 1858 году секретаремъ Общества былъ вновь избранъ Бодянскій, который сталъ издавать попрежнему "Ч т е н і я", вмѣсто "В р е м е н н и к а" Бѣляева. Послѣ Бодянскаго секретаремъ былъ избранъ въ 1871 году А.Н. П о п о в ъ, а послѣ смерти его въ 1881 году Е. В. Б а р с о в ъ , при которыхъ и продолжаются тѣ же "Чтенія". Издавали и издаютъ свои труды и Археологическія Общества: П е т е р б у р г с к о е |основано въ 1846 году| и М о с к о в с к о е |основано въ 1874 году|. Занималось и занимается археологіей и исторіей Географическое Общество |въ Петербургѣ съ 1846 года|. Изъ его изданій для насъ интересны въ особенности "П и с ц о в ы я к н и г и" |два тома подъ редакціей Н.В. Колачева|. Съ 1866 годъ работаетъ |преимущественно надъ исторіей XVIII вѣка| Императорское Русское Историческое Общество, которое успѣло издать уже до сотни томовъ своего С б о р н и к а". Ученыя Историческія Общества начинаютъ основываться и въ провинціи напримѣръ Одесское Общество Исторіи и Древностей, Губернскія ученыя архивныя коммисіи. Проявляется и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ; частные сборники М у х а н о в а, О б о л е н с к а г о, Ф е д о т о в а - Ч е х о в с к а г о и др. заключаютъ въ себѣ очень цѣнные матеріалы. Съ 30-хъ до 40-хъ годовъ въ нашихъ журналахъ начинаютъ печататься матеріалы для исторіи, являются даже журналы, спеціально посвященные исторіи, напримѣръ: "Русскій Архивъ", "Русская Старина" и др.

Перейдемъ къ характеристикѣ о т д ѣ л ь н ы х ъ в и д о в ъ историческаго матеріала и прежде всего остановимся на источникахъ л ѣ т о п и с н а г о т и п а и въ частности на л ѣ т о п и с и, такъ какъ ей, главнымъ образомъ, мы обязаны знакомствомъ съ древнѣйшей исторіей Руси. Но для того чтобы изучать лѣтописную литературу, надо знать употребительные въ ней термины. Въ наукѣ лѣтописью называется погодный разсказъ о событіяхъ, мѣстами краткій, мѣстами болѣе подробный, всегда съ точнымъ указаніемъ лѣтъ. Лѣтописи наши сохранились въ огромномъ количествѣ экземпляровъ или с п и с к о в ъ XIV - XVIII вв. По мѣсту и времени составленія и по содержанію лѣтописи дѣлятся на р а з р я д ы, |есть Новгородскіе, Суздальскіе, Кіевскіе, Московскіе|. Списки лѣтописи одного разряда разнятся между собою не только въ словахъ и выраженіяхъ, но даже и въ самомъ выборѣ извѣстій и часто въ одномъ изъ списковъ извѣстнаго разряда есть событіе, котораго нѣтъ въ другомъ. Вслѣдствіе этого списки дѣлятся на р е д а к ц і и или и з в о д ы. Различія въ спискахъ одного разряда и навели нашихъ историковъ на мысль, что лѣтописи наши суть сборники и что ихъ первоначальные источники не дошли до насъ въ чистомъ видѣ. Впервые эта мысль была выражена П.М. Строевымъ въ его предисловіи къ "С о ф і й с к о м у В р е м е н н и к у". Дальнѣйшее знакомство съ лѣтописями привело окончательно къ убѣжденію, что лѣтописи, которыя намъ извѣстны, представляютъ с в о д ы извѣстій и ска-

заній, компиляціи изъ нѣсколькихъ трудовъ. И теперь въ наукѣ господствуетъ мнѣніе, что даже самыя древнѣйшія лѣтописи суть компилятивные своды. Такъ лѣтопись Нестора есть сводъ XII вѣка, Суздальская лѣтопись- сводъ XIУ вѣка, Московскія - своды XУI и XУII вѣковъ и т.д.

Знакомство съ лѣтописной литературой начнемъ съ такъ называемой лѣтописи Нестора, которая начинается съ разсказа о разселеніи племенъ послѣ потопа, а кончается около IIIO года. Заглавіе ея таково: "Се повѣсти временныхъ лѣтъ|въ иныхъ спискахъ прибавлено: черноризца Ѳеодосьева Печерскаго монастыря откуда есть пошла Русская земля стала есть"|. Такимъ образомъ, по заглавію мы видимъ, что авторъ обѣщаетъ сказать только слѣдующее: кто первый сталъ княжить въ Кіевѣ и откуда произошла Русская земля. Самая исторія этой земли не обѣщана и между тѣмъ она ведется до IIIO года. Послѣ этого года мы читаемъ въ лѣтописи слѣдующую приписку: "Игуменъ Селивестръ Святого Михаила написахъ книгы си лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимірѣ, княжащю ему въ Кыевѣ а мнѣ въ то время игумняющю у св. Михаила въ 6624 индикта 9 лѣта" |т.е. въ III6 году|

Такимъ образомъ выходитъ, что авторомъ лѣтописнаго свода былъ Сильвестръ, по другимъ же даннымъ не Сильвестръ, игуменъ Выдубецкаго монастыря, написалъ лѣтопись извѣстную подъ названіемъ "Повѣсти временныхъ лѣтъ" а монахъ Печерскаго монастыря Н е с т о р ъ: еще Татищевъ приписывалъ ее Нестору. Въ древнемъ "П а т е р и к ѣ П е ч е р с к о м ъ" мы читаемъ разсказъ о томъ, что Несторъ пришелъ къ Ѳеодосію I7-ти лѣтъ въ монастырь, былъ имъ постриженъ, писалъ лѣтопись и умеръ въ монастырѣ. Въ лѣтописи же подъ I05I г. въ разсказѣ о Ѳеодосіи лѣтописецъ говоритъ о себѣ: "къ нему же |Ѳеодосію| и а з ъ п р і и д о х ъ худый и пріятъ мя лѣтъ ми сущу семнадцати". Далѣе подъ I074 годомъ лѣтописецъ передаетъ разсказъ о великихъ подвижникахъ П е ч е р с к и х ъ и по поводу ихъ подвиговъ говоритъ, что многое онъ слышалъ отъ монаховъ а другое "и самовидецъ бых". Подъ I09I годомъ лѣтописецъ отъ своего лица разсказываетъ о томъ, какъ при немъ и даже его участіемъ Печерская братія перенесла на новое мѣсто мощи св. Ѳеодосія; въ въ разсказѣ этомъ лѣтописецъ называетъ себя рабомъ и ученикомъ Ѳеодосія. Подъ I093 годомъ слѣдуетъ разсказъ о нападеніи Половцевъ на Кіевъ и о взятіи ими Печерскаго монастыря, разсказъ, цѣликомъ веденный въ I-омъ лицѣ, затѣмъ, подъ IIIO годомъ мы находимъ выше-приведенную приписку Сильвестра игумена не Печерскаго, а Выдубецкаго монастыря.

На томъ основаніи, что авторъ лѣтописи говоритъ о себѣ,

какъ о Печерскомъ монахѣ и въ виду того, что извѣстія, постороннія лѣтописи, называютъ въ Печерскомъ монастырѣ лѣтописцемъ монаха Нестора, Татищевъ такъ увѣренно приписывалъ лѣтопись до 1110 года Нестору, а Сильвестра считалъ только переписчикомъ лѣтописи. Мнѣніе Татищева встрѣтило поддержку въ К а р а м з и н ѣ, но съ той лишь разницей, что первый думалъ, что Несторъ довелъ лѣтопись только до 1093 года, а второй, что до 1110. Такимъ образомъ, вполнѣ установилось мнѣніе, что лѣтопись принадлежала перу одного лица изъ Печерской братіи, составлявшаго ее вполнѣ самостоятельно. Но Строевъ, при описаніи рукописей гр. Толстого, открылъ греческую хронику Георгія Мниха |Амартола|, которая мѣстами оказалась дословно схожею со введеніемъ къ лѣтописи Нестора. Такой фактъ освѣтилъ этотъ вопросъ съ совершенно новой стороны, явилась возможность указать и изучить и с т о ч н и к и лѣтописи. Строевъ первый и намекнулъ, что л ѣ т о п и с ь е с т ь н и ч т о и н о е, к а к ъ с в о д ъ р а з н а г о и с т о р и к о - л и т е р а т у р н а г о м а т е р і а л а. Авторъ ея дѣйствительно сводилъ греческія хроники и русскій матеріалъ: краткія монастырскія записи, народныя преданія и т.п. Мысль, что лѣтопись есть компилятивный сборникъ, должна была вызвать новыя изысканія. Многіе историки занялись изслѣдованіемъ достовѣрности и состава лѣтописи. Этому вопросу посвѣщалъ свои ученыя статьи и К а ч е н о в с к і й. Онъ пришелъ къ тому выводу, что первоначальная лѣтопись была составлена не Несторомъ и вообще намъ не извѣстна. Извѣст-

ныя намъ лѣтописи, по словамъ Коченовскаго. суть "сборники XIII или XIУ столѣтія, коихъ источники большею частью намъ неизвѣстны". Несторъ по своему образованію, живя въ эпоху общей грубости, не могъ сотавить ничего подобнаго, дошедшей до насъ обширной лѣтописи; ему могли принадлежать только тѣ вставленныя въ лѣтопись "монастырскія записки", въ которыхъ онъ, какъ очевидецъ, повѣствуетъ о жизни своего монастыря въ XI вѣкѣ и говоритъ о самомъ себѣ. Мнѣнія Коченовскаго вызвали основательныя возраженія со стороны П о г о д и н а |см. "Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи" Погодина, т.I, М.1846|. Погодинъ утверждаетъ, что если мы не сомнѣваемся въ достовѣрности лѣтописи, начиная съ XIУ вѣка, то не имѣемъ основанія сомнѣваться и въ показаніяхъ лѣтописи о первыхъ вѣкахъ. Идя отъ достовѣрности позднѣйшаго разсказа лѣтописи, Погодинъ восходитъ все въ большую и большую древность и доказываетъ, что и въ древнѣйшіе вѣка лѣтопись совершенно вѣрно изображаетъ событія и состоянія гражданственности. Скептическіе взгляды на лѣтопись Коченовскаго и его учениковъ вызвали въ защиту лѣтописи книгу Буткова |"Оборона лѣтописи русской. М.1840"| и статьи Кубарева |"Несторъ" и "О Патерикѣ Печерскомъ"|. Трудами этихъ трехъ лицъ, Погодина, Буткова, Кубарева, окончательно утверждена была въ 40-хъ годахъ мысль, что именно Нестору, жившему въ XI вѣкѣ, принадлежитъ древнѣйшій лѣтописный сводъ. Но въ 50 годахъ это убѣжденіе стало колебаться. Трудами П.С.К а з а н с к а г о |статьи во Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей|, С р е з н е в с к а-

г о |"Чтенія о древн. русск. лѣтописяхъ"|, С у х о м л и н о в а |"О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ"|, Б е с т у ж е в а-Р ю м и н а |"О составѣ древнерусскихъ лѣтописей до XVI вѣка"| и другихъ вопросъ о лѣтописи Нестора былъ поставленъ иначе: къ изслѣдованію ея были привлечены новые историко-литературные матеріалы |несомнѣнно принадлежащія Нестору житія святыхъ| и приложены новые пріемы. Компилятивный сводный характеръ былъ установленъ вполнѣ, источники свода были указаны очень опредѣленно; сличеніе трудовъ Нестора съ показаніями лѣтописи обнаружило противорѣчія. Вопросъ о роли Сильвестра, какъ собирателѣ лѣтописнаго свода, сталъ серьезнѣе, чѣмъ былъ раньше. Въ настоящее время первоначальную лѣтопись ученые представляютъ себѣ, какъ сводъ нѣсколькихъ литературныхъ произведеній, составленныхъ разными лицами, въ разное время изъ разнообразныхъ источниковъ. Эти литературныя произведенія въ началѣ XII вѣка были соединены въ одинъ литературный памятникъ, быть можетъ, тѣмъ самымъ Сильвестромъ, который подписалъ свое имя. Внимательное изученіе первоначальной лѣтописи позволило наметить въ ней слѣдующія составныя части или, точнѣе, слѣдующія самостоятельныя литературныя произведенія: во первыхъ, собственно "Повѣсти временныхъ лѣтъ"- разсказъ о разселеніи славянъ послѣ потопа, о происхожденіи и разселеніи племенъ славянскихъ, о дѣленіи славянъ русскихъ на племена, о первоначальномъ бытѣ русскихъ славянъ и о водвореніи на Руси варяжскихъ князей |только къ этой первой части лѣтописнаго свода и можетъ

относиться заглавіе свода, приведенное выше: "Се повѣсти временныхъ лѣтъ"и проч.|; во 2-хъ обширный разсказъ о крещеніи Руси, составленный неизвѣстнымъ авторомъ, вѣроятно въ началѣ XI вѣка и въ 3-хъ, лѣтопись о событіяхъ XI вѣка, которую приличнѣе всего называть Кіевской первоначальной лѣтописью. Въ составѣ этихъ трехъ произведеній, образовавшихъ сводъ, и особенно въ составѣ перваго и третьяго изъ нихъ, можно замѣтить слѣды другихъ, болѣе мелкихъ литературныхъ произведеній "отдѣльныхъ сказаній" и, такимъ образомъ, можно сказать, что нашъ древній лѣтописный сводъ есть компиляція, составленная изъ компиляцій, - настолько сложенъ его внутренній составъ.

Знакомясь съ извѣстіями Лаврентіевскаго списка, древнѣйшаго изъ тѣхъ, которые содержатъ въ себѣ такъ называемую Несторову лѣтопись |онъ написанъ монахомъ Лаврентіемъ въ Суздалѣ въ 1377 г.|, мы замѣчаемъ, что за 1110 годомъ, за лѣтописью первоначальной, въ Лаврентьевскомъ спискѣ идутъ извѣстія, относящіяся по преимуществу къ сѣверо-восточной Суздальской Руси, значитъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ лѣтописью мѣстной. Ипатьевскій списокъ |XIУ- ХУ вв.| за первоначальной лѣтописью даетъ намъ очень подробный разсказъ о событіяхъ Кіевскихъ, а затѣмъ вниманіе лѣтописи сосредоточивается на событіяхъ въ Галичѣ и Волынской землѣ; и здѣсь, стало быть, мы имѣемъ дѣло съ мѣстными же лѣтописями. Этихъ мѣстныхъ, областныхъ лѣтописей дошло до насъ очень много. Виднѣйшее

мѣсто между ними занимаютъ лѣтописи Новгородскія |ихъ нѣсколько редакцій и есть очень цѣнныя| и Псковскія, доводящія свой разсказъ до XVI, даже до XVII вѣка. Не малое значеніе имѣютъ и лѣтописи Литовскія, дошедшія въ разныхъ редакціяхъ и освѣщающія исторію Литвы и соединенной съ нею Руси въ XIV и XV вѣкахъ.

Съ XV вѣка являются попытки собрать въ одно цѣлое историческій матеріалъ, разбросанный въ этихъ мѣстныхъ лѣтописяхъ. Такъ какъ эти попытки совершались въ эпоху московскаго государства и часто официальными средствами московскаго правительства, то онѣ слывутъ подъ именемъ Московскихъ сводовъ или Московскихъ лѣтописей, тѣмъ болѣе, что даютъ обильный матеріалъ именно для московской исторіи. Изъ этихъ попытокъ болѣе ранняя - Софійскій Временникъ |двѣ редакціи|, который соединяетъ извѣстія Новгородскихъ лѣтописей съ извѣстіями Кіевской, Суздальской и другихъ мѣстныхъ лѣтописей, дополняя этотъ матеріалъ отдѣльными сказаніями историческаго характера. Софійскій Временникъ относится къ XV вѣку и представляетъ собой чисто внѣшнее соединеніе нѣсколькихъ лѣтописей, соединеніе подъ опредѣленнымъ годомъ всѣхъ относящихся къ этому году данныхъ безъ всякой ихъ переработки. Такой же характеръ простого соединенія матеріала изъ всѣхъ доступныхъ составителю лѣтопи-

Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

сей имѣетъ Воскресенская лѣтопись, возникшая во второй половинѣ XУI вѣка или же на рубежѣ XУI и XУII вѣковъ, едва ли не при патріаршемъ московскомъ дворѣ; люди XУII вѣка называли эту лѣтопись "Лѣтописцемъ патріарха Гермогена" Воскресенскій сводъ сохранилъ до насъ въ чистомъ видѣ массу цѣнныхъ извѣстій по исторіи удѣльной и московской эпохъ, почему и можетъ быть названъ самымъ богатымъ и надежнымъ источникомъ для изученія XIУ-XУI вѣковъ. Иной характеръ имѣетъ Степенная книга |приписываемая митр. Кипріяну XУ в. и митр. Макарію XУI в.| и Никоновская лѣтопись |XУI-XУII вв.|. Пользуясь тѣмъ же матеріаломъ, какъ и прежде названные своды, эти памятники даютъ намъ этотъ матеріалъ въ переработанномъ видѣ, съ риторикой въ языкѣ, съ извѣстными тенденціями въ освѣщеніи фактовъ. Это - первыя попытки обработки историческаго матеріала, вводящія насъ уже въ исторіографію.

Позднѣйшее русское лѣтописаніе пошло въ Московскомъ государствѣ двумя путями. Съ одной стороны оно стало оффиціальнымъ дѣломъ,- при дворѣ Московскомъ записывались погодно дворцовыя и политическія событія |лѣтописи временъ Грознаго, напр. Александро-Невская, Царственная книга и вообще послѣднія части Московскихъ сводовъ,- Никоновскаго, Воскресенскаго, Львовскаго|, а съ теченіемъ времени и самый типъ лѣтописи сталъ измѣняться, онѣ стали замѣняться такъ называемыми разрядными книгами. Съ другой стороны, въ

разныхъ мѣстностяхъ Руси стали являться лѣтописи строго мѣстнаго, областного, даже городского характера, въ большинствѣ лишенныя значенія для политической исторіи |таковы Нижегородская, Двинская, Угличская и др., таковы до нѣкоторой степени и Сибирскія|.

Съ XVI вѣка, рядомъ съ лѣтописями, возникаетъ новый видъ историческихъ произведеній: это - Хронографы или обзоры исторіи всемірной |точнѣе: библейской, византійской, славянской и русской|. Первый хронографъ былъ составленъ въ 1512 году, преимущественно на основаніи греческихъ источниковъ съ дополнительными свѣдѣніями по русской исторіи. Въ 1616-1617 году былъ составленъ Хронографъ 2-ой редакціи. Это произведеніе интересно въ томъ отношеніи, что болѣе древнія событія изображаетъ на основаніи первой редакціи хронографа, а русскія, начиная съ XVI-XVII вѣковъ, описываетъ заново, самостоятельно. Авторъ его несомнѣнно обладалъ литературнымъ талантомъ, и кто хочетъ ознакомиться съ древне-русской риторикой въ ея удачныхъ образцахъ, долженъ прочитать русскія статьи этого хронографа. Въ XVII вѣкѣ московское общество начинаетъ проявлять особенную склонность къ хронографамъ, которые растутъ въ большомъ количествѣ. Погодинъ въ свою библіотеку собралъ ихъ до 50-ти экземпляровъ; нѣтъ сколько нибудь крупнаго собранія рукописей, гдѣ бы ихъ не считали десятками. Распространенность хронографовъ легко объяснить: краткіе по системѣ изложенія, написанные литературнымъ языкомъ, они давали

русскимъ людямъ тѣ же свѣдѣнія, что и лѣтописи, но въ болѣе удобномъ видѣ.

Кромѣ собственно лѣтописей, въ древне-русской письменности можно найти много литературныхъ произведеній, служащихъ источниками для историка. Можно даже сказать, что вся древне-русская литературная письменность должна разсматриваться какъ историческій источникъ и часто трудно бываетъ предугадать, изъ какого литературнаго труда историкъ почерпнетъ лучшее разъясненіе интересующаго его вопроса. Такъ напр смыслъ сословнаго наименованія Кіевской Руси "Огнищанинъ" толкуется въ исторіографіи не только изъ памятниковъ законодательства, но и изъ древняго славянскаго текста поученій Св. Григорія Богослова, въ которомъ встрѣчаемъ архаическое рѣченіе "огнище" въ смыслѣ рабы, челядь |"гръдящейся мъногы огнищи и стада"|. Переводы священныхъ книгъ, сдѣланные княземъ А.М.Курбскимъ, даютъ матеріалъ для біографіи и характеристики этого знаменитаго дѣятеля XVI в. Но при такомъ значеніи всего историко-литературнаго матеріала нѣкоторые его виды имѣютъ все таки особенный интересъ для историка: таковы о т д ѣ л ь н ы я с к а з а н і я о лицахъ и фактахъ, носящія на себѣ характеръ то и с т о р и ч е с к і й, то п у б л и ц и с т и ч е с к і й. Рядъ историческихъ сказаній цѣликомъ занесенъ въ наши лѣтописные своды; таковы, напр. сказанія о к р е щ е н і и Р у с и, о б ъ о с л ѣ п л ѣ н і и к н я з я В а с и л ь к а, о б и т в ѣ н а Л и п е ц ѣ, о Б а т ы е в о м ъ н а ш е с т в і и, о К у л и к о в о й б и т в ѣ и много другихъ.

Въ отдѣльныхъ спискахъ или также въ сборникахъ дошли до насъ любопытныя публицистическія произведенія древней Руси которыми особенно богатъ былъ XVI вѣкъ; изъ нихъ видное мѣсто занимаетъ "Исторія", написанная кн. А.М.К у р б с к и м ъ о Грозномъ; памфлетическія произведенія такъ называемаго И в а ш к и П е р е с в ѣ т о в а, защитника правительственной системы Грознаго; "П о в ѣ с т ь н ѣ к о е г о б о г о л ю б и в а м у ж а", бывшаго противникомъ этой системы; "Б е с ѣ д а В а л а а м с к и х ъ ч у д о т в о р ц е в ъ", въ которой видятъ произведеніе боярской среды, недовольной московскими порядками, и т.п. Рядомъ съ публицистикой въ XVI - XVII вѣкахъ продолжала существовать и развиваться историческая письменность, выражаясь рядомъ любопытныхъ повѣстей и сказаній, принимавшихъ часто крупные внѣшніе объемы. Отдѣльнымъ томомъ напечатана въ 1791 г. составленная въ XVI в. "И с т о р і я о К а з а н с к о м ъ ц а р с т в ѣ", излагающая исторію Казани и паденія ея въ 1552 году. Въ XI томѣ "Русской исторической библіотеки" издана цѣлая серія русскихъ "п о в ѣ с т е й о с м у т н о м ъ в р е м е н и XVI-XVII вв., изъ которыхъ многія давно уже стали извѣстны изслѣдователямъ смуты. Среди десятковъ этихъ повѣстей выдаются: 1| такъ называемое И н о е с к а з а н і е, представляющій собою политическій памфлетъ, вышедшій изъ партіи Шуйскихъ въ 1606 году. 2| С к а з а н і е келаря Троице-Сергіевой Лавры А в р а а м і я П а л и ц и н а, написанное въ окончательномъ видѣ въ 1620 году; 3| В р е м е н н и к ъ И в а н а Т и -

м о ѳ ѳ е в а, малоизвѣстная и очень любопытная хроника смуты; 4| П о в ѣ с т ь к н я з я М.М и х. К а т ы р е в а Р о с т о в с к а г о, отмѣченная печатью большого литературнаго таланта, 5| Н о в ы й Л ѣ т о п и с е ц ъ - попытка фактическаго обзора смутной эпохи и т.д. Къ болѣе поздней эпохѣ относятся сказанія о в з я т і и А з о в а к а з а к а м и, описаніе московскаго государства, сдѣланное Г.К.К о т о ш и х и н ы м ъ въ 60 годахъ XVII ст., и, наконецъ, цѣлый рядъ записокъ русскихъ людей |А.А.М а т в ѣ е в а, С.М е д в ѣ д е в а, Ж е л я б у ж с к а г о и др.| о времени Петра Великаго. Этими записками открывается безконечный рядъ м е м у а р о в ъ русскихъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ правительственной дѣятельности и общественной жизни прошлаго и настоящаго столѣтій. Общеизвѣстность нѣкоторыхъ мемуаровъ |Болотова, Дашковой| избавляетъ отъ необходимости перечислять виднѣйшіе изъ нихъ.

Рядомъ съ историческими сказаніями въ качествѣ историческаго источника стоятъ сказанія а г і о г р а ф и ч е с к і я или ж и т і я с в я т ы х ъ и п о в ѣ с т в о в а н і я о ч у д е с а х ъ. Не только самое житіе святого даетъ иногда цѣнныя историческія показанія объ эпохѣ, въ которую жилъ и дѣйствовалъ святой, но и въ "чудесахъ" святого, приписанныхъ къ житію, историкъ находитъ цѣнныя указанія объ обстоятельствахъ того времени, когда совершались чудеса. Такъ, въ житіи С т е ф а н а С у р о ж с к а г о одно изъ повѣствованій о чудѣ святого даетъ возможность установить существованіе народа Р у с ь и его дѣйствія въ

Крыму ранѣе 862 года, когда, по лѣтописи, Русь была призвана въ Новгородъ съ Рюрикомъ. Безыскуственная форма древнѣйшихъ житій даетъ особенную цѣнность ихъ показаніямъ, но съ XУ вѣка вырабатываются особые пріемы въ писаніи житій, замѣняющіе риторикой фактическую содержительность и искажающіе смыслъ факта въ угоду литературной модѣ. Житія |Св. Сергія Радонежскаго, Стефана Пермскаго|, составленныя въ XУ вѣкѣ Эпифаніемъ Премудрымъ, уже даютъ риторикой, хотя и блещутъ литературнымъ талантомъ и силой искренняго чувства. Больше риторики и холодной условности въ житіяхъ, составленныхъ учеными сербами, жившими на Руси въ XУ вѣкѣ, митр. Кипріаномъ и монахомъ Пахоміемъ Логоѳетомъ. Сочиненія ихъ создали на Руси условную форму житійнаго творчества, распространеніе которой замѣтно на житіяхъ XУI и XУII вв. Эта условная форма, подчиняя себѣ содержаніе житій лишаетъ ихъ показанія свѣжести и точности.

Мы закончимъ перечень историческихъ источниковъ литературнаго типа, если упомянемъ о большомъ числѣ тѣхъ записокъ о Россіи, которыя были въ разные вѣка составлены иностранцами, посѣщавшими Русь. Изъ сказаній иностранцевъ замѣтны труды: католика-монаха Плано-Карпини |XIII вѣкъ|, Сигизмунда Герберштейна |начало XУI в.|, Павла Іовія |XУI в.|, Іеронима Горсея |XУI в.|, Гердѳнштейна |XУI в.|, Флетчера |I59I г.|, Маржерета |XУII в.|, Конрада Буссова |XУII в.|, Жол-

кѣвскаго |XVII в.|, Олеарія |XVIIв.|, фонъ-Мейерберга |XVIIв.|, Гордона, |кон.XVIIв.|, Карба |конецъ XVII вѣка|. Для исторіи XVIII вѣка большое значеніе имѣютъ дипломатическія депеши западно-европейскихъ пословъ при русскомъ дворѣ и безконечный рядъ мемуаровъ иностранцевъ, знакомыхъ съ русскими дѣлами. На ряду съ сочиненіями иностранныхъ писателей, знавшихъ Россію, слѣдуетъ помнить и тотъ иноземный матеріалъ, которымъ пользуются историки при изученіи первыхъ страницъ исторіи славянъ и Руси. Начало нашей исторической жизни нельзя, напр., изучать безъ знакомства съ арабскими писателями |IX-X вв. и позднѣе|, знавшими хозаръ, русь и вообще народы, обитавшіе въ нашей равнинѣ; одинаково необходимо пользоваться сочиненіями и византійскихъ писателей, хорошее знакомство съ которыми въ послѣднее время даетъ особенные результаты въ трудахъ В.Г. Васильевскаго, О.И.Успенскаго и др. нашихъ византинистовъ. Наконецъ, свѣдѣнія о славянахъ и русскихъ находятся у средне-вѣковыхъ писателей западно-европейскихъ и польскихъ: готскаго историка Іорнанда |VIв |, польскихъ Мартина Галла |XII вѣка|, Яна Длугота |XVвѣка| и другихъ.

Перейдемъ къ памятникамъ юридическаго характера, къ памятникамъ правительственной дѣятельности и гражданскаго общежитія. Этотъ матеріалъ

обыкновенно зовется актами и грамотами и во множествѣ хранится въ правительственныхъ архивахъ |изъ которыхъ замѣчательны: въ Москвѣ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Архивъ Министерства Юстиціи, въ Петербургѣ Архивы Государственный и Сенатскій, наконецъ, архивы въ Вильнѣ, Витебскѣ, Кіевѣ|. Чтобы освоиться съ архивнымъ матеріаломъ, слѣдуетъ его по возможности точно классифицировать, но памятниковъ юридическаго характера до насъ дошло такъ много и они такъ разнообразны, что это довольно трудно сдѣлать. Мы можемъ отмѣтить только главные виды: I| государственные акты, т.е.всѣ документы, которые касаются важнѣйшихъ сторонъ государственной жизни, напримѣръ договоры. Памятники этого рода сохранились у насъ отъ самаго начала нашей исторіи, это - замѣчательные договоры съ греками Олега и послѣдующихъ князей. Далѣе рядъ между-княжескихъ договоровъ дошелъ до насъ отъ XIУ-XУI вѣковъ. Въ этихъ договорахъ опредѣляются политическія отношенія древне-русскихъ князей. Рядомъ съ договорными грамотами надо поставить грамоты душевныя, т.е. духовныя завѣщанія князей. До насъ, напримѣръ, дошли два духовныхъ завѣщанія Ивана Калиты. Первое написано передъ поѣздкой въ орду, второе передъ смертью. Въ нихъ онъ дѣлитъ свое имущество между сыновьями и поэтому перечисляетъ его; такимъ образомъ, душевная грамота является подробнѣйшимъ перечнемъ земельныхъ владѣній и имущества русскихъ князей и съ этой точки зрѣнія представляетъ весьма цѣнный историческій и географическій матеріалъ. За душевными грамотами упомянемъ

грамоты избирательныя. Первая изъ нихъ относится къ избранію Бориса Годунова на Московскій престолъ, ея составленіе приписываютъ патріарху Іову; вторая - къ избранію Михаила Ѳедоровича Романова. Наконецъ, къ государственнымъ актамъ должны быть отнесены памятники древне-русскаго законодательства. Къ нимъ прежде всего слѣдуетъ отнести Русскую Правду, посколько ее можно признавать актомъ правительственной дѣятельности, а не частнымъ сборникомъ. Затѣмъ сюда же относятся Судныя грамоты Новгорода и Пскова, утвержденныя вѣчемъ; онѣ заключаютъ рядъ постановленій по судебнымъ дѣламъ. Такимъ же характеромъ отличается и Судебникъ Ивана III-го 1497 года |называемый первымъ или княжескимъ|. Въ 1550 году за этимъ судебникомъ послѣдовалъ второй или царскій Судебникъ Ивана Грознаго, болѣе полный, а черезъ 100 лѣтъ послѣ него въ 1648-1649 г. было составлено Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, которое сравнительно было уже очень полнымъ кодексомъ дѣйствовавшаго тогда права. Рядомъ съ сборниками свѣтскаго законодательства дѣйствовали въ сферѣ церковнаго суда и администраціи сборники законодательства церковнаго |Кормчая книга или Номоканонъ и др.|; эти сборники составлены были въ Византіи, но въ теченіе вѣковъ по немногу приноравливалась къ особенностямъ русской жизни. 2| Вторымъ видомъ историко-юридическаго матеріала являются администт-

ративныя грамоты: это - отдѣльныя правительственныя распоряженія, даваемыя или на частные случаи административной практики, или отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ для того, чтобы опредѣлить отношенія этихъ лицъ и общинъ къ власти. Изъ такихъ грамотъ нѣкоторыя имѣли довольно широкое содержаніе, напримѣръ, грамоты уставныя и губныя, опредѣлявшія порядокъ самоуправленія цѣлыхъ волостей. Въ большинствѣ это отдѣльныя распоряженія правительства по текущимъ дѣламъ. Въ Московскомъ государствѣ законодательство развивалось именно путемъ накопленія отдѣльныхъ законоположеній, изъ которыхъ каждое, возникая по поводу частнаго случая, обращалось затѣмъ въ прецедентъ для всѣхъ подобныхъ случаевъ, становилось постояннымъ закономъ. Такой казуистическій характеръ законодательства создалъ въ Москвѣ такъ называемыя указныя книги приказовъ или отдѣльныхъ вѣдомствъ: каждое вѣдомство записывало у себя въ хронологическомъ порядкѣ царскіе указы, которые его касались, и возникала "указная книга", становившаяся руководствомъ для всей администативной или судебной практики вѣдомства. 3| Третьимъ видомъ юридическаго матеріала можно считать челобитья, т.е. тѣ просьбы, которыя по разнымъ дѣламъ подавались правительству. Право челобитій ничѣмъ не было стѣснено въ древней Руси до средины XVII вѣка и законодательная дѣятельность правительства зачастую была прямымъ отвѣтомъ на челобитья; отсюда ясно большое историческое значеніе челобитій: они не только знакомятъ съ нуждами и бытомъ населенія, но объясняютъ и направленіе за-

конодательства. 4| На четвертомъ мѣстѣ помянемъ г р а м о т ы ч а с т н а г о, г р а ж д а н с к а г о б ы т а, въ которыхъ отражались личныя и имущественныя отношенія частныхъ лицъ - кабальныя записи, купчія и т. под. 5| Далѣе, особымъ видомъ памятниковъ можно считать п а м я т н и к и с у д о п р о и з в о д с т в а, въ которыхъ находимъ много данныхъ для исторіи не только суда, но и тѣхъ гражданскихъ отношеній, той реальной жизни, которой касался судъ. 6| Наконецъ, особое мѣсто въ ряду источниковъ занимаютъ такъ называемыя п р и к а з н ы я к н и г и |одинъ видъ ихъ - указныя книги - уже упомянутъ|. Приказныхъ книгъ было много видовъ, и намъ слѣдуетъ ознакомиться только съ важнѣйшими въ историческомъ отношеніи. Любопытнѣе всѣхъ: к н и г и п и с ц о в ы я, содержащія въ себѣ поземельную опись уѣздовъ Московскаго государства, производившуюся съ податными цѣлями; к н и г и п е р е п и с н ы я, содержащія въ себѣ перепись людей податныхъ классовъ населенія; к н и г и к о р м л е н н ы я и д е с я т к и, заключающія въ себѣ переписи придворныхъ и служилыхъ людей съ указаніями на ихъ имущественное положеніе; к н и г и р а з р я д н ы я |и такъ называемые д в о р ц о в ы е р а з р я д ы|, въ которыхъ записывалось все, что относилось къ придворной и государственной службѣ боярства и дворянства |иначе говоря, это - дневники придворной жизни и служебныхъ назначеній|.

Если мы упомянемъ о матеріалахъ для исторіи дипломатическихъ сношеній | "Наказы", т.е. инструкціи посламъ, "Ста-

тейные списки", т.е. дневники переговоровъ, отчеты пословъ и т.п.|, то историко-юридическіе памятники будутъ нами перечислены съ достаточной полнотой. Что касается до этого рода памятниковъ Петровской Руси, то ихъ терминологія и классификація въ XVIII вѣкѣ въ главныхъ чертахъ настолько мало разнится отъ современной намъ, что не требуетъ поясненій.

Древнѣйшая исторія нашей страны.

Въ настоящее время нѣтъ нужды указывать на то, что природа страны вліяетъ на бытъ народа, обусловливаетъ особенности народнаго хозяйства, налагаетъ свой отпечатокъ и на весь ходъ историческаго развитія общества. Тотъ, кто захотѣлъ бы познакомиться съ вопросомъ о вліяніи нашей страны на разселеніе, бытъ и исторію русскаго племени, найдетъ прекрасный матеріалъ въ первомъ томѣ "Исторіи Россіи" С.М. Соловьева; этотъ историкъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на объясненіи того значенія, какое имѣла наша равнина въ качествѣ историческаго фактора. Въ нашемъ же курсѣ мы можемъ дать лишь намеки на главнѣйшія стороны вопроса. Прежде всего мы отмѣтимъ, что равнинность страны и обиліе рѣчныхъ путей, идущихъ въ разныя стороны, должны были содѣйствовать широкому разселенію славянъ, должны были облегчать и даже вызывать тотъ грандіозный процессъ колонизаціи, которымъ славянское племя осваивало громадныя пространства земель. Фактъ колонизаціи - одинъ изъ самыхъ важныхъ фак-

товъ нашей исторіи, многое объясняющій историку и въ сферѣ народнаго хозяйства, и въ сферѣ народнаго права. Далѣе, плодородная почва страны и обиліе лѣсовъ должны были развить земледѣльческій и лѣсной промыслы, тогда какъ рѣки, вытекающія изъ центра равнины во всѣ четыре окраинныхъ моря, должны были содѣйствовать зарожденію и развитію торговли и внутри страны, и съ сосѣдними странами. Такъ особенности страны предопредѣляли разнообразіе хозяйственной дѣятельности народа.

Но давая широкій просторъ для передвиженія жителей, содѣйствуя сложенію ихъ въ крупныя общества, природа страны въ то же время не охраняла эти общетова отъ чуждыхъ вторженій. Ничѣмъ не защищенные со стороны Азіи, наши предки не разъ дѣлались жертвами дикихъ азіатскихъ кочевниковъ, и въ природѣ не имѣли вѣрнаго союзника противъ этихъ враговъ. Въ первые вѣка нашей исторіи, какъ мы знаемъ, кіевскіе князья искусственной границей, цѣпью укрѣпленій оборонялі свою землю отъ степныхъ кочевниковъ; позднѣе московскіе государи создали такую же искусственно-укрѣпленную границу |"черту","берегъ"| отъ татаръ. Такъ, рядомъ съ условіями, содѣйствующими успѣхамъ народной жизни, страна создавала и условія, противодѣйствующія этимъ успѣхамъ.

Условія русскаго юга, благопріятныя для развитія человѣческой производительности, очень рано привлекли вниманіе древнихъ грековъ. За 500 лѣтъ до Р.Х. на сѣверномъ берегу Чернаго моря существовали уже греческіе города, жители которыхъ торговали съ окрестными туземцами. Геродотъ оставилъ

намъ пространный разсказъ объ этихъ туземцахъ, которыхъ греки называли общимъ именемъ с к и ѳ о в ъ. По этому разсказу были скиѳы кочевые, но были скиѳы и осѣдлые, достигшіе уже извѣстной гражданственности. Многочисленность скиѳскихъ племенъ и разнообразіе формъ ихъ быта позволяютъ съ большимъ вѣроятіемъ думать, что греки называли общимъ именемъ скиѳовъ не одно обширное племя, а нѣсколько племенъ, различнаго происхожденія, жившихъ на сѣверѣ отъ Чернаго моря. Во время болѣе позднее, около Р.Х., на мѣстахъ поселенія древнихъ скиѳовъ греческіе и римскіе писатели помѣщаютъ народы съ иными уже названіями. Общее наименованіе этихъ народовъ - с а р м а т ы; видовыя имена - я з и г и, а л а н ы, р о к с о л а н ы; всѣ эти народы причисляются нынѣ къ арійской расѣ, хотя и о нихъ мы знаемъ очень мало. Нѣсколько опредѣленнѣе данныя о такъ называемомъ Воспорскомъ царствѣ на Азовскомъ побережьѣ; оно было основано скиѳами и греками-колонистами и жило въ такихъ формахъ быта, которыя отражали въ себѣ вліяніе и варваровъ-скиѳовъ, и эллиновъ. Вещественные остатки этого быта |курганъ Куль-Оба около Керчи и прч.| ярко рисуютъ намъ эту смѣшанную культуру такъ же, какъ и остатки, находимые въ болѣе сѣверныхъ скиѳо-сарматскихъ могилахъ, даютъ довльно хорошее представленіе о бытѣ скиѳовъ и сарматовъ, жившихъ особо отъ грековъ |Чертомлыцкій или Никопольскій курганъ на Днѣпрѣ|. -Собирая всѣ скудныя данныя о жизни на черноморскомъ побережьѣ въ наиболѣе древнее время, мы получаемъ возможность сказать, что уже до Рождества Христова югъ нашей страны былъ ареной ожив-

леннаго торговаго движенія. Предметами вывоза отсюда служили хлѣбъ, рыба, воскъ и медъ, кожи и мѣха, шерсть, лошади, риба; ввозились же сюда преимущественно предметы роскоши и искусствъ.

Во II и III вѣкахъ въ исторіи великой сѣверной равнины произошли крупныя событія: большое германское племя готовъ передвинулось отъ Балтійскаго моря къ Черному и основало въ Черноморьѣ сильное государство. Готскій король Германарихъ владѣлъ приблизительно южной половиной нынѣшней Европейской Россіи и ему, какъ полагаютъ, повиновались кромѣ готовъ и финскія племена |чудь, весь, меря, мордва|. Въ числѣ подданныхъ Германариху племенъ видимъ и нашихъ предковъ с л а в я н ъ подъ именемъ в е н е д о в ъ. Не смотря на свою силу готское царство въ IУ вѣкѣ пало подъ натискомъ еще болѣе сильнаго врага г у н н о в ъ. Придя изъ Азіи, гунны заставили готовъ всею массою отступить отъ Чернаго моря на западъ и войти въ предѣлы Римской имперіи; на Черноморьѣ |въ Крыму и Тамани| осталась лишь небольшая часть готскаго племени, державшаяся тамъ очень долго. Оттѣснивъ готовъ, гунны подчинили себѣ венедовъ, т.е. славянъ, и въ то же время стали подъ ихъ культурное вліяніе. Разсказъ писателя П р и с к а прямо свидѣтельствуетъ о славянизаціи гунновъ, чѣмъ и даетъ поводъ нѣкоторымъ историкамъ считать гунновъ за славянъ, не смотря на многіе признаки ихъ монгольскаго происхожденія |Д.И.Иловайскій отстаивалъ славянство гуннновъ передъ В.Г.Васильевскимъ|. Съ паденіемъ гунновъ въ УI вѣкѣ славяне попали подъ владычество а в а -

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

р о в ъ или о б р о в ъ, которыхъ знаетъ уже и наша первоначальная лѣтопись: истребленіе обровъ Карломъ Великимъ, а затѣмъ болгарами, создало въ древней Руси поговорку, записанную лѣтописцемъ: "погибоша аки обры".

Такъ, изъ за племенъ, чуждыхъ и малоизвѣстныхъ, выступаютъ мало-по-малу и наши предки славяне въ качествѣ обитателей великой сѣверной равнины. Но не въ первый разъ выступаютъ они въ исторіи подъ властью готскаго Германариха, можно собрать и болѣе ранніе указанія на существованіе славянъ въ Европѣ.

Уже Геродотъ въ IУ вѣкѣ до Р.Х. называетъ на Вислѣ г е н е т о в ъ, въ которыхъ нѣкоторые видятъ славянъ. Писатели I-II в. по Р.Х. |Тацитъ и др.| говорятъ о В е н е д а х ъ у Балтійскаго моря, подъ которыми позже разумѣются славяне Тацитъ приравниваетъ венедовъ къ сарматамъ, но указываетъ то различіе, что венеды - народъ о с ѣ д л ы й. Писатели Уі вѣка, готъ Іорнандъ и византійцы Прокопій и Маврикій уже хорошо знаютъ славянъ подъ именами с л а в я н е и а н т ы и помѣщаютъ первыхъ между Вислой и Днѣпромъ, а вторыхъ - между Днѣпромъ и Днѣстромъ. Предгорья Карпатъ были такимъ образомъ древнѣйшими мѣстами славянскихъ поселеній. Отъ Карпатъ |отъ Дуная| ведетъ славянъ на Днѣпръ и наша лѣтопись. Славяне ушли съ Дуная, тѣснимые В о л х а м и |неизвѣстнымъ народомъ| и поселились на русскихъ

Литографія Богданова, Эртелевъ пер.,д.I2. Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

рѣкахъ, раздѣлясь на племена. П о л я н е сѣли на среднемъ Днѣпрѣ, д р е в л я н е на Припяти, д р е г о в и ч и - на Березинѣ, п о л о ч а н е - на Западной Двинѣ, с в е р я н е - по Деснѣ, р а д и м и ч и - по Сожи, к р и в и ч и - на водораздѣлѣ З. Двины и Днѣпра, и л ь м е н с к і е о л а в я н е - на Ильменѣ и Волховѣ, т и в е р ц ы и у г л и ч и - на нижнемъ теченіи Днѣпра и Днѣстра, в о л ы н я н е | б у ж а н е, д у л ѣ б ы | - по Зап. Бугу.

Повѣствованіемъ лѣтописи о жизни всѣхъ этихъ племенъ и начинается исторія Руси. Въ дополненіе къ даннымъ нашего лѣтописца о первыхъ порахъ нашей исторіи привлекаются историками и всѣ извѣстія иноземныхъ писателей, какія только извѣстны въ настоящее время. Съ помощью ихъ и рѣшаются вопросы о формахъ первоначальнаго быта славянъ и о началѣ государственной жизни на Руси.

Но раньше, чѣмъ приступить къ знакомству съ этими вопросами, слѣдуетъ остановиться на томъ замѣчаніи, что славянскія племена въ началѣ своей исторіи не владѣли всей территоріей нынѣшней европейской Россіи. На сѣверѣ отъ нихъ, отъ Балтійскаго моря до Урала, жили многочисленныя ф и н с к і я племена. При Балтійскомъ морѣ, въ бассейнѣ рѣки Нѣмана сидѣли племена л и т о в с к і я. По Камѣ и средней Волгѣ шли владѣнія т ю р к с к а г о народа б о л г а р ъ а на нижней Волгѣ и Донѣ было государство т ю р к с к а г о же народа х о з а р ъ, управлявшееся ханомъ, носившимъ титулъ к а г а н а. Не останавливаемся теперь на под-

робномъ изложеніи данныхъ обо всѣхъ этихъ народахъ, такъ какъ мы будемъ еще говорить о нихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

О б щ е с т в е н н ы й б ы т ъ д р е в н и х ъ с л а в я н ъ.

Мы познакомились съ тѣми извѣстіями о славянахъ, которыя позволяютъ намъ сказать, что русскіе до начала самобытнаго политическаго существованія имѣли нѣсколько вѣковъ примитивной жизни. Тѣ же древніе писатели раскрываютъ намъ и черты первоначальнаго быта славянъ, съ которыми интересно познакомиться, чтобы уяснить себѣ, въ какомъ положеніи, на какой степени общественнаго развитія застаетъ славянъ исторія? Придя въ предѣлы теперешней Россіи, въ поднѣпровье, славяне не нашли здѣсь такой культуры и цивилизаціи, какъ германское племя, вторгшись въ Западно-Римскую имперію. Послѣдніе сами должны были подняться до той высоты, на которой стояли туземцы, славяне же предстаютъ передъ нами въ достаточной чистотѣ примитивнаго быта. Объ этомъ бытѣ еще въ XVIII вѣкѣ сложились два воззрѣнія. Представителемъ перваго былъ извѣстный Ш л ѣ ц е р ъ, другая же теорія получила окончательное развитіе въ "Исторіи русской жизни" современнаго намъ ученаго И.А.З а б ѣ л и н а. Шлецеръ представлялъ себѣ первоначальный бытъ славянъ не выше быта дикарей ирокезцевъ. Еще лѣтописецъ говорилъ, что славяне "живяху звѣринскимъ образомъ", такъ думалъ и Шлецеръ. Первыя сѣмена гражданственности и культуры, по его мнѣнію, бы-

ли брошены варягами, которые вызвали славянъ на историческую арену. Это - взглядъ очевидно крайній. Забѣлинъ же |"Исторія русской жизни".2 тома. М. 1876-1879| рисуетъ намъ бытъ славянъ русскихъ въ IX-X в. очень сложнымъ и развитымъ и впадаетъ поэтому въ иную крайность. Отрѣшимся отъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія и разсмотримъ, какія несомнѣнныя данныя для выясненія этого вопроса можемъ мы найти у древнихъ историковъ?

Прежде всего, славяне народъ не кочевой, а осѣдлый. Уже Тацитъ, который сближаетъ ихъ съ сарматами, отмѣчаетъ, что они были дикимъ народомъ, но отличались отъ сарматовъ тѣмъ, что жили осѣдло и строили дома. Осѣдлость славянъ надо понимать въ томъ смыслѣ, что главный капиталъ ихъ состоялъ не въ стадахъ и табунахъ, а въ землѣ, и хозяйство было основано на эксплоатаціи земли. Но осѣдлость славянъ была непрочна, такъ какъ, истощивъ пашню въ одномъ мѣстѣ, они легко покидали жилище и искали другого. Такимъ образомъ, поселки славянъ имѣютъ первоначально очень подвижный характеръ. Объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ и греческіе писатели и лѣтописецъ, который говоритъ о древлянахъ и вятичахъ такъ, что можно понять, что они только что принялись за обработку земли. Древляне, которые, по словамъ лѣтописца, "живяху звѣриньскимъ образомъ", уже къ началу лѣтописи "дѣлаютъ нивы своя и земли своя".

Страны, въ которыхъ приходилось жить и пахать славянамъ, были лѣсныя, поэтому рядомъ съ земледѣліемъ возникаетъ и эксплоатація лѣсовъ, развиваются лѣсные промыслы, бортниче-

ство и охота съ цѣлью промышленной. Воскъ, медъ и шкуры были искони предметами торговли, которыми славилась Россія на Дунаѣ. Святославъ, напримѣръ, желая остаться на Дунаѣ, говорилъ: "хочю жити въ Переяславицы на Дунаи, яко то есть середа въ земли моей, яко ту вся благая сходятся...|перечисляетъ, что привозятъ изъ Грецiи и Рима, а о Руси говоритъ|...изъ Руси же скоро и медъ, воскъ и челядь". Охота на пушного звѣря составляла одинъ изъ основныхъ промысловъ славянъ, точно такъ же, какъ издѣлія изъ дерева: лодки и т.п. Конечно, это обусловливалось тѣмъ, что пашня славянина стояла въ лѣсу. Вотъ, такимъ образомъ, хозяйство, въ которомъ, какъ мы видимъ, всѣ отрасли промышленности тѣсно связаны съ землей.

Другая сторона хозяйственной жизни славянъ заключалась въ торговлѣ. Давно уже, на пространствѣ отъ южнаго побережья Балтійскаго моря до Урала находятъ клады съ арабскими |куфическими| монетами, относящимися къ VIII, даже VII вѣку |693 г.|. Если принять во вниманіе, что у арабовъ былъ обычай при каждомъ новомъ ханѣ перечеканивать монеты, то можно приблизительно точно опредѣлить время, по крайней мѣрѣ вѣкъ, въ которомъ зарытъ кладъ. На основаніи этого и дѣлаютъ выводъ, что въ VIII, IX и X вѣкахъ тѣ народы, которые жили на Руси, вели торговлю съ Арабами. Эти археологическія предположенія совпадаютъ съ разсказами арабскихъ писателей, которые передаютъ намъ, что арабы торговали въ предѣлахъ нынѣшней Россіи и, между прочимъ, съ народомъ Россъ. Велась торговля, вѣроятно, рѣчными путями, по крайней мѣрѣ клады

своимъ мѣстонахожденіемъ намекаютъ на это. О размѣрахъ торговыхъ оборотовъ мы можемъ судить напр. потому, что у Великихъ Лукъ найденъ кладъ, оцѣненный въ 7 тысячъ рублей. Возможность зарыть въ одномъ кладѣ столько цѣнностей показываетъ, что торговля велась большими капиталами. Въ торговлѣ съ востокомъ для славянъ большое значеніе имѣли хозары, которые, покоривъ южныхъ славянъ, открыли имъ безопасный путь къ Каспійскому морю. Подъ покровительствомъ этихъ же хозаръ славяне проникли и въ Азію. Это было одно направленіе торговли славянъ-русскихъ. Второе ведетъ насъ на югъ Древній договоръ Олега съ греками показываетъ, что подобные торговые договоры писались уже и раньше и что въ X вѣкѣ сложились уже опредѣленныя формы и традиціи торговыхъ сношеній. Указываютъ и на третій торговый путь, который шелъ изъ Руси въ Западную Европу. Профессоръ Васильевскій, основываясь на хорошихъ данныхъ, говоритъ, что славяне въ глубокой древности подъ именемъ "руговъ" были постояннымъ торговымъ частямъ на верхнемъ Дунаѣ. Такимъ образомъ, свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ отъ древнѣйшей поры, показываютъ, что рядомъ съ земледѣліемъ славяне занимались и торговлей. А при такомъ условіи мы можемъ предположить у славянъ раннее существованіе городовъ, какъ торгово-промышленныхъ центровъ. Этотъ выводъ – выводъ несомнѣнный, проливаетъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя явленія древней кіевской жизни.

Хотя Іорнандъ и утверждаетъ, что у славянъ не было городовъ, тѣмъ не менѣе, съ перваго же времени исторической жизни славянъ мы видимъ у нихъ признаки развитія городской

жизни. Скандинавскія саги, знакомыя съ Русью, зовутъ ее "Гардарикъ", т.е. страна городовъ. Лѣтопись уже не помнитъ времени возникновенія на Руси многихъ городовъ: они были "изначала". Главнѣйшіе города древней Руси |Новгородъ, Полоцкъ, Ростовъ, Смоленскъ, Кіевъ, Черниговъ| всѣ расположены на рѣчныхъ торговыхъ путяхъ и имѣли значеніе именно торговое, а не были только пунктами племенной обороны.

Вотъ тѣ несомнѣнныя данныя о первоначальномъ бытѣ славянъ, которые показываютъ, что послѣдніе были далеко не дикимъ народомъ, что лѣтописецъ впалъ въ неточность, говоря, что въ большинствѣ своемъ они "живяху звѣринскимъ обра - зомъ", но съ другой стороны у насъ нѣтъ никакой возможности утверждать, что этотъ бытъ достигалъ высокихъ степеней общественной культуры.

Какую же внутреннюю организацію имѣли славяне? Разрѣшеніе этого вопроса вводитъ насъ въ интересную полемику.

Бытъ славянъ несомнѣнно въ началѣ былъ п л е м е н - н о й. На первыхъ страницахъ лѣтописецъ постоянно называетъ ихъ по племенамъ, но, читая лѣтопись далѣе, мы видимъ, что имена полянъ, древлянъ, вятичей и т.п. постепенно исчезаютъ и замѣняются разсказами о волостяхъ. "Новгородци бо изначала и Смольняне и Кыяне и Полочане и вся в л а - с т и |т е. в о л о с т и | яко же на думу на вѣча сходятся",- говоритъ лѣтописецъ и подъ именемъ этихъ "властей" разумѣетъ не членовъ какого-либо племени, а жителей городовъ и волостей. Такимъ образомъ, бытъ племенной постепенно переходитъ въ бытъ волостной. Это не подлежитъ сомнѣнію;

но нужно рѣшить, изъ какихъ же мелкихъ союзовъ состояли сперва племена, а затѣмъ волости? Какая связь скрѣпляла людей: родовая или сосѣдственная, территоріальная? Дерпскій проф. Эверсъ въ 1826 году издалъ книгу, *Das älteste Recht der Russen*, въ которой впервые попробовалъ дать научный отвѣтъ на эти вопросы (его книга переведена и по русски). Во первыхъ, онъ отмѣчаетъ у славянъ фактъ общаго владѣнія при отсутствіи личной собственности; во 2-хъ, въ лѣтописи постоянно упоминается о родѣ: "живяху родомъ", возста "родъ на родъ", Святославъ "имаше за убіенные глаголя: яко родъ его возметъ"; и въ 3-хъ, Русская Правда умалчиваетъ о личной поземельной собственности. На основаніи этихъ данныхъ и создается теорія, по которой славяне на первыхъ ступеняхъ жизни жили родомъ, составленнымъ по образцу римскаго, т.е.жили обществами, построенными на родовыхъ началахъ; во главѣ рода стояла власть родовладыки - авторитетъ патріархальный. Со смертью родового патріарха, родовая собственность не дѣлилась и движимое и недвижимое имущество все находилось во владѣніи рода. Родовой бытъ дѣйствительно исключалъ возможность личнаго владѣнія. Теорія Эверса была принята нашей школой "родового быта". Соловьевъ и Кавелинъ развили ее и перенесли въ сферу политической исторіи.

Но когда родовая теорія легла въ основаніе всей нашей исторіи, она встрѣтила безпощаднаго критика въ лицѣ извѣстнаго славянофила К.С.Аксакова, выступившаго со статьей "О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ

особенности" и историковъ-юристовъ Бѣляева и Лешкова. Они утверждаютъ, что слово "родъ" въ лѣтописи употребляется не какъ римское *gens*, что оно имѣетъ нѣсколько значеній, такъ какъ иногда подъ нимъ подразумѣвается семья |въ сказаніи о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ|, иногда родъ |въ призваніи князей|; стало быть, народъ, а съ нимъ и лѣтописецъ, подъ этимъ словомъ понимали различныя вещи. Общее же владѣніе и отсутствіе личнаго землевладѣнія могутъ доказывать не родовыя формы быта, а общинную организацію. Подъ ударами критики родовое ученіе потеряло свою непреложность, стали говорить, что родовой бытъ существовалъ лишь во времена глубокой древности, быть можетъ, доисторическія, а затѣмъ замѣнился общиннымъ. Ученіе объ общинѣ было развито Аксаковымъ и Бѣляевымъ. По ихъ мнѣнію, славяне жили общиной, не на основаніи физіологическихъ, кровныхъ началъ, а на основаніи общаго сожительства на однихъ и тѣхъ мѣстахъ и единства хозяйственныхъ, матеріальныхъ интересовъ. Общины управлялись властью избранныхъ старшинъ, такъ называемымъ в ѣ ч е м ъ. Мелкія общины или в е р в и сливались въ в о л о с т и, которыя были общинами уже политическими. Въ первоначальныхъ разсужденіяхъ объ общинѣ было много неопредѣленнаго. Гораздо удачнѣе, конкретнѣе поставилъ вопросъ о первоначальномъ бытѣ славянъ проф. Одесскаго |нынѣ Варшавскаго| университета Л е о н т о в и ч ъ |его поддержалъ Б е с т у ж е в ъ - Р ю м и н ъ |. Взгляды Леонтовича извѣстны подъ названіемъ теоріи з а д р у ж н о - о б щ и н н а г о б ы т а. По этой теоріи родственныя сла-

вянскія семьи не принимали строгой родовой организаціи, но жили, не забывая своего физическаго родства, уже на началахъ территоріальныхъ, сосѣдственныхъ. Образцомъ подобнаго рода общинъ была Сербская задруга. Въ трудахъ позднѣйшихъ этнографовъ |Ефименко и др.| указано было на с у щ е с т в о в а н і е с в о е о б р а з н ы х ъ о б щ и н ъ а р х а и ч е с к а г о с к л а д а и у р у с с к и х ъ л ю д с й въ историческое уже время. Эти труды окончательно позволяютъ утверждать, что у славянъ въ первой стадіи исторической жизни существовалъ своеобразный общинный, а не кровный бытъ.

Если же славяне не знали исключительности кровнаго быта и слагались въ общины по интересамъ хозяйственнымъ, то очень легко объяснить себѣ, какъ и почему такъ скоро распался племенной бытъ и замѣнился волостнымъ. Города становились центрами для извѣстной области |"волости"|, которая жила общимъ хозяйственнымъ интересомъ и смотрѣла на городъ, какъ на свое средоточіе. Такъ Новгородъ притянулъ къ себѣ часть Кривичей, Кіевъ - не только полянъ, но и древлянъ, Черниговъ - сѣверянъ и вятичей. Такимъ образомъ, границы города и его волости не совпадали съ границами племенъ. Племенной бытъ сталъ разлагаться, яснѣе становилось городское устройство, при которомъ города, имѣя свое в ѣ ч е, посредствомъ его управляли и волостями. Однако, рядомъ съ вѣчемъ независимо отъ призванія варяжскихъ князей въ различныхъ мѣстностяхъ Руси мы видимъ существованіе княжеской власти. Въ Полоцкѣ былъ свой князь, у древлянъ были князья, о ко-

торыхъ лѣтописецъ говоритъ, что они "добрѣ суть", Аскольдъ и Диръ были никѣмъ инымъ, какъ такими мѣстными князьями, неизвѣстно откуда пришедшими. Олегъ уничтожилъ ихъ, но онъ же требовалъ съ грековъ дани не только на дружину свою, но и на города: "по тѣмъ бо городамъ сѣдяху в е л и ц і и к н я з и, подъ Олгомъ суще".

Трудно объяснить власть и происхожденіе этихъ князей, изъ которыхъ одни носятъ характеръ городскихъ охранителей, другіе - племенныхъ вождей. Несомнѣнно одно, что русскіе славяне на первыхъ порахъ составили рядъ мелкихъ политическихъ міровъ и управлялись двумя властями: властью городскихъ в ѣ ч е й и властью городскихъ и племенныхъ к н я з е й. На рубежѣ IX и X вѣковъ эти мелкіе міры были соединены въ одно политическое цѣлое силами и способностями новгородскаго князя Олега.

О б р а з о в а н і е К і е в с к а г о К н я ж е с т в а.

Вопросъ объ образованіи одного княженія приводитъ насъ къ вопросу о варягахъ-руси, которымъ приписывается водвореніе на Руси политическаго единства и порядка.

Кто же были эти варяги-русь, покорившіе сперва Новгородъ а затѣмъ и Кіевъ? Вопросъ этотъ возникъ въ русской исторіографіи уже давно, но изслѣдованія за 150 лѣтъ настолько осложнили его, что и теперь разрѣшать его нужно очень осторожно.

Остановимся прежде всего на двухъ мѣстахъ лѣтописи, мѣстахъ важныхъ, которыя, въ сущности, и породили варяжскій

вопросъ: 1| лѣтописецъ, перечисляя племена, жившія по берегамъ Балтійскаго моря, говоритъ: "По сему же морю Варяжскому |т.е.Балтійскому| сѣдятъ Варязи, а сосѣди ихъ: |Варязи| свеи, урмане, |норвежцы, готѣ, русь, англяне".. Все это скандинавскіе племена и варяги поставлены среди нихъ; о славянахъ же балтійскихъ говорится въ другомъ мѣстѣ. 2| Далѣе, въ разсказѣ лѣтописца о призваніи князей читаемъ: "Идоша за море къ варягамъ-руси, сице бо ся зваху тьи варязи-русь, яко се друзіи зовутся свеи, друзіи же англяне, урмане, другіи готѣ, тако и си". Такимъ образомъ, по словамъ лѣтописи, изъ Варяговъ одни назывались русью, другіе англянами,урманами и т.д.,лѣтописецъ очевидно думаетъ, что варяго-руссы есть норманны. На основаніи этихъ и другихъ показаній лѣтописи стали искать болѣе точныхъ свѣдѣній и увидали, что варяговъ зналъ не только нашъ лѣтописецъ, но и греки. Слово "варягъ" писалось съ юсомъ и стало быть произносилось какъ "варенгъ". Такое слово встрѣчается и у греческихъ писателей и служитъ совершенно опредѣленнымъ понятіемъ.- У грековъ подъ именемъ Βαραγγοι |варанги| разумѣлись наемныя дружины сѣверныхъ людей, пришедшихъ съ острова Туле |въ Британіи| и служившихъ въ Византіи. Съ тѣмъ же значеніемъ сѣверныхъ дружинъ встрѣчается слово Waeringer |варанги|, и у лѣтописца среднихъ вѣковъ; арабскіе писатели также знаютъ варанговъ, какъ норманновъ. Слѣдовательно,"варанги" представляютъ собой нѣчто вполнѣ опредѣленное въ смыслѣ этнографическомъ:- сборную дружину норманнскаго происхожденія. Въ послѣднее время удалось, какъ кажется,

опредѣлить точно и родину варяговъ, т.е страну Варангію. Удалось это, главнымъ образомъ, благодаря одному извѣстію, найденному и напечатанному профессоромъ Васильевскимъ въ его статьѣ: "Совѣты и отвѣты византійскаго боярина XI вѣка." Этотъ византійскій бояринъ, пересказывая извѣстную скандинавскую сагу о Гаральдѣ, прямо называетъ Гаральда сыномъ короля Варангіи, и извѣстно, что Гаральдъ былъ изъ Норвегіи. Такъ отожествляются Норвегія и Варангія, норвежцы и варяги. Этотъ выводъ очень важенъ въ томъ отношеніи, что раньше была тенденція толковать слово варанги, какъ техническое названіе бродячаго наемнаго войска |варягъ, врагъ, хищникъ, бродячій|; на основаніи такого пониманія Соловьевъ нашелъ возможнымъ утверждать, что варяги не представляли отдѣльнаго племени, а только сбродную дружину и не могли имѣть племеннаго вліянія на славянъ.

Итакъ, варяги - норманны. Но этотъ выводъ еще не рѣшаетъ такъ называемаго "варяжскаго вопроса, потому что не говоритъ намъ, кто назывался именемъ р у с ь. Лѣтописецъ отожествилъ варяговъ и русь, теперь же ученые ихъ различаютъ и для этого имѣютъ свои основанія. У иностранныхъ писателей русь не смѣшивается съ варягами и дѣлается извѣстной раньше варяговъ. Древніе арабскіе писатели не разъ говорятъ о народѣ русь и жилище его помѣщаютъ у Чернаго моря, на побережьѣ котораго указываютъ и городъ Р у с і ю. Въ согласіи съ печенѣгами помѣщаютъ русь въ Черноморьѣ и нѣкоторые греческіе писатели |Константинъ Багрянородный и Зонара|. Два греческихъ житія |Стефана Сурожскаго и Георгія Амастрид-

ского|, разработанныя В.Г.Васильевскимъ, удостовѣряютъ присутствіе народа русь на Черномъ морѣ въ началѣ IX вѣка, стало быть, ранѣе призванія варяговъ въ Новгородѣ. Рядъ другихъ извѣстій также свидѣтельствуютъ о томъ,что варяги и русь дѣйствуютъ отдѣльно другъ отъ друга, что они не тожественны. Естественно было бы заключить отсюда, что имя руси принадлежало не варягамъ, а славянамъ и всегда обозначало то же, что оно значило въ XII вѣкѣ, т.е. К і е в с к у ю о б л а с т ь съ ея населеніемъ; есть,однако, извѣстія, по которымъ считать "русь" славянскимъ племеннымъ названіемъ нельзя.

Первое изъ этихъ извѣстій - знаменитыя Бертинскія Лѣтописи, составлявшіяся въ Карловой монархіи. Въ нихъ говорится, что въ 839 году цареградскій императоръ Ѳеофилъ отправилъ пословъ къ Людовику Благочестивому, а съ ними людей: „*Rhos vocari dicebant*", т.е. людей, называвшихъ себя россами и посланныхъ въ Византію ихъ царемъ, называемымъ Хаканомъ „*eos illoaum Chacanis vocabulo*". Людовикъ спросилъ ихъ о цѣли ихъ прихода, они отвѣчали, что желаютъ вернуться къ себѣ на родину черезъ его, Людовика, землю. Людовикъ заподозрѣлъ ихъ въ шпіонствѣ и сталъ разузнавать, кто они и откуда. Оказалось, что они принадлежатъ къ шведскому племени /*eos gentis esse suecum*/. Такимъ образомъ, въ 839 году Россовъ относятъ къ шведскому племени, чему въ то же время какъ будто противорѣчитъ имя ихъ царя -*Chacanus*- Каканъ, вызвавшее много различныхъ толкованій. Подъ этимъ именемъ одни разумѣютъ германское, скандинавское имя "Гаконъ" другіе же прямо пере-

водятъ это Chacanus словомъ "Каганъ" разумѣя здѣсь хазарскаго хана, который назывался титуломъ "каганъ" Во всякомъ случаѣ извѣстіе Бертинскихъ лѣтописей сбиваетъ до сихъ поръ всѣ теоріи. Не лучше и слѣдующее извѣстіе: писатель X-го вѣка Л і у т п р а н д ъ К р е м о н с к і й говоритъ: греки зовутъ Rhos тотъ народъ, который мы зовемъ Nordmanni по мѣсту жительства |a positione loci|" и тутъ же перечисляетъ народы: "печенѣги, хазарвы, руссы, которыхъ мы зовемъ норманнами. Очевидно, авторъ окончательно запутался: вначалѣ онъ говоритъ, что русь - это норманны потому, что они живутъ на сѣверѣ, а вслѣдъ за тѣмъ помѣщаетъ ихъ съ печенѣгами и хазарами на югѣ Россіи.

Такимъ образомъ, опредѣляя варяговъ, какъ скандинавовъ, мы не можемъ опредѣлить руси. По однимъ извѣстіямъ русь - тѣ же скандинавы, по другимъ русь живетъ у Чернаго, а не Балтійскаго моря, въ сосѣдствѣ съ хазарами и печенѣгами. Самый надежный матеріалъ для опредѣленія національности руси - остатки ея языка, очень скуденъ. Но на немъ то главнымъ образомъ держится такъ называемая норманнская школа. Она указываетъ, что собственныя имена князей руси - норманнскія: Рюрикъ |Hrurikr|, Аскольдъ |Осколдъ Höskuldr|, Труворъ |Труваръ, Торвардъ|, Игорь |Ингваръ|, Олегъ, Ольга |Helgi, Helga; у Константина Багрянороднаго наша Ольга называется Έλγα|, Рогволодъ |Рагнвальдъ|, - всѣ эти слова звучатъ по германски. Названія днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго приведены п о - р у с с к и и п о - с л а в я н с к и; имена русскія звучатъ не по-славянски, и объяс-

няются изъ германскихъ корней |Ессупи, Ульворси, Геландри, Ейфаръ, Варуфоросъ, Леанти, Струвунъ|; напротивъ, тѣ имена, которыя Константинъ Багрянородный называетъ славянскими, дѣйствительно славянскія |Островунипрахъ, Неясыть, Вулнипрахъ, Веруцы, Напрези|. Въ послѣдее время нѣкоторые представители Норманнской школы, настаивая на различіи Руси и славянъ, ищутъ руси не на скандинавскомъ сѣверѣ, а въ остаткахъ тѣхъ германскихъ племенъ, которыя жили въ первыя вѣка нашей эры у Чернаго моря; такъ, проф. Будиловичъ находитъ возможнымъ настаивать на готскомъ происхожденіи Руси, а самое слово русь или росъ производитъ отъ названія готскаго племени Hroth |произносится Гросъ|. Цѣнныя изслѣдованія Васильевскаго давно идутъ въ томъ же направленіи, и отъ нихъ можно ожидать большихъ результатовъ.

Въ такомъ состояніи находится нынѣ варяго-русскій вопросъ. |Доступнѣйшее его изложеніе въ трудѣ датскаго ученаго В и л ь х е л ь м а Т о м с о н а, русскій переводъ котораго "Начало русскаго государства" изданъ отдѣльною книгою и въ "Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей" за 1891 годъ, книга I.|. Наиболѣе авторитетныя силы нашей научной среды всѣ держатся воззрѣній той норманнской школы, которая основана еще въ XVIII вѣкѣ Байеромъ и совершенствовалась въ трудахъ позднѣйшихъ ученыхъ |Шлецера, Погодина, Круга, Куника, Васильевскаго|. Рядомъ съ ученіемъ, господствующимъ давно, существовали и другія, изъ которыхъ большую пользу для дѣла принесла такъ называемая с л а в я н с к а я ш к о л а. Представители ея |начиная съ Л о-

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

моносова, продолжая Венелиным и Морошкиным, далѣе Гедеоновым и, наконецъ, Иловайским| пытались доказать, что русь всегда была славянской. Оспаривая всѣ доводы школы норманнской, эта славянская школа заставила не разъ пересматривать вопросъ и привлекать къ дѣлу новые матеріалы. Книга Гедеонова "Варяги и Русь" |два тома. СПБ. 1876 г.| заставила многихъ норманнистовъ отказаться отъ смѣшенія варяговъ и Руси и тѣмъ самымъ сослужила большую службу дѣлу. Что касается до иныхъ точекъ зрѣнія на разбираемый вопросъ, то о нихъ можно упоминуть лишь для полноты обзора: Костомаровъ одно время настаивалъ на литовскомъ происхожденіи руси, Щегловъ - на происхожденіи финнскомъ.

Знать положеніе варяго-русскаго вопроса для насъ важно въ одномъ отношеніи. Даже не рѣшая вопроса, къ какому племени принадлежали первые князья русскіе съ ихъ дружиной, мы должны признать, что частыя свѣдѣнія лѣтописи о варягахъ на руси указываютъ на сожительство славянъ съ людьми чуждыхъ, именно германскихъ племенъ. Каковы же были отношенія между ними и сильно ли было вліяніе варяговъ на жизнь нашихъ предковъ? Вопросъ этотъ не разъ поднимался и въ настоящее время можетъ считаться рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, что варяги прошли безъ воздѣйствія на основныя формы общественнаго

Литографія Богданова, Эртелевъ пер., д. I-12. Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

быта нашихъ предковъ-славянъ. Водвореніе варяжскихъ князей въ Новгородѣ, а затѣмъ въ Кіевѣ не принесло съ собой ощутительнаго чуждаго вліянія на жизнь славянъ, и сами пришельцы - князья и ихъ дружина - подверглись на Руси быстрой славянизаціи.

- - - - - - - -

Итакъ, вопросъ о началѣ государства на Руси, связанный съ вопросомъ о появленіи чуждыхъ князей, вызвалъ рядъ изысканій, не позволяющихъ вполнѣ вѣрить той лѣтописной легендѣ, которая повѣствуетъ о пришествіи въ Новгородъ варяга Рюрика съ родомъ по имени русь. Если, съ другой стороны, въ Новгородѣ и осѣлъ посторонній славянамъ князь, то это былъ одинъ изъ многихъ мѣстныхъ князей, и не съ него слѣдуетъ начинать исторію политической власти, подчинившей себѣ всю землю русскихъ славянъ.

Мы уже видѣли, что племенной бытъ славянъ постепенно переходилъ въ бытъ волостной: городъ дѣлался центромъ для окружающихъ его общинъ, пріобрѣталъ вліяніе и власть надъ ними. Городскія вѣча и ихъ старѣйшины | "старцы градскіе" | были первой политической властью у славянъ и рядомъ съ нею существовала по мѣстамъ |въ городахъ и у племенъ| власть князей, имѣвшихъ значеніе только въ одномъ городѣ, у одного племени. Такъ возникло много маленькихъ политическихъ міровъ, которые въ IX вѣкѣ были частью подчинены чуждой власти: славяне южные платили дань хозарамъ, сѣверные были завоеваны варягами, бравшими съ Новгорода дань. Если вѣрить лѣтописи, Новгородъ раньше свергъ чужую власть и создалъ свою въ лицѣ добровольно принятыхъ князей изъ тѣхъ же варя

говъ. Затѣмъ новгородскіе князья освободили отъ хозаръ и южную Русь, объединивъ славянъ подъ своею властью. Такъ создалось у русскихъ славянъ одно государство съ центромъ въ Кіевѣ.

Что образованіе единаго кіевскаго княженія произошло именно такъ, доказывается слѣдующей подробностью похода Олега, новгородскаго князя на Кіевъ. Олегъ, отправляясь изъ Новгорода, занимаетъ Смоленскъ и только; но со Смоленскомъ подчинились ему и всѣ кривичи, которые тянули къ этому городу, слѣдовательно, городъ въ данномъ случаѣ увлекъ съ собой и часть племени. Завоевавъ затѣмъ Кіевъ, Олегъ этимъ самымъ подчинилъ себѣ часть полянъ и древлянъ. Очевидно отсюда, что племенной бытъ измѣняется въ бытъ городской раньше,чѣмъ въ Кіевѣ появились князья. Изучая этотъ городской бытъ,бывшій первой стадіей политической жизни нашихъ предковъ, мы подмѣчаемъ въ немъ признаки опредѣленной власти: мы видимъ въ городахъ какихъ то старѣйшинъ. Это, какъ называетъ лѣтопись, "с т а р ц ы г р а д с к і е", происхожденіе и власть которыхъ до сихъ поръ толкуются различно: до сихъ поръ еще не выяснено, представляютъ ли они выборную власть, созданную общиной,или же вообще людей высшаго общественнаго класса. Школа родового быта этихъ страцевъ градскихъ понимала какъ родовладыкъ, въ силу своего физическаго старѣйшинства пользовавшихся властью. Нѣкоторые историко-юристы въ старцахъ видѣли земскихъ бояръ, т.е. городскую знать, высокое положеніе которой основывалось на ея крупномъ землевладѣніи |Владимирскій-Будановъ|. Профессоръ Ключевскій этихъ старцевъ понималъ, какъ крупнѣйшихъ представителей торгово-

промышленнаго класса, державшихъ въ своихъ рукахъ главный капиталъ страны, это такъ называемая торговая аристократія. Какъ ни понимать происхожденіе этихъ старцевъ, ясно одно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ высшимъ классомъ докняжескаго общества.

Рядомъ со старшинами въ городахъ древней Руси стоитъ вѣче, т.е. собраніе полноправныхъ гражданъ города, домохозяевъ, главъ семьи |невыдѣленные сыновья на вѣче ходить, кажется, не могли|. Желая пояснить функціи вѣчевыхъ собраній, лѣтописецъ говоритъ, что горожане "сходятся на вѣче, какъ на думу, и на чемъ порѣшатъ старшіе города, на томъ станутъ и пригороды". Это подтверждаетъ отчасти мнѣніе, что вѣче имѣло не только хозяйственно-экономическое значеніе для своего города, но и политическое для всей волости. Иногда политическія функціи вѣче раздѣляло съ князьями, появлявшимися въ городахъ. Такими мѣстными князьями были Аскольдъ и Диръ въ Кіевѣ, Рогволодъ въ Полоцкѣ, Малъ у древлянъ. Такъ обнаруживается съ большой ясностью первая стадія политическаго быта славянъ, которую застала при своемъ появленіи норманнская династія Рюрика, давшая начало второй стадіи - княженію Кіевскому.

Происхожденіе этой династіи въ общихъ чертахъ таково. Въ VIII-IX вв. весь сѣверъ Европы дѣлается жертвой норманскихъ военныхъ шаекъ, которые подъ предводительствомъ "витязей" и "князей" нападали на туземцевъ и организовывали свои государства. Нападая на берега Западной Европы, они появляются на великомъ водномъ "пути изъ Варягъ въ Греки" и осѣдаютъ въ сѣверныхъ славянскихъ городахъ. Эти князья и

витязи представляютъ изъ себя на первыхъ порахъ вооруженныхъ искателей приключеній, охраняющихъ за извѣстную плату города и волостныя границы. |Такой характеръ ихъ дѣятельности былъ замѣченъ давно, еще Шлецеромъ|. Одинъ изъ этихъ князей, наиболѣе сильный, не ограничился владѣніемъ одной своей волости, а сталъ покорять себѣ другія и, мало по малу, соединилъ подъ своею властью всѣ восточныя славянскія племена. Такъ постепенно составилось Кіевское княжество, не изъ одного города, но изъ всѣхъ городовъ, лежащихъ по Днѣпру. Такова была вторая форма политической жизни древней Россіи.

Посмотримъ, что разсказываетъ объ этомъ лѣтописецъ. Онъ передаетъ намъ, что первоначально славяне были въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ и вотъ, наскучивъ этими внутренними раздорами и неурядицами, они отправили къ Варягамъ |варяжскому племени русь| пословъ съ знаменитой фразой: "Земля наша велика и обильна, а наряду въ ней нѣтъ; да поидѣте княжити и володѣть нами." И пришли три брата "съ родѣ своими, пояша по сесѣ всю Русь", т.е. три брата со всѣмъ племенемъ русь переселились къ славянамъ. Старшій изъ нихъ Рюрикъ срубилъ себѣ Ладогу и т.д. |Разбирая эту легенду, историки напали на чрезвычайно схожее съ нею сказаніе англійскаго лѣтописца - В и д у к и н д а, что бритты отправили къ англо-саксамъ своихъ пословъ почти съ тѣми же словами: „terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam". Вотъ почему сложился взглядъ, понимающій это преданіе, какъ эпическій, а не историческій разсказъ.

Когда умеръ Рюрикъ, власть перешла въ руки чрезвычайно

энергичнаго и талантливаго князя - Олега. Олегъ не долго пробылъ на сѣверѣ, онъ спустился по великому водному пути, покорилъ всѣ племена, на немъ жившія, и успѣлъ счастливо, безъ особенныхъ усилій, завладѣть Кіевомъ, а владѣніе Кіевомъ было чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что кіевскій князь держалъ въ своихъ рукахъ главный узелъ торговыхъ сношеній съ греками.

Такъ образовалось Кіевское княжество, объединившее политически большую часть племенъ русскихъ славянъ.

Замѣчаніе о первыхъ временахъ Кіевскаго княжества.

Обратимся къ изученію исторіи Кіевскаго княжества.

Образованіе государствъ можетъ совершаться различно. Можетъ быть такъ, что извѣстное общество складывается естественно: подъ вліяніемъ мирной дѣятельности хозяйственныхъ заимокъ постепенно обозначаются тѣ или другія границы занятой племенемъ территоріи; слагаются опредѣленныя общественныя связи и затѣмъ въ обществѣ выдѣляется правящій классъ, господствующій обыкновенно въ силу знатности происхожденія или своего экономическаго преобладанія. Всеобщая исторія показываетъ намъ такимъ образомъ развившееся кельтическое общество, въ которомъ создался рядъ вполнѣ опредѣленныхъ отношеній экономическаго характера, и въ силу этихъ отношеній во главѣ общества, какъ его вожаки, стали лица, имѣющіе большее количество земли и рабочаго скота. Таковъ былъ ростъ общества, совершавшійся въ силу кровныхъ и экономическихъ связей. Но бываетъ и иначе. Извѣстное общество уже

сложилось, въ немъ образовалась или образуется политическая власть, но вдругъ является непріятель, ухватываетъ въ свои руки путемъ открытаго насилія политическое преобладаніе и власть, а вмѣстѣ съ этимъ перерабатываетъ и всѣ прежнія общественныя отношенія. Такъ было въ Западной римской имперіи, когда въ нее вторглись германцы, заняли первое мѣсто въ старомъ обществѣ и захватили себѣ земли. Экономическій порядокъ, который существовалъ здѣсь раньше, перестроился къ выгодамъ господствующаго политическаго класса.

Который же изъ этихъ порядковъ имѣлъ мѣсто въ Кіевѣ? Мы видимъ, что племенной бытъ славянъ естественно измѣнялся въ волостной и въ этомъ, уже сложившемся организмѣ общественной жизни, возникла власть варяжскихъ князей. Чрезвычайно важно опредѣлить, отразилось ли вліяніе этихъ князей съ ихъ дружинами на общественныхъ отношеніяхъ славянъ или нѣтъ? Судя по историческимъ даннымъ, мы скорѣе можемъ сказать - нѣтъ. Вліяніе варяговъ было крайне ничтожно; они не нарушали общаго порядка прежней общественной жизни. Въ такомъ случаѣ невольно возникаетъ вопросъ: какую же роль играли князья, въ чемъ заключалась ихъ дѣятельность и какова была ихъ власть. Власть ихъ была настолько неопредѣленно и своеобразна, что ее чрезвычайно трудно уложить въ готовыя формулы. Вообще говоря, теорія государственнаго права различаетъ три главныя вида политической власти. Первый выростаетъ на основаніи кровныхъ связей слѣдующимъ путемъ: постепенно развивается аристократическій |господствующій| родъ и его родовладыка признается родовладыкой и вмѣстѣ политической властью всего племени. Такой власти присвоено

названіе власти п а т р і а р х а л ь н о й, она является у народовъ кочевыхъ и полукочевыхъ.2) Второй видъ есть такъ называемая в о т ч и н н а я или п а т р и м о н і а л ь н а я власть: извѣстное лицо считаетъ своею собственностью всю территорію племени, а въ силу этого и людей, живущихъ на территоріи, признаетъ подвластными себѣ. Такой типъ власти наблюдается у насъ въ удѣльный періодъ XIII,XIУ,XУ вв. въ очень чистой формѣ.3) Третій видъ власти зиждется уже не на кровныхъ родовыхъ началахъ и не на территоріальной основѣ, а на основаніи болѣе сложномъ. Современная намъ политическая власть возникаетъ на почвѣ національнаго самосознанія, когда племя, сознавая свое единство племенное и вѣроисповѣдное, сознаетъ и свое историческое прошлое, обращается въ націю съ національнымъ самосознаніемъ. И такой моментъ былъ въ исторіи Руси впервые въ XУI вѣкѣ. Что же касается до власти варяжскихъ князей, то она, въ сущности, не подходитъ ни къ одному изъ указанныхъ типовъ: I| варяжскіе князья не могли у насъ господствовать въ силу кровнаго начала, 2| они не считали землю своею собственностью и 3| самое понятіе земли русской впервые слагается на глазахъ исторіи въ устахъ прежде всего князя Святослава, который говорилъ своимъ воинамъ: "не посрамимъ земли русской". Кіевскіе князья представляютъ собой въ сущности защитниковъ страны, которые за извѣстную плату охраняютъ общество отъ непріятеля. Читая скудныя свидѣтельства лѣтописи, мы видимъ, что главная дѣятельность князей заключалась въ томъ, что I| они устанавливаютъ внѣшній порядокъ въ странѣ, 2| "рубятъ" города, сажаютъ въ нихъ своихъ намѣстниковъ и 3| собираютъ съ населенія

дань. Послѣднее дѣлалось такимъ образомъ: или покоренныя племена сами везли дань въ Кіевъ на княжескій дворъ,- это такъ называемый "повозъ"; или же князь самъ съ дружиной отправлялся за ней,- это такъ называемое "полюдье". Константинъ Багрянородный сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности: въ ноябрѣ мѣсяцѣ, какъ только устанавливался зимній путь, Кіевскіе князья отправлялись на полюдье по всѣмъ своимъ волостямъ; собирали они дань большей частью натурой, тутъ же чиня судъ и расправу. Въ этомъ блужданіи проходила цѣлая зима и лишь въ апрѣлѣ, когда вскроется Днѣпръ, князья возвращались въ Кіевъ, а за ними везли дань, которую тотчасъ же перегружали на ладьи, а затѣмъ отправляли въ Константинополь для продажи. Во время такихъ путешествій князья основывали города на окраинахъ земли или устраивали опредѣленные административные центры. О томъ, какъ Ольга собирала дань, лѣтописецъ говоритъ: "въ лѣто 6455 иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ погосты и дани". Игорь, какъ намъ извѣстно, погибъ во время сборовъ дани. Князья управляли совершенно примитивными средствами, земли дробились на волости и въ каждой волости сидѣлъ намѣстникъ - "княжій мужъ", власть котораго была приблизительно такая же, какъ власть князя: они тоже собирали дань и иногда даже успѣшнѣе князей, по крайней мѣрѣ дружина Игорева говоритъ: "отроци |т.е дружина| Свѣнелъжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы наги" |Свѣнелъдъ - одинъ изъ дружинниковъ Игоря|.

Вотъ первая функція кіевскихъ князей; въ этомъ періодѣ дѣятельность князей опредѣляется улучшеніемъ городской администраціи, судомъ и собираніемъ дани. Кромѣ того князья

обязаны были охранять границы своей земли и торговые пути. Въ то время, какъ нарождалось Кіевское княжество, внѣшніе враги съ востока не могли тревожить Руси. Племена хозаръ выдерживали свою послѣднюю предсмертную борьбу съ печенѣгами и уграми и закрывали отъ нихъ Русь. Но печенѣги мало-по-малу сломили силу хозаръ, а затѣмъ пробрались и въ южныя степи, въ Поднѣпровье. Противъ нихъ кіевскіе князья и принимали рядъ мѣръ: прежде всего граница Руси со стороны южной степи была правильно укрѣплена. Одинъ изъ западныхъ миссіонеровъ, монахъ Бруно, бывшій въ Кіевѣ въ 1007 году, даетъ ея описаніе: она представляется крѣпкимъ частоколомъ съ воротами. Русскій князь [Владимиръ] самъ проводилъ этого миссіонера до воротъ и сказалъ ему, что тутъ кончается его земля. Третья и, нужно замѣтить, очень сложная задача князей заключалась въ покровительствѣ торговлѣ. Русь въ VIII-IX вв. торговала съ Востокомъ, преимущественно съ арабами, но когда появляются печенѣги, эти сношенія прекращаются, и у Руси остается одинъ торговый путь - съ Византіей черезъ Днѣпровскіе пороги и Чернымъ моремъ до Босфора. Но путь этотъ былъ крайне опасенъ: печенѣги, сидѣвшіе въ низовьяхъ Днѣпра, грабили русскіе караваны, вотъ противъ нихъ то и направлялись силы князей. Обыкновенно съ княжескими караванами шли и частные, ихъ сопровождала дружина, которая въ опасныхъ мѣстахъ высаживалась и прогоняла печенѣговъ, сторожившихъ богатую добычу; затѣмъ караваны благополучно достигали Византіи. Провожать караваны изъ Кіева въ Византію и обратно было прямой обязанностью князя. Изъ договоровъ кіевскихъ князей съ греками, дошедшихъ до насъ,

мы можемъ заключить, вопервыхъ, что торговыя отношенія русскихъ и Византіи были уже весьма развиты и хорошо регламентированы и, вовторыхъ, что отношеній къ Византіи были не всегда мирныя: до XII вѣка мы насчитываемъ походовъ 6,7: Аскольда и Дира, Олега и послѣдующихъ князей; походы эти заканчивались мирными договорами, всѣ эти договоры носятъ торговый характеръ. |Во время подобныхъ походовъ греки знакомились съ русскими людьми и, нужно замѣтить, строго отличали славянъ отъ руси|.

В о т ъ в с е, ч т о м ы м о ж е м ъ сказать несомнѣннаго о характерѣ, дѣятельности и власти первыхъ русскихъ князей. Историческое значеніе ихъ дѣятельности не трудно уловить. Будучи первой общей властью среди многихъ разрозненныхъ раньше міровъ, варяжскіе князья съ ихъ дружинами были первыми представителями п л е м е н н о г о е д и н с т в а. Передвигаясь съ мѣста на мѣсто по русской землѣ, соединяя племена и города въ общихъ военныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, князья создавали этимъ почву для національнаго объединенія и національнаго самосознанія. Сплотивъ государство внѣшнимъ образомъ, они создавали и возможность внутренняго сплоченія.

Другимъ и болѣе могучимъ факторомъ объединенія послужило христіанство. Первыми представителями его у славянъ были, кажется, тѣ же варяги; они очень легко забывали свои божества подъ вліяніемъ и христіанства и славянскихъ языческихъ представленій. Въ X вѣкѣ, среди русскихъ славянъ и до Владимира Св. христіанство было уже замѣтно распространено; крестилась княгиня Ольга, среди Игоревой дружины бы-

ло много христіанъ, какъ это видно изъ договора съ греками, еще до формальнаго крещенія Руси въ Кіевѣ уже есть соборная церковь Св. Ильи. Христіанство проникло къ славянамъ одновременно съ варягами, но окончательно восторжествовало при Владимирѣ. Разсказъ лѣтописи о крещеніе Руси передаетъ дѣло такимъ образомъ: къ великому князю Владимиру, узнавъ, что онъ хочетъ мѣнять свою вѣру, приходили послы отъ разныхъ народовъ, нѣмцевъ, хозарскихъ евреевъ, болгаръ, и каждый хвалилъ свою вѣру, но ни одна изъ нихъ не понравилась Владимиру. Наконецъ, пришли греки и, изложивъ исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, показали ему картину страшнаго суда. Подъ вліяніемъ этой картины Владимиръ, посовѣтовавшись съ дружиной и старцами градскими, отправляетъ пословъ въ тѣ государства, откуда приходили къ нему проповѣдники. Послы, вернувшись, восхваляли греческую вѣру; они говорили, что "всякъ бо человѣкъ, аще искуситъ сладка, послѣди горести не пріиметъ", такъ и они, видѣвши греческое богослуженіе, не хотятъ опять вернуться къ язычеству. Послѣ этого Владиміръ пошелъ съ войскомъ на Корсунь, осадилъ городъ и тамъ принялъ христіанство, женившись на греческой царевнѣ Аннѣ. Есть данныя, что разсказъ этотъ былъ составленъ въ началѣ XII вѣка, въ эпоху существованія Іерусалимскаго королевства. Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ, какъ оно слагалось въ умахъ русскаго народа черезъ столѣтіе послѣ факта крещенія Руси. Любопытно то явленіе, что объ этомъ фактѣ крещенія сказанія иностранцевъ не даютъ намъ ничего точнаго; крещеніе Руси прошло незамѣченнымъ даже въ Византіи; а любопытнѣйшія показанія араба Бенъ-Яхъи о походахъ Влади-

мира и крещеніи еще недостаточно разобраны и истолкованы.

Достовѣрно однако то, что христіанство въ концѣ X вѣка становится на Руси господствующей религіей и оказываетъ громадное вліяніе на общество, даже на такія стороны его жизни, которыя повидимому имѣютъ мало общаго съ религіознымъ воззрѣніемъ народа.

Для того, чтобы уяснить себѣ, до какой степени отразилось уничтоженіе язычества на всей внутренней жизни нашихъ предковъ, нужно бросить общій взглядъ на культурное состояніе тогдашняго Кіевскаго княжества. Кіевское княжество не представляло собой одной сплотившейся національности съ однообразнымъ уровнемъ культуры. Напротивъ того, бытъ населенія былъ крайне разнообразенъ: въ то время, какъ племена древлянъ и вятичей пребываютъ въ примитивной формѣ племенного"звѣринскаго" быта, племена, селящіяся по Днѣпру |къ низовью| потеряли племенную, кровную связь и пріобрѣли связь экономическую, основанную на единствѣ матеріальныхъ интересовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали и замѣтные культурные успѣхи и общественный строй не принималъ однообразныхъ, опредѣленныхъ формъ.

О первоначальномъ составѣ кіевскаго общества мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Судя по лѣтописи и другимъ историческимъ памятникамъ, около князей стоятъ въ качествѣ сотрудниковъ и совѣтниковъ "княжіи мужи" - это дружина, съ помощью которой князь правилъ страной и собиралъ дань. Дружина представляетъ собой высшій привилегированный классъ общества. Но въ кіевскомъ обществѣ есть и еще привилегированныя лица, стоящія независимо отъ князя, это - "старци град-

скіе". Что старцы градскіе представляютъ собой высшій классъ, мы уже видѣли, но мы видѣли также, что нельзя опредѣлить, на какой почвѣ онъ выросъ. Мы не знаемъ, есть ли это крупные землевладѣльцы или торговые капиталисты, или племенные старшины - родовладыки, или выборныя городскія власти, которыя не въ силу своего имущественнаго преобладанія, а по выбору общинъ занимаютъ свое выдающееся положеніе въ странѣ. Послѣдняя полемика относительно старцевъ градскихъ развилась въ 80-хъ годахъ нашего столѣтія между крупными авторитетами - В.О.Ключевскимъ и М.Ѳ. Владимирскимъ-Будановымъ. Ключевскій полагаетъ, что весь строй кіевской Руси обусловливался торговлей, которую русскіе вели сперва съ Востокомъ, потомъ съ Византіей, и что градскіе старцы представляли собой людей, черезъ руки которыхъ проходятъ всѣ торговые обороты, иначе говоря, крупнѣйшихъ капиталистовъ страны. Владимирскій-Будановъ смотритъ на старцевъ, какъ на богатыхъ землевладѣльцевъ, которые именно потому и богаче другихъ, что на ихъ землѣ кормится масса народа - они представляютъ собой высшее общество. Нельзя съ увѣренностью сказать, какое изъ этихъ двухъ мнѣній правильнѣе; пока несомнѣнно только то, что тѣ старцы, съ которыми совѣтуется Владиміръ, земская аристократія, положеніе которой совершенно не зависитъ отъ князей.

Около князей мы видимъ еще и младшую дружину - отроковъ, гридей. Дружина старшая и младшая представляла собой первый, такъ сказать, привилегированный классъ. Кромѣ того, въ составъ кіевскаго общества входили еще "л ю д и"- а| го-

рожане |люди градскіе| и б| сельчане |смерды|- это свободное сословіе и, наконецъ, третій классъ - рабы |холопи|. Эти общественныя группы: I| высшій классъ, 2|свободныхъ людей, 3|рабовъ, мы находимъ у всѣхъ народовъ арійскаго племени, даже во времена глубокой древности, слѣдовательно,судя по своей простой группировкѣ, Кіевское общество стоитъ не на высокой степени развитія.

Также мало развита была и ихъ религія. Религія славянъ въ общихъ чертахъ была такова: славяне имѣли двѣ категоріи божествъ, - первыя олицетворяли собой природу, вторыя - душу предковъ. У славянъ они несомнѣнно существовали одновременно. Имена общеизвѣстныхъ Хорса, Даждь-бога, Стрибога встрѣчаются въ преданіяхъ Руси даже до XII вѣка. Авторъ "Слова о полку Игоревѣ" еще вѣритъ "великому Хръсови", вѣтры зоветъ "Стрибожи внуци", и людей - Даждь-божими внуками". Гораздо менѣе извѣстны боги другой категоріи - покровители родовыхъ союзовъ - Родъ, Рожаница, Домовой, Шуръ. Внѣшній культъ выражался въ жертвоприношеніяхъ, для которыхъ не было, кажется, опредѣленныхъ мѣстъ, и приносилъ жертвы кто хотѣлъ, вѣроятнѣе всего, родовладыки за свой родъ. Жрецовъ, какъ сословія, не было, и это первый признакъ недостаточно развитого религіознаго культа. Перечитывая страницы лѣтописи, мы встрѣчаемъ постоянныя указанія на эту неразвитость, напр.лишь въ X вѣкѣ Владимиръ ставитъ идоловъ въ Кіевѣ, а до того лѣтопись молчитъ о нихъ, слѣдовательно, внѣшнюю форму религія славянъ стала принимать на памяти исторіи.

При такой неоформенности общественнаго быта и невырабо -

танности религіознаго сознанія христіанству легко было вліять на умы молодого племени. Ученіе Христа встрѣчалось на Руси съ нетвердымъ языческимъ міросозерцаніемъ, а православная іерархія столкнулась съ общественнымъ порядкомъ, еще мало устойчивымъ. Если мы примемъ во вниманіе, что русская среда еще и до Владимира была знакома съ христіанствомъ въ Византіи и у себя дома;если мы будемъ помнить, что христіанское вѣроученіе принесено было на Русь на языкѣ славянскомъ, то мы объяснимъ себѣ фактъ быстрыхъ успѣховъ новой вѣры въ Кіевской Руси и поймемъ, почему эта вѣра глубоко повліяла на бытъ нашихъ предковъ. Это вліяніе не ограничилось тѣмъ, что раскрыло языческому міру блага христіанской морали и, установивъ церковь, дало нашимъ предкамъ возможность достигать духовнаго совершенствованія въ церковномъ обществѣ - новая религія вліяла и на гражданскій бытъ славянъ, на ихъ государственныя представленія:она создала возможность высокой культуры, она была могучимъ средствомъ для побужденія національнаго сознанія.

Нравственное вліяніе христіанской церкви, проводниками котораго были, какъ іерархія со своею проповѣдью и дѣятельностью, такъ и первые подвижники, сплоченные въ монашескія общины, касалось не только отдѣльныхъ лицъ и индивидуальной нравственности, но и всего общества и общаго міровоззрѣнія. Съ первыхъ же своихъ шаговъ на Руси христіанство столкнулось съ крупными общественными явленіями такихъ свойствъ, которыхъ оно не могло терпѣть въ силу своего нравственнаго ученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, борьба съ этими явленіями была трудна уже потому, что касалась существеннѣйшихъ сторонъ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

языческаго быта. Таково было, напримѣръ, рабство, развитое въ древней, до-христіанской Руси и количественно и качественно. Древне-русскій рабъ соотвѣтствовалъ рабу древне-римскому, который опредѣлялся какъ *res* |вещь| и *instrumentum vocale* |говорящее орудіе|. Истребить сразу рабство было невозможно, а мириться съ нимъ при его грубыхъ и тяжелыхъ формахъ церковь не могла. Представители церкви на Руси высказывались противъ рабства, а между тѣмъ новые христіане изъ усердія къ церкви приносили ей въ даръ цѣлыя села съ рабами. Отказаться отъ дара церковь не могла, но могла она также сдѣлаться рабовладѣлицей, вотъ почему на церковныхъ земляхъ положеніе рабовъ очень измѣнялось: они подчинялись инымъ законамъ и получали иныя права. Церковь обращала рабовъ въ вѣчныхъ арендаторовъ земли дома Божія; рабъ становился условнымъ землевладѣльцемъ и изъ рабочаго животнаго превращался въ человѣка, пользующагося нѣкоторой свободой. Эта перемѣна въ положеніи рабовъ на церковной землѣ вела къ перемѣнѣ ихъ и у свѣтскихъ владѣльцевъ. Былъ и еще одинъ разрядъ людей въ Кіевской Руси, которыхъ церковь принимала подъ свое покровительство: въ обществѣ въ это время существовалъ обычай по которому человѣкъ, терявшій связь со своимъ прежнимъ, терялъ положеніе и выкидывался изъ своего общественнаго союза. Это и з г о й. Слово это, происходящее отъ глагола жить - г о и т и, въ буквальномъ смыслѣ означаетъ "и з ж и т о й", поставленный внѣ житей-

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

скихъ условій человѣкъ. Въ одномъ древнемъ законодательномъ памятникѣ дается такое опредѣленіе изгоямъ: "Изгои трои:- поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се четвертое изгойство о себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ". По древнему обычаю всѣ эти люди перестаютъ быть тѣмъ, чѣмъ были прежде, теряютъ права прежняго состоянія и ставятся какъ бы внѣ защиты закона. Но не такъ думала церковь, передъ ней всѣ были равны, всѣ одинаково могли разсчитывать на ея покровительство и поповъ безграмотный сынъ, и выкупившійся холопъ, и задолжавшій купецъ, и осиротѣвшій князь, всѣ становились подъ ея защиту, въ рядъ съ "людьми церковными". Вотъ доказательство того, сколько новаго, чисто реальнаго внесла въ русскую жизнь церковь.

Но она не ограничилась этимъ случайнымъ вліяніемъ на общественный бытъ. Въ Византіи и на Руси она имѣла право суда въ семейныхъ и другихъ дѣлахъ. Сфера ея права и законы, были изложены въ законодательномъ сборникѣ, называвшемся "Номоканонъ". Болгары, принявшіе христіанство раньше русскихъ, перевели его на свой языкъ; отсюда Номоканонъ перешелъ на Русь въ нѣсколькихъ редакціяхъ |подъ названіемъ "Кормчей книги"|, въ которыхъ излагался рядъ законодательныхъ постановленій, не только церковно-административнаго, но и судебнаго характера. "Кормчая" стала такимъ образомъ на Руси новымъ закономъ, съ которымъ въ русскую жизнь вторгаются новые элементы - церковный канонъ и римское право. Но при этомъ церковь принимала во вниманіе русскіе нравы и обычаи, такъ какъ дѣятель-

ность свою она развивала въ странѣ русской. Руководясь въ дѣлѣ суда и управленія своего русскимъ нравомъ, церковная іерархія обработывала его и вліяла на его измѣненіе, какъ объ этомъ дошли до нахъ свидѣтельства еще отъ времени Владимира Святого. Вотъ цѣлый рядъ тѣхъ юридическихъ послѣдствій, которыя влекло за собой для Руси принятіе христіанства.

Но этими явленіями въ сферѣ общественной не ограничилось вліяніе новой церкви на Руси. И политическій порядокъ, существовавшій на Руси, не оставленъ былъ безъ вниманія со стороны церковной среды, принесшей съ собой на Русь византійскія понятія о государствѣ. Церковное подчиненіе Кіевскаго митрополита Константинопольскому патріарху было фактомъ общепризнаннымъ, а въ связи съ этимъ церковнымъ подчиненіемъ брошена была на русскую почву и идея о свѣтскомъ подчиненіи русскихъ Византіи. Правда, тѣ немногіе факты, которые свидѣтельствуютъ о существованіи какихъ то обязательныхъ отношеній между кіевскими князьями и византійскимъ императоромъ, не даютъ еще права говорить о правильной политической зависимости Руси отъ Константинополя, нѣтъ однако сомнѣнія, что въ идеѣ византійскій императоръ представлялся русскимъ людямъ, какъ верховный повелитель всего православнаго міра. Въ Кіевскую эпоху эта мысль о политическомъ единствѣ не получила никакого практическаго примѣненія, но въ эпоху, болѣе позднюю, мы встрѣтимся съ фактомъ ея господства надъ умами. Большимъ, сравнительно, значеніемъ пользовалась другая идея, взятая русскими книжниками изъ Византіи; это - идея о божественномъ

происхожденіи власти. Князья, съ точки зрѣнія этой идеи, были людьми, независимыми въ своей власти отъ народныхъ массъ, а при такомъ взглядѣ на дѣло, власть князей должна была считаться болѣе высокой и полномочной. Новая идея направлялась такимъ образомъ въ пользу князей, усиливала ихъ авторитетъ, требуя отъ нихъ въ то же время о болѣе серьезнаго отношенія къ власти: князь, какъ слуга Божій,не долженъ былъ руководиться иными цѣлями, кромѣ достиженія общаго блага. Указанные примѣры достаточны для того, чтобы видѣть, какого рода политическіе представленія сообщались русскимъ людямъ и насколько они шли въ разрѣзъ съ фактами ихъ государственной жизни.

Мы не можемъ останавливаться на изображеніи культурнаго вліянія христіанства. Изученіе древнѣйшей русской письменности въ курсѣ исторіи литературы вскроетъ передъ вами тотъ фактъ, что только съ принятіемъ христіанства для русскаго общества открылась возможность усвоенія славянской письменности, созданной трудами Кирилла и Меѳодія. Только съ конца X вѣка началось книжное просвѣщеніе въ Кіевѣ и Новгородѣ и скоро дало блестящіе плоды. Скорые успѣхи достигнуты были и русскимъ искусствомъ, которое зародилось, какъ слуга религіи, подъ вліяніемъ Византіи. Намъ очень важно отмѣтить одну сторону культурнаго вліянія новой религіи на народный бытъ. Новая церковная организація, давшая одну іерархію всей странѣ, была могучимъ средствомъ для в н у т р е н н я г о н а р о д н а г о о б ъ е д и н е н і я, рядомъ съ политическимъ единствомъ, существовавшимъ ранѣе. Церковь и созданное ею просвѣщеніе, пожалуй,

еще больше, чѣмъ князья и созданная ими организація, подѣйствовала на народное самосознаніе. Въ XI вѣкѣ мы можемъ уже назвать Кіевское княжество п о л и т и ч е с к о й ф о р м о й е д и н о й н а р о д н о с т и.

К і е в с к а я Р у с ь в ъ XI-XII вв.

Принятіе христіанства съ его многообразными послѣдствіями представляетъ собой въ исторіи Кіевской Руси тотъ рубежъ, который отдѣляетъ древнѣйшую эпоху отъ такъ называемой эпохи удѣльно-вѣчевой. Изучая періодъ дохристіанскій, мы приходимъ къ тому заключенію, что единодержавія въ то время не было; Русь нѣсколько разъ дробилась на княжества |послѣ Святослава, Владимира Св.|. При жизни князя отца сыновья сидѣли намѣстниками въ главныхъ городахъ и платили отцу дань. По смерти отца земля дробилась на части по числу сыновей, и лишь политическая случайность приводила къ тому, что въ концѣ концовъ возстановлялось единодержавіе. |Братья, враждуя изъ за наслѣдства, обыкновенно истребляли другъ друга|. Познакомимся теперь съ группой тѣхъ политическихъ фактовъ, совершившихся по смерти Ярослава Мудраго, которые дадутъ намъ первыя понятія о порядкѣ государственнаго владѣнія въ XI вѣкѣ |во второй его половинѣ| и въ XII вѣкѣ. Ярославъ, умирая раздѣлилъ землю такимъ образомъ: старшему сыну И з я с л а в у далъ Кіевъ и Новгородъ, т.е. два конца торговаго пути; очевидно, что Изяславъ былъ самый богатый, самый могущественный князь. Второму сыну, Святославу, Ярославъ далъ Черниговъ, третьему, Всеволоду, - Переяславль |недалеко отъ Кіева|, четвертому, Вячеславу, - Смоленскъ;

пятый, Игорь, владѣлъ Владимиромъ Волынскимъ. Но у Ярослава былъ еще внукъ отъ старшаго сына, Владимира Ярославовича, доблестный Ростиславъ, о которомъ сложилось много легендъ, - ему Ярославъ ничего не далъ. Тогда Ростиславъ бросился самъ на Тмутаракань, захватилъ ее и оставилъ за собой. Старшинство Ярославъ далъ старшему сыну. Но Изяславъ не сумѣлъ поддержать свой авторитетъ: онъ возстановилъ противъ себя кіевлянъ, которые его изгнали; возвратясь затѣмъ въ Кіевъ, онъ былъ вторично изгнанъ оттуда братьями и бѣжалъ на Западъ. Кіевскій столъ занялъ Святославъ и княжилъ тамъ до смерти. Затѣмъ Кіевъ опять переходитъ къ Изяславу, а Черниговъ въ это время достается Всеволоду. Послѣ смерти Изяслава кіевскій престолъ занялъ Всеволодъ, а второй городъ - Черниговъ Всеволодъ отдалъ своему старшему сыну Владимиру. Дѣтей Святослава онъ совсѣмъ вычеркнулъ изъ общаго наслѣдія, какъ и з г о е в ъ, которые не имѣли права на великокняжескій престолъ, ибо отецъ ихъ не могъ бы стать великимъ княземъ, если бы соблюдалъ старшинство и не прогналъ съ престола старшаго брата своего, который его пережилъ. Въ 1093 году умеръ Всеволодъ, оставивъ послѣ себя сына Владимира, прозваннаго Мономахомъ по имени своего дѣда со стороны матери. Молодой князь не встрѣтилъ бы препятствій со стороны кіевлянъ, если бы захотѣлъ занять отцовскій великокняжескій престолъ, но, не желая новыхъ усобицъ и соблюдая родовое старшинство, Мономахъ предоставляетъ кіевскій столъ старшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Святополку Изяславовичу, который, какъ старшій въ ро-

дѣ, имѣлъ на великокняжескій столъ всѣ права. Этотъ князь однако не умѣлъ соблюдать спокойствіе въ русской землѣ и потому не пользовался народнымъ расположеніемъ. Во время его княженія Святославичи, признанные и з г о я м и со стороны своихъ дядей Изяслава и Всеволода, стали добиваться политической полноправности и заявили притязаніе на Черниговскій столъ, занятый Мономахомъ. Послѣ долгихъ смутъ Любечскимъ съѣздомъ 1097 года првава Святославичей на Черниговъ были возстановлены и вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ подѣлилъ всѣ русскія волости между князьями на началахъ справедливости. Но справедливость была вскорѣ попрана главнымъ блюстителемъ ея Святополкомъ, который совершилъ извѣстное насиліе надъ Василькомъ. Это насиліе повлекло за собой новыя усобицы, для прекращенія которыхъ былъ назначенъ новый съѣздъ. Въ 1100 году въ городѣ Увѣтичахъ или Вятичевѣ Святополкъ, Мономахъ и Святославичи заключили между собой союзъ для возстановленія мира на Руси.

Когда Вятическимъ съѣздомъ былъ водворенъ порядокъ во внутреннихъ дѣлахъ, тогда стало возможно подумать и о дѣлахъ внѣшнихъ - о борьбѣ съ половцами. Владимиръ и Святополкъ съѣхались на берегу Долобскаго озера | 1103 г.| и рѣшили двинуться общими силами на половцевъ. Эти съѣзды, Любечскій, Вятичевскій и Долобскій показываютъ намъ, что въ важныхъ, опорныхъ вопросахъ князья - внуки Ярослава - прибѣгаютъ къ съѣздамъ, какъ къ высшему учрежденію, имѣющему право безаппеляціоннаго рѣшенія. Событія же, ихъ вызвавшія, свидѣтельствуютъ, что Русь во время княженія Святополка не пользовалась спокойствіемъ и что нарушителемъ

этого спокойствія часто былъ самъ великій князь. Понятно, почему по смерти Святополка |1113 г.| даже лѣтописецъ, всегда готовый хвалить покойнаго князя, хранитъ о немъ полное молчаніе.

Послѣ смерти нелюбимаго князя кіевляне посылаютъ звать на великокняжескій престолъ Владимира Мономаха, но Мономахъ, не желая нарушать разъ признанныхъ правъ Святославичей, отказывается отъ великокняжества. Однако Кіявляне, не любившіе Святославичей, не принаимаютъ отказа Мономаха и отправляютъ къ нему новое посольство съ тѣмъ же предложеніемъ, угрожая бунтомъ въ случаѣ отказа, и тогда Владимиръ вынужденъ былъ согласиться и принять Кіевъ. Такъ воля гражданъ нарушила права старшинства, передавъ ихъ въ руки достойнѣйшему помимо старѣйшаго. Однако, это нарушеніе старшинства, хотя и вынужденное, должно было вызвать новыя усобицы и, если при жизни сильнаго всѣми любимаго Мономаха, Святославичи должны были затаить свою ненависть къ невольному похитителю ихъ правъ, то они передали эту ненависть своимъ дѣтямъ, она то и послужила причиной кровавыхъ усобицъ между потомствомъ Святослава и потомствомъ Всеволода, но эти усобицы произошли значительно позднѣе. Потомки Святослава Черниговскаго не препятствовали тому, чтобы послѣ смерти Мономаха |1125 г.| старшинство принялъ сынъ его Мстиславъ. Да и не легко было оспаривать у него великокняжескій столъ:Святославичи, по тогдашнимъ понятіямъ, потеряли свои права на Кіевъ оттого, что не противились занятію кіевскаго стола Мономахомъ; этимъ понизили свой родъ передъ родомъ Мономаха и утратили не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, вся-

кое право на великокняжескій столъ. Со стороны Черниговскихъ князей также не послѣдовало возобновленія притязаній на Кіевъ и тогда, когда |въ 1132 году| Мстиславъ умеръ и старшинство перешло въ руки его брата Ярополка Владимировича, что вполнѣ согласовалось съ желаніемъ Кіевлянъ, которые не хотѣли никого, кромѣ Мономаховичей. Черниговскіе князья не могли протестовать, ибо они были безсильны, пока миръ господствовалъ въ родѣ Мономаха. Въ княженіе Ярополка однако этотъ миръ былъ нарушенъ. Передъ смертью Мстиславъ обязалъ своего брата и преемника Ярополка отдать Переяславъ его старшему сыну Всеволоду Мстиславичу. Вступивъ на великокняжескій столъ, Ярополкъ поспѣшилъ исполнить предсмертную волю брата, но это вызвало неудовольствіе со стороны младшихъ сыновей Мономаха – Юрія Ростовскаго и Андрея Владимиро-Волынскаго. Узнавъ о перемѣщеніи племянника въ Переяславъ, они сочли это шагомъ къ старшинству помимо ихъ и поспѣшили изгнать Всеволода изъ Переяслава. Тогда Ярополкъ водворилъ туда второго Мстиславича Изяслава, княжившаго въ Полоцкѣ. Но и это распоряженіе не успокоило младшихъ дядей – въ каждомъ племянникѣ, который сидѣлъ въ Переяславѣ, они видѣли наслѣдника старшинства, будущаго князя Кіевскаго. Чтобы успокоить братьевъ Ярополкъ вывелъ и Изяслава изъ Переяслава и послалъ туда брата своего Вячеслава, но тотъ скоро самъ оставилъ эту область, и она была уступлена Юрію Ростовскому.

Враждой между дядями и племянниками, въ потомствѣ Мономаха не замедлили воспользоваться Святославичи и рѣшились предъявить свои права на великое княженіе. Обстоятельства

сложились благопріятно для Святославичей: Ярополкъ Владимировичъ скончался въ 1139 году, и мѣсто его заступилъ братъ его Вячеславъ, человѣкъ безхарактерный и неспособный. Такимъ ничтожествомъ великаго князя воспользовались Святославичи въ лицѣ Всеволода Ольговича; онъ подступилъ къ Кіеву, Вячеславъ не могъ сопротивляться и уѣхалъ въ Туровъ, а Всеволодъ занялъ его мѣсто. Довольно понятно, почему Мономаховичи допустили внука Святослава занять старшій столъ. Линія Мономаха въ это время не имѣла главы, - всѣ старшіе Мономаховичи |Вячеславъ, Юрій, Андрей| были слабые, неэнергичные люди и единственный предпріимчивый человѣкъ, могущій защищать интересы своего рода, былъ старшій сынъ старшаго Мономаховича - Изяславъ Мстиславовичъ Владимиро-Волынскій, но онъ находился въ враждѣ съ старшими членаго рода и потому не вступился за права своего дяди Вячеслава. Этому способствовало еще и то обстоятельство, что старшая сестра Изяслава была замужемъ за княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ, а по понятіямъ того времени старшій зять почитался за отца.

Въ 1144 году Всеволодъ Ольговичъ, въ присутствіи Ольговичей, Давидовичей и одного Мономаховича - Изяслава Мстиславича, объявилъ, что поступокъ Мономаха и его сына Мстислава, которые, не обращая вниманія на родъ Святослава, отдали Кіевъ одинъ - сыну своему, другой - брату, что этотъ поступокъ даетъ ему право передать старшинство своему брату Игорю, помимо Мономаховичей. Со всѣхъ присутствующихъ была потребована клятва въ признаніи Игоря Ольговича на столѣ Кіевскомъ. Такая же клятва была взята и съ Кіевскихъ

гражданъ въ 1146 году, но клятва эта была скоро нарушена. Едва Игорь сѣлъ на престолъ, какъ кіевляне отправили посольство звать на кіевскій столъ Изяслава Мстиславовича. Послѣдній немедленно двинулся къ Кіеву, объявивъ, что терпѣлъ на старшемъ столѣ Всеволода, какъ мужа старшей сестры своей, но что другихъ Ольговичей на Кіевскомъ столѣ не потерпитъ. Кіевляне перешли на его сторону, Игорь былъ взятъ въ плѣнъ и погибъ, а Изяславъ занялъ великокняжескій столъ.

Въ лицѣ Изяслава родъ Мономаха снова восторжествовалъ надъ родомъ Святослава. Но самовольный захватъ Изяславомъ Кіевскаго стола вооружилъ противъ него двухъ его дядей: Вячеслава, который нѣкогда сидѣлъ въ Кіевѣ, но былъ изгнанъ Всеволодомъ Ольговичемъ, и Юрія, князя Ростовскаго. Юрій, недовольный тѣмъ, что старшинство досталось его племяннику, а не брату, началъ съ Изяславомъ борьбу и одержалъ верхъ. Изяславъ удалился во Владимиръ-Волынскій, а въ Кіевѣ сталъ княжить Юрій. Но и онъ не долго удержалъ за собой Кіевскій столъ; Изяславу удалось изгнать его и снова вернуть себѣ Кіевъ, а чтобы обезпечить себя отъ обвиненій въ беззаконномъ захватѣ престола, онъ пригласилъ въ Кіевъ старшаго дядю Вячеслава, который, довольствуясь почетомъ, предоставилъ всю власть племяннику. Но Юрій не оставилъ своихъ притязаній на Кіевъ, несмотря на то, что Изяславъ обставилъ дѣло вполнѣ законно, воспользовался первой удобной минутой и подступилъ къ Кіеву. Изяславъ и Вячеславъ оставили городъ и Юрій вторично завладѣлъ имъ, но опять-таки не надолго. Кіевскіе граждане любили Изяслава и при первомъ его появленіи перешли на его сторону. Юрій снова уѣхалъ изъ Кі-

ева, а Изяславъ, вѣрный прежнему намѣренію, сталъ княжить именемъ Вячеслава. Въ 1154 году Изяславъ умеръ. Престарѣлый Вячеславъ вызвалъ другого своего плесянника, Ростислава Смоленскаго, и Кіевляне присягнули ему, заключивъ однако договоръ, что онъ будетъ чтить своего дядю Вячеслава, какъ дѣлалъ это его покойный братъ. Послѣ же смерти Вячеслава Кіевляне приняли Изяслава Давидовича, представителя Святославичей; но тутъ снова выступаетъ Юрій, и престолъ въ третій разъ переходитъ къ нему.

Въ 1157 году Юрій умираетъ, и Кіевляне, не любившіе этого князя, хотя онъ и былъ Мономаховичъ, снова зовутъ на Кіевскій столъ Изяслава Давидовича, но одинъ изъ младшихъ Мономаховичей, Мстиславъ Изяславичъ Владимиро-Волынскій, опасаясь, что кіевскій столъ уйдетъ изъ рукъ Мономаховичей, изгналъ Изяслава изъ Кіева и водворилъ тамъ своего дядю Ростислава, а послѣ смерти его въ 1168 году самъ занялъ великокняжескій престолъ. Но въ то же время претендентомъ на старшинство является сынъ Юрія - Андрей, котораго Мстиславъ обошелъ, какъ раньше отецъ его Изяславъ обошелъ дядю своего Юрія. Одинаковыя отношенія вызвали одинаковыя послѣдствія - упорную вражду. Побѣда въ этой борьбѣ осталась на сторонѣ Андрея; въ 1169 году Кіевъ былъ взятъ, Мстиславъ удалился въ свою Волынскую область, Кіевъ былъ ограбленъ и сожженъ и самъ побѣдитель не остался въ немъ, а ушелъ на сѣверъ.

Таковы факты политической жизни такъ называемаго Кіевскаго періода. Изъ всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать выводъ, что существовалъ въ данное время порядокъ наслѣдо-

ванія и владѣнія р о д о в о й - отъ брата къ брату и отъ дяди къ племяннику, и что этотъ порядокъ въ первое же время своего существованія терпѣлъ нарушенія. Событія времени внуковъ и правнуковъ Ярослава ясно показываютъ, что эти нарушенія были чрезвычайно часто и что наслѣдованіе столовъ запутывалось до чрезвычайности. Вопросъ о политическомъ устройствѣ Кіевской Руси поэтому представляетъ много трудностей; онъ вызывалъ массу изслѣдованій и споровъ между историками. Научная полемика вращается здѣсь около двухъ вопросовъ: I| что породило и поддерживало раздробленіе на княжества древней Руси? 2| на какомъ принципѣ,при такомъ положеніи дѣлъ, держалось единство Русской земли?

Отвѣтъ на первый вопросъ сначала казался очень простымъ. Историки прошлаго вѣка и отчасти К а р а м з и н ъ объясняли его тѣмъ, что князья не желали обижать сыновей и всѣмъ имъ давали землю. Но впослѣдствіи поняли, что личный княжескій произволъ не можетъ раздробить государство, которое обладаетъ національнымъ единствомъ, и стали искать причину въ другихъ явленіяхъ, въ обычаяхъ и отвлеченныхъ воззрѣніяхъ племенъ. Одни думали, что политическое дробленіе вообще въ нравахъ и обычаяхъ славянъ |впервые эта мысль была высказана Н а д е ж д и н ы м ъ|. Другіе |какъ П о г о д и н ъ| видѣли причину образованія многихъ княжескихъ столовъ въ томъ, что князья, какъ собственники земли, считали себя въ правѣ, по обычаю славянскому, владѣть землей с о о б щ а. Наконецъ, третьи |школа родового быта| удачно подмѣтили р о д о в о й порядокъ наслѣдованія столовъ и думали, что родовой бытъ князей въ одно время и под-

держивалъ земское единство и дѣлилъ землю на части по числу родичей, имѣющихъ право на владѣніе родовымъ имуществомъ. Въ послѣднее время изслѣдователи ищутъ причинъ раздробленія Руси въ реальныхъ условіяхъ общественной жизни: П а о с с е к ъ находилъ эти причины въ стремленіи городскихъ общинъ къ автономіи. Костомаровъ полагалъ, что причины эти вытекали изъ стремленія къ обособленію не городскихъ общинъ, а племенъ, входившихъ въ составъ кіевскаго княжества |онъ насчитывалъ 6 племенъ|. К л ю ч е в с к і й въ сущности поддерживалъ взглядъ Пассека, говоря такимъ образомъ: "Русская земля первоначально сложилась изъ самостоятельныхъ городовыхъ областей помощью тѣснаго союза двухъ аристократій - военной и торговой. Когда этотъ союзъ земскихъ силъ распался |благодаря подвижности, бродячести князей|, составныя части земли стали также возвращаться къ прежнему политическому обособленію, тогда знать торговаго капитала осталась во главѣ мѣстныхъ міровъ, и аристократія оружія со своими князьями поверхъ этихъ міровъ"... |"Боярская Дума",2 изд., 51-52|.

Второй вопросъ - на чемъ держалось единство земли- разрѣшался также различно. Прежніе историки, и даже К а р а м з и н ъ, не останавливались надъ нимъ долго: они говорили, что единство земли основывалось на чувствѣ княжескаго родства, которое связывало князей въ одно цѣлое. Школа родового быта первая дала научное объясненіе вопросу; она основывалась на понятіи родового владѣнія. Родъ князей, представляя одно неразрывное цѣлое, соединяетъ въ своемъ владѣніи землю. Землею сразу владѣютъ всѣ князья

помня, что сами они "одного дѣда внуки". Русь была, такимъ образомъ, единымъ государствомъ, потому что она была владѣніемъ одного рода. Иного мнѣнія были представители федеративно, теоріи, во главѣ которой стоялъ К о с т о м а р о в ъ; онъ видѣлъ въ древней Руси федерацію, основанную на единствѣ происхожденія и языка, единствѣ вѣры и церкви, наконецъ, на единствѣ династіи, правящей страной. Но федерація предполагаетъ существованіе нѣкоторыхъ постоянныхъ учрежденій, общихъ для всей федераціи, между тѣмъ какъ на Руси такихъ учрежденій указать нельзя: княжескіе съѣзды,напримѣръ, не представляютъ ничего юридически опредѣленнаго. Вотъ почему федеративную теорію смѣнила новая, принадлежащая С е р г і е в и ч у - послѣдователю Чичерина. Еще Чичеринъ говорилъ, что древняя Русь не знала государственнаго порядка и жила на правѣ частномъ, на порядкѣ договорномъ. Исходя изъ этой мысли, С е р г і е в и ч ъ пришелъ къ тому выводу, что древняя Русь не имѣла политическаго единства, а единственнымъ движущимъ началомъ жизни было начало личнаго интереса. Князья не знаютъ одержки личному произволу, они не наслѣдуютъ столовъ по праву, а "добываютъ" ихъ силой или искусствомъ, формулируя свои отношенія къ другимъ князьямъ и къ земщинѣ условіями "рядовъ", т.е. договоровъ; о единствѣ государства не можетъ быть и рѣчи. Профессоръ К л ю ч е в с к і й предлагаетъ въ "Боярской Думѣ" рядъ соображеній, которыми пытается слить въ одно цѣлое нѣкоторыя прежнія представленія по этому вопросу. Но у него есть и очень оригинальная мысль: онъ говоритъ, что въ основаніи единства русской земли лежатъ двѣ

связи: I-я родственная, связывающая князей, 2-я экономическая, связывающая области. Своеобразное сочетаніе условій, вытекающихъ изъ экономической жизни волостей, съ условіями родового быта князей по городамъ и постоянное взаимодѣйствіе земскихъ міровъ. Въ этомъ и выражалось единство Русской земли.

Попробуемъ резюмировать обзоръ второго вопроса Съ своей точки зрѣнія всѣ ученые правы, потому что всѣ освѣщали правильно одну какую нибудь сторону вопроса: одни уловили формулу законнаго владѣнія, собственно и д е ю порядка,- это школа родового быта; другіе занимались не столько изученіемъ нормъ, хотя бы и идеальныхъ, сколько изслѣдованіемъ ихъ нарушеній - это Сергѣевичъ; третьи отмѣтили роль общества въ древней Руси, причемъ понимали ее различно - это Костомаровъ и Пассекъ. Каждый вносилъ свой взглядъ и взглядъ этотъ возбуждалъ возраженія другихъ. При всѣхъ разногласіяхъ, существующихъ въ вопросѣ, мы можемъ однако сказать, что вопросъ теперь достаточно освѣщенъ въ основныхъ своихъ чертахъ. Родовой порядокъ наслѣдованія столовъ, какъ идеальная законная норма, несомнѣнно существовалъ. Но рядомъ съ нимъ существовали и условія, подрывавшія правильность этого порядка. Такъ княжескіе съѣзды нерѣдко постановляли рѣшенія, противныя законному теченію наслѣдованія. Лѣбечскій съѣздъ князей |1096| постановилъ рѣшеніе о князьяхъ, чтобы каждый изъ нихъ "держалъ отчину свою". Этотъ принципъ отчинности, т.е. семейнаго наслѣдованія отъ отца къ сыну безспорно начиналъ дѣйствовать въ умахъ той эпохи, разлагая родовое начало. Произволъ князей, или не призна-

Библіотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

вавшихъ законнаго порядка и авторитета старшихъ, или же нарушавшихъ, благодаря силѣ и старшинству, интересы младшихъ князей, - тоже препятствовалъ правильности политической жизни. Изгойство, исключеніе князей изъ правъ ихъ состоянія создавало по краямъ русской земли такія области изгоевъ, которыми они владѣли уже по семейному, а не по родовому порядку, владѣтель-изгой не могъ претендовать на иныя волости, но и на его волость не должны были претендовать другіе князья. Наконецъ, если мы вспомнимъ вмѣшательство въ политическія дѣла и въ вопросы наслѣдованія городскихъ вѣчей, которыя иногда не признавали для себя обязательными счеты княжескаго старшинства и звали въ города князей по своему выбору, то мы укажемъ всѣ важнѣйшія условія, разлагавшія правильный порядокъ политической жизни.

Наличность этихъ условій служитъ яснымъ доказательствомъ того, что политическое устройство кіевскаго княжества было неустойчиво. Составленное изъ многихъ племенныхъ и городскихъ міровъ это княжество не могло объединиться въ единое г о с у д а р с т в о въ нашемъ смыслѣ слова и въ XI вѣкѣ распалось. Поэтому точнѣе всего будетъ опредѣлить кіевскую Русь, какъ совокупность многихъ княженій, объединенныхъ одною династіей, единствомъ религіи, племени, языка и народнаго самосознанія. Это самосознаніе достовѣрно существовало: съ его высоты народъ обсуждалъ свое политическое неустройство, осуждалъ князей за то, что они "несли землю

Библіотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

розно" своими "которами" и убѣждалъ князей быть въ единствѣ въ интересахъ единой "земли русской".

Политическая связь кіевскаго общества была слабѣе всѣхъ другихъ его связей, и это было одной изъ самыхъ видныхъ причинъ паденія кіевской Руси.

- - - - - -

Отъ общей формы политическаго быта перейдемъ къ частностямъ этого быта Мы замѣтили, что первой политической формой, которая зародилась на Руси, былъ бытъ городовой или областной. Когда областная и городская жизнь уже сложилась, въ города и области явилась княжеская династія, объединившая области въ одно княжество. Рядомъ съ властями городскими стала власть княжеская. Этимъ и обусловливается тотъ фактъ, что въ XI, XII вв. наблюдаются на Руси двѣ политическія власти: I-я| княжеская и 2-я| городская или вѣчевая. Вѣче старше князя, но зато князь часто виднѣе вѣча; послѣднее на время уступаетъ ему свое значеніе и въ X и XI вв. князь кажется единственнымъ представителемъ политической власти.

Обратимся къ изученію княжеской власти. Князья кіевскіе, старшіе или младшіе, были всѣ политически другъ отъ друга независимы. На нихъ лежали только нравственныя обязанности: князья волостные должны были почитать старшаго, великаго князя "въ отца мѣсто"; вмѣстѣ съ нимъ должны были охранять "отъ поганыхъ" свою волость, сообща съ нимъ думать-гадать о землѣ русской и рѣшать важные вопросы русской жизни. Мы отличаемъ три главныя функціи древне-кіевскихъ князей. Во-первыхъ, князь законодательствовалъ, и "Русская

Правда" нѣсколькими изъ своихъ статей прямо подтверждаетъ это. Въ Правдѣ читаемъ, напримѣръ, что сыновья Ярослава: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ совмѣстно постановили замѣнить месть за убійство денежнымъ штрафомъ. Заглавіе нѣкоторыхъ статей Правды свидѣтельствуетъ, что эти статьи были "судомъ" княжескимъ, т.е. были установлены князьями. Такимъ образомъ, законодательная функція князей засвидѣтельствована древнимъ памятникомъ. 2) Вторая функція ихъ власти - военная. Князья явились въ первый разъ въ русскую землю, какъ защитники ея границъ, и въ этомъ отношеніи послѣдующіе князья отличались отъ первыхъ. Припомнимъ, что Владиміръ Мономахъ едва ли не главной своей задачей считалъ оборону границъ отъ половцевъ; къ борьбѣ съ половцами склонялъ онъ другихъ князей на съѣздахъ и предпринималъ вмѣстѣ съ другими князьями общіе походы на кочевниковъ.

3) Третья функція есть функція судебная и административная "Русская Правда" свидѣтельствуетъ, что князья сами судили уголовныя дѣла По "Русской Правдѣ" за убіеніе княжескаго конюшаго взимался штрафъ въ 80 гривенъ "яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убили Дорогобужьци". Здѣсь "Правда" указываетъ дѣйствительный судебный случай. Относительно административной дѣятельности князей мы можемъ сказать, что они съ давнишнихъ поръ несли на себѣ обязанности управленія, устанавливали "погосты и дани". |Погосты представляли собой административные округи|. Вотъ главныя обязанности князя кіевской эпохи: онъ законодательствуетъ, онъ представитель военной власти, онъ верховный судья и верховный администраторъ. Эти признаки всегда характеризу-

ютъ высшую политическую власть. Сообразно съ характеромъ своей дѣятельности князья имѣютъ и слугъ, такъ называемую дружину, своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, съ помощью которыхъ они управляютъ страной. Въ лѣтописи можно найти много свидѣтельствъ, даже съ поэтическимъ характеромъ, о близкомъ отношеніи дружины къ князю. Еще Владимиръ Святой, по лѣтописному преданію, высказалъ мысль, что серебромъ и золотомъ дружину нельзя пріобрѣсти, а съ дружиной можно достать и золото и серебро. Такой взглядъ на дружину, какъ на нѣчто неподкупленное, стоящее къ князю въ отношеніяхъ нравственнаго порядка, проходитъ черезъ всю лѣтопись.- И въ позднѣйшее время Дмитрій Донской въ своемъ завѣщаніи называетъ бояръ "князьями земли своей" и завѣщаетъ дѣтямъ слушаться ихъ. Дружина въ древней Руси пользовалась большимъ вліяніемъ на дѣла, она требовала, чтобы князь безъ нея ничего не предпринималъ, и когда одинъ молодой кіевскій князь рѣшилъ походъ, не посовѣтовшись съ нею, она отказала ему въ помощи, а безъ нея не пошли и союзники князя. Солидарность князя съ дружиной вытекала изъ самыхъ реальныхъ жизненныхъ условій, хотя и не опредѣлялась никакимъ закономъ. Дружина скрывалась за княжескимъ авторитетомъ, но она поддерживала его; князь съ большой дружиной былъ силенъ, съ малой -слабъ. Дружина дѣлилась на старшую и младшую. Старшая называлась "боярами"; происхожденіе этого слова толкуютъ различно,между прочимъ существуетъ предположеніе, что оно произошло отъ слова "болій","больший". Бояре были вліятельными совѣтниками князя; они въ дружинѣ безспорно составляли самый высшій слой и нерѣдко имѣли свою собственную дружину. За ними слѣ-

довали такъ называемые "мужи" или "княжьи мужи"- воины и княжескіе чиновники. Младшая дружина называется "гриди"; иногда ихъ называютъ "отроками", причемъ это слово нужно понимать лишь какъ терминъ общественнаго быта, который могъ относиться, можетъ быть, и къ очень старому человѣку. Вотъ какимъ образомъ дѣлилась дружина. Вся она, за исключеніемъ княжескихъ рабовъ - холоповъ, одинаково относится къ князю, она приходила къ послѣднему и заключала съ нимъ "ряды", въ которыхъ обозначала свои обязанности и права. Князь долженъ былъ относиться къ дружиннику, какъ къ человѣку, вполнѣ независимому, потому что дружинникъ всегда могъ покинуть князя и искать другой службы. Изъ дружины князь беретъ своихъ администраторовъ, съ помощью которыхъ онъ управляетъ землей и охраняетъ ее. Эти помощники назывались "вирниками" и тіунами", обязанность которыхъ состояла въ судѣ и взысканіи виры, т.е судебной пошлины, въ управленіи землей и въ сборѣ дани.

Дань и вира кормили князя и дружину. Князь собиралъ дань иногда съ помощью чиновниковъ, иногда лично. Собиралась дань натурой и деньгами, и точно также не одной натурой,но и деньгами давалось дружинѣ. Одинъ лѣтописецъ, публицистъ XIII вѣка, пишетъ о времени болѣе раннемъ, что князь "оже будяше права вира, и ту возма, -даяша дружинѣ на оружіе. А дружина его... не жадаху: "мало ми есть, княже, 200 гривенъ", не кладаху на свои жены златыхъ обручей, не хожаху ихъ жены въ серебрѣ". Окладъ въ 200 гривенъ каждому дружиннику очень великъ по тогдашнимъ понятіямъ и несомнѣнно свидѣтельствуетъ о богатствѣ кіевскихъ князей(если въ гривнѣ

считать полъ фунта серебра, то ея вѣсовая стоимость около 10 рублей|. Откуда же появилось это богатство, какими источниками дохода пользовались князья? 1) Во-первыхъ, средства князьямъ давала ихъ судебная дѣятельность. 2) Во вторыхъ князья получали дань, о которой уже говорилось. 3) Въ третьихъ, въ пользу князей шла военная добыча. 4) Наконецъ, послѣдній видъ княжескихъ доходовъ - частные доходы. Пользуясь своимъ привелигированнымъ положеніемъ, князья пріобрѣтаютъ себѣ частныя земли |села|, которыя они строго отличаютъ отъ владѣній политическихъ. Князь не можетъ завѣщать политическое владѣніе женщинѣ, а только сыну или брату, а между тѣмъ мы видимъ, что свои частныя земли онъ даетъ женѣ или дочери, или въ монастыри.

Перейдемъ къ характеристикѣ власти в ѣ ч а. Вѣче было старѣе князя. У лѣтописца XIII вѣка мы читаемъ: Новгородцы бо изначала и смольняне, и кыяне, и полочане и вся власти яко же на думу на вѣче сходятся, на что же старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ". Смыслъ же этихъ словъ такой: изначала города и волости |"власти"| управлялись вѣчами и вѣче старшаго города управляло не только городомъ, но и всею волостью его. Рядомъ съ этими вѣчами, на которыхъ правомъ голоса пользовались всѣ главы семействъ, появилась власть князей, но князья не упразднили вѣча, а правили землей иногда при содѣйствіи, а иногда съ противодѣйствіемъ послѣдняго. Отношенія князя къ вѣчу и, наоборотъ, вѣча къ князю - многіе историки пытались объяснить съ точки зрѣнія законченнаго понятія, но это приводило только къ натяжкамъ. Факты вѣчевой дѣятельности, собранные въ книгѣ Сергѣевича

"князь и вѣче" прежде всего не позволяютъ установить самой формы вѣча, которое очень легко спутать съ простыми народными сходками, и неопредѣленность формы часто заставляла изслѣдователей различать вѣче законное и незаконное. Законнымъ называлось вѣче, созванное княземъ, вѣче же, собравшееся противъ князя, мятежническими обществами, считалось незаконнымъ. Слѣдствіемъ юридической неопредѣленности въ вѣчѣ было то, что послѣднее было въ большой зависимости отъ условій чисто внѣшнихъ или временныхъ: политическое значеніе его понижалось при сильномъ князѣ, имѣвшемъ большую дружину, и, наоборотъ, усиливалось при слабомъ; кромѣ того, въ большихъ городахъ оно имѣло большее политическое значеніе, чѣмъ въ малыхъ. Изученіе этого вопроса заставляетъ насъ убѣдиться въ томъ, что отношенія между княземъ и вѣчемъ постоянно колеблятся. Такъ, при Ярославѣ и его сыновьяхъ вѣче далеко не имѣло той силы, какъ при его внукахъ и правнукахъ. Когда власть князей усилилась и опредѣлилась, вѣче отъ политической дѣятельности перешло къ хозяйственной - занималось дѣлами внутренняго быта общины. Но когда родъ Рюриковичей размножился и наслѣдственные счеты запутались, городскія вѣча стремились возвратить себѣ политическое значеніе. Пользуясь смутой, они сами призывали къ себѣ того князя, котораго хотѣли, и заключали съ нимъ ряды Мало-по малу вѣче почувствовало себя настолько сильнымъ, что рѣшалось спорить съ княземъ, случалось, что князь стоялъ за одно, а вѣче за другое, тогда вѣче зачастую "указываетъ князю путь", т.е. изгоняетъ его.

- - - - - -

Перейдемъ къ общественному дѣленіе древне-кіевской Руси. Нужно замѣтить, что общество, стоящее на первой степени развитія, всегда имѣетъ одно и то же общественное дѣленіе, и у всѣхъ народовъ арійскаго племени мы встрѣчаемъ слѣдующія три группы: I| основная масса | въ Кіевской Руси - л ю д и |, 2| привилегированный слой| старцы, б о я р е | и 3| лишенные правъ рабы |или на древне-кіевскомъ языкѣ х о л о п ы|. Такимъ образомъ, первоначальное общественное дѣленіе вызывалось не какимъ нибудь исключительнымъ мѣстнымъ историческимъ условіемъ, а природой племени, если можно такъ выразиться. Но на глазахъ исторіи сложились и росли и мѣстныя условія. Доказательствомъ этого роста служитъ "Русская Правда" - почти единственный источникъ нашихъ сужденій о спеціальномъ строѣ Кіевской Руси. Она дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ. Первая или краткая состоитъ изъ 43 статей, изъ которыхъ первыя I7 слѣдуютъ другъ за другомъ въ логической системѣ. Новгородская лѣтопись, содержащая въ себѣ этотъ текстъ "Правды", выдаетъ ее за законы. изданные Ярославомъ. Краткая редакція "Правды" многимъ отличается отъ нѣсколькихъ пространныхъ редакцій этого памятника. Она, несомнѣнно, древнѣе ихъ и отражаетъ въ себѣ кіевское общество въ древнѣйшую пору его развитія. Пространныя редакціи "Правды", состоящія болѣе чѣмъ изъ I00 статей, заключаютъ въ своемъ текстѣ указанія на то, что возникли онѣ въ цѣломъ составѣ въ XII вѣкѣ, не ранѣе; онѣ заключаютъ въ себѣ законоположенія князей именно XII вѣка |Владимира Мономаха| и рисуютъ намъ общество Кіевской Руси уже въ полномъ его развитіи. Разнообразіе текста разныхъ редакцій "Прав-

ды" затрудняетъ рѣшеніе вопроса о происхожденіи этого памятника. Старые историки | К а р а м з и н ъ, П о г о д и н ъ | признавали "Русскую Правду" за оффиціальный сборникъ законовъ, составленный Ярославомъ Мудрымъ и дополнявшійся его преемниками. Въ позднѣйшее время такого же мнѣнія держится изслѣдователь "Правды" Л а н г е. Но большинство ученыхъ | К а л а ч е в ъ, Д ю в е р н у а, С е р г ѣ е в и ч ъ, Б е с т у ж е в ъ - Р ю м и н ъ и др.| думаютъ, что "Правда" есть сборникъ, составленный частными лицами, желавшими для личныхъ надобностей имѣть сводъ дѣйствовавшихъ тогда законодательныхъ правилъ. Это мнѣніе вѣроятнѣе потому, что, во-первыхъ, въ текстѣ "Русской Правды" можно указать статьи не юридическаго, а хозяйственнаго содержанія, имѣвшія значеніе только для частнаго быта, и во-вторыхъ, внѣшняя форма отдѣльныхъ статей и цѣлыхъ редакцій "Правды" имѣетъ характеръ частныхъ записей, составленныхъ какъ бы посторонними зрителями княжеской правообразовательной дѣятельности.

Изучая по "Русской Правдѣ" и по лѣтописи с о с т а в ъ д р е в н я г о к і е в с к а г о о б щ е с т в а, мы можемъ отмѣтить три главнѣйшихъ его слоя: I| в ы с ш і й, называемый "старцами градскими", "старцами людскими"; это земская аристократія, къ которой нѣкоторые изслѣдователи причисляютъ и огнищанъ. О старцахъ мы уже говорили, что же касается до о г н и щ а н ъ, то о нихъ много мнѣній. Старые ученые считали ихъ домовладѣльцами или землевладѣльцами, производя терминъ отъ слова о г н и щ е |въ областныхъ говорахъ оно означаетъ очагъ или пашню на изгари, т.е. на

мѣстѣ сожженаго лѣса|; Владимирскій-Будановъ говоритъ въ своемъ обзорѣ исторіи русскаго права" что старшіе дружинники именовались сначала огнищанами", но тутъ же прибавляетъ, что чешскій памятникъ „Mater Verborum" толкуетъ слово огнищанинъ, какъ "вольноотпущенный" |libertus, cui post servitium accedit libertas|; видимое противорѣчіе авторъ думаетъ закрыть тѣмъ соображеніемъ, что старшіе дружинники могли происходить изъ младшихъ н е в о л ь н ы х ъ слугъ князя. Слово о г н и щ е въ древности дѣйствительно значило р а б ъ, ч е л я д ь; въ такомъ смыслѣ встрѣчается оно въ древнемъ, XI вѣка переводѣ Словъ Григорія Богослова; поэтому нѣкоторые изслѣдователи |Ключевскій| въ огнищанахъ видятъ рабовладѣльцевъ, иначе говоря, богатыхъ людей въ ту древнѣйшую пору жизни общества, когда не земля, рабы были главнымъ видомъ собственности. Если же обратить вниманіе на статьи "Правды Русской" |пространной|, которыя вмѣсто "огнищанина" краткой "Русской Правды", говорятъ о "княжемъ мужѣ" или "тіунѣ огнищномъ", то можно огнищанина счесть за княжа мужа, завѣдывающаго княжескими холопами, т.е. за лицо, предшествующее позднѣйшимъ д в о р с к и м ъ или д в о р е ц к и м ъ. Положеніе послѣднихъ было очень высоко при княжескихъ дворахъ и въ то же время они могли сами быть холопами. Въ Новгородѣ же, какъ кажется, огнищанами звали не однихъ дворецкихъ, а весь княжескій дворъ |позднѣе, д в о р я н е|. Такъ, стало быть, возможно принимать огнищанъ за знатныхъ княжескихъ мужей, но сомнительно, чтобы огнищане были высшимъ классомъ земскаго общества. 2| Средній классъ составляли л ю д и |един.чис. л ю д и н ъ|,

мужи соединенные въ общины, верви. 3| Холопы или челядь - рабы и при томъ безусловные: полные, обельные |облый - круглый| были третьимъ слоемъ. Съ теченіемъ времени это общественное дѣленіе усложняется. На верху общества находится уже княжеская дружина, съ которой сливается прежній высшій земскій классъ. Дружина состоитъ изъ старшей |"бояръ думающихъ и мужей храборствующихъ"| и младшей |отроковъ, гридей| въ нее входятъ и рабы князя. Изъ рядовъ дружины назначается княжеская администрація и судьи |посадникъ, тіунъ, вирники и др.|. Классъ людей дѣлится опредѣленно на горожанъ |купцы, ремесленники| и сельчанъ, изъ которыхъ свободные люди называются смердами, а зависимые - закупами |закупомъ ролейнымъ, напримѣръ, называется сельскій земледѣльческій батракъ|. Закупы не рабы, но ими начинается на Руси классъ условно зависимыхъ людей, классъ, съ теченіемъ времени, смѣнившій собой полныхъ рабовъ. Дружина и люди не суть замкнутые общественные классы: изъ одного можно было перейти въ другой; основное различіе въ положеніи ихъ заключалось, съ одной стороны, въ отношеніи къ князю |они князю служили, другіе ему платили; что же касается до холоповъ, то они имѣли своимъ господиномъ хозяина, а не князя, который ихъ вовсе не касался|, а съ другой стороны - въ хозяйственномъ и имущественномъ отношеніи общественныхъ классовъ между собой.

Мы допустили бы большой пробѣлъ, если бы не упомянули о совершенно особенномъ классѣ лицъ Кіевскаго общества,

классъ, который повиновался не князю, а церкви. Это ц е р к о в н о е о б щ е с т в о, состоявшее изъ: I| іерархіи, священства, монашества; 2| лицъ, служившихъ церкви, церковнослужителей; 3| лицъ, призрѣваемыхъ церковью, - старыхъ, увѣчныхъ, больныхъ; 4| лицъ, поступившихъ подъ опеку церкви - изгоевъ; 5| лицъ, зависимыхъ отъ церкви, "челядь" |холоповъ|, перешедшихъ въ даръ церкви отъ свѣтскихъ владѣльцевъ. Церковные уставы князей такъ описываютъ составъ церковнаго общества: "А се церковныи люди: игуменъ, игуменья, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а се кто въ крылосѣ: попадья, чернецъ, черница, проскурница, поломникъ, свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, |т.е. получившій чудесное исцѣленіе|, задушный человѣкъ |т.е. вольноотпущенный по духовному завѣщанію|, изгои, т.е.лица, потерявшіе права гражданскаго состоянія|;... монастыреве, больницы, гостинницы, страннопріимницы, то люди церковныя, богодѣльныя". Всѣхъ этихъ людей церковная іерархія вѣдаетъ администраціей и судомъ: "или митрополитъ или епископъ тыи вѣдаютъ, между ими судъ или обиду"; изгоямъ и холопамъ и всѣмъ своимъ людямъ церковь создаетъ твердое общественное положеніе, сообщаетъ права гражданства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ выводитъ ихъ вовсе изъ свѣтскаго общества.

Настолько развито и сложно стало общественное дѣленіе кіевскаго общества къ XII вѣку. Раньше, какъ мы видѣли, общество было проще по составу и развилось оно уже на глазахъ исторіи.

- - - - - -

Закончимъ нашъ обзоръ Кіевской Руси общей характеристикой ея культурнаго состоянія. Первое же знакомство съ кіевскимъ бытомъ покажетъ вамъ существованіе древнихъ и сильныхъ городскихъ общинъ на Руси и обиліе вообще городскихъ поселеній; это обстоятельство - лучшій признакъ того, что эта страна обладала крупными торговыми оборотами. Любопытенъ тотъ фактъ, что въ скандинавскихъ сагахъ Кіевъ называли "Гирдирикъ", страной городовъ, - слѣдовательно, городская жизнь была въ глазахъ иностанцевъ выдающейся чертой кіевской Руси. Всѣхъ городовъ насчитываютъ около 300, цифра очень крупная для земледѣльческой страны, которая не должна бы, кажется, отличаться большимъ развитіемъ городской жизни. Ясно, что такая многочисленность городовъ вызывалась не одними административными и военными потребностями, но и развитіемъ торговли, которая придавала городу значеніе рынка. Несомнѣнно, что главнымъ занятіемъ городскихъ жителей была торговля и что масса городского населенія состояла изъ торговыхъ и промышленныхъ людей. О развитіи торговли въ Кіевской Руси говорятъ намъ многіе древніе авторы: русскіе купцы ѣздили въ Грецію, Болгарію, Германію, Чехію и на далекій Востокъ. Въ Кіевѣ и Новгородѣ было постоянное стеченіе купцовъ. Въ Новгородѣ жили нѣмецкіе купцы и имѣли свою церковь - "Варяжскую божницу", нѣмецкіе же купцы черезъ Польшу ѣздили въ Кіевъ. Въ Кіевѣ былъ еврейскій и, кажется, польскій кварталъ; жили постоянно купцы католическаго вѣроисповѣданія, которыхъ называли "Латиной", есть извѣстіе и объ армянахъ. Кіевъ былъ торговой станціей не только между сѣверомъ и югомъ, т.е. между варягами и Греці-

ей, но и между Западомъ и Востокомъ, т.е. между Европой и Азіей, отсюда понятно торговое значеніе Кіева и всей южной Руси. Тихій земледѣльческій трудъ мѣшался здѣсь съ бойкимъ и шумнымъ торговымъ движеніемъ; жизнь отличалась многообразіемъ функцій торговля вызывая знакомство съ многими народами, способствовала накопленію богатствъ и знаній. Много условій создавалось здѣсь для культурнаго развитія, и это развитіе начиналось и зацвѣтало яркимъ цвѣтомъ. Просвѣщеніе, принесенное христіанствомъ, нашло пріютъ въ русскихъ монастыряхъ и пріобрѣло себѣ многихъ поборниковъ. Мы знаемъ, что христіанская мораль успѣшно боролась съ грубыми воззрѣніями языческой старины; мы видимъ князей, читающихъ и собирающихъ книги, князей, заказывающихъ переводы благочестивыхъ произведеній церковной литературы на русскій языкъ, мы видимъ распространеніе грамотности, видимъ школы при церквахъ и епископскихъ дворахъ, мы любуемся фресками, которые писаны по греческимъ образцамъ русскими художниками; мы читаемъ произведенія богословски-образованныхъ русскихъ людей. Словомъ, въ отношеніи просвѣщенія, кіевская Русь стояла не ниже прочихъ молодыхъ государствъ и своихъ ближайшихъ сосѣдей - славянъ. Изслѣдователи первоначальныхъ сношеній Руси и Польши прямо признаютъ культурное превосходство первой. И матеріальная культура кіевскаго общества стояла, сравнительно съ прочей Европой, не низко. Внѣшность Кіева вызывала панегирики писателей XI вѣка. Западнымъ иностранцамъ Кіевъ казался соперникомъ Константинополя. Впечатлѣніе, которое онъ производилъ на иноземцевъ, вело къ невольнымъ гиперболамъ съ ихъ стороны: они,

апр., считали въ Кіевѣ 400 церквей, чего на самомъ дѣлѣ
е было. Но во всякомъ случаѣ Кіевъ былъ крупнымъ торговымъ
ородомъ восточной Европы, городомъ съ разноплеменнымъ на-
леніемъ, высшіе классы котораго знакомы были съ лучши-
ми произведеніями окрестныхъ странъ и вызывали со стороны
шего лѣтописца даже упреки въ роскоши. И если, за исклю-
ніемъ Кіева и другихъ городовъ, вся прочая страна была
ще въ младенческихъ формахъ общественнаго и хозяйственна-
о быта, то, все таки, мы не имѣемъ права назвать Кіевскую
усь некультурной страной, принимая во вниманіе бытъ древ-
ихъ городовъ, жизнь которыхъ отмѣчена явно культурными
ертами.

Мы видѣли, что еще въ глубокой древности Русь стала
ерять черты патріархальнаго племенного быта, хотя и не от-
ылась еще въ окончательныя формы государственнаго быта.
олгое совмѣстное жительство, единство племени, языка и ре-
игіи дѣлали изъ Руси одну страну, изъ русскихъ славянъ
динъ народъ. И это единство чувствовалось и сознавалось
рѣпко въ XI вѣкѣ нашими предками. Пѣвецъ "Слова о Полку
горевѣ", который помнилъ много такой старины, какая и для
го времени была уже сѣдой стариной, мыслилъ русскую землю
ной отъ Южнаго Галича и Карпатъ до верхней Волги. Всѣхъ
язей и сѣверныхъ, и южныхъ одинаково зоветъ онъ помочь
лѣ Игоря и стать "за землю русскую". Въ его глазахъ бѣда
оря - бѣда всей земли русской, а не только Игорева княже-
ва: "Тоска разлилась по русской землѣ, обильна печаль
отекла среди земли русскія". говоритъ онъ объ этомъ. Въ
I еще вѣкѣ лѣтописецъ пишетъ свою "Повѣсть" не о томъ или

другомъ княжествѣ, а о всей русской землѣ. Такъ выростало постепенно твердо національное самосознаніе, выростало и въ сказаніяхъ и въ лѣтописяхъ, и въ самой жизни. Въ XII вѣкѣ окончательно опредѣлилась русская національность.

- - - - - - -

Тѣмъ болѣе непонятнымъ долженъ казаться упадокъ кіевской Руси въ XIII вѣкѣ; какая же была тому причина? Первая главная причина заключалась въ томъ, что въ единой землѣ, въ единомъ обществѣ не было единой политической власти.

Владѣлъ Русью многочисленный княжескій родъ; при спутанности родовыхъ счетовъ изъ за старшинства или изъ какихъ нибудь обидъ князья часто затѣвали усобицы и втягивали населеніе въ междоусобную войну; отъ этихъ усобицъ страдали люди, страдало развитіе народнаго быта. Изъ 150 лѣтъ |1055-1228| Погодинъ насчитываетъ 80 лѣтъ, прошедшихъ въ усобицахъ, и 90 лѣтъ мирныхъ; хотя тотъ же Погодинъ говоритъ, что для массы они не имѣли важнаго значенія, мы видимъ въ нихъ несчастіе для страны, какъ бы легко не переносилось населеніемъ каждое отдѣльное разоренiе.

Вторымъ несчатіемъ кіевской Руси было усиленіе, съ половины XII вѣка, ея степныхъ враговъ. Въ южныхъ степяхъ появились половцы и въ теченіе двухъ столѣтій 40 разъ опустошали русскую землю значительными набѣгами, а мелкихъ набѣговъ и не перечесть. Торговля съ югомъ стала замирать, благодаря тѣмъ же половцамъ: они грабили купцовъ на нижнемъ Днѣпрѣ и Днѣстрѣ, и торговые капиталы бывали внѣ опасности только подъ сильнымъ военнымъ прикрытіемъ. Въ 1170 году у

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

южныхъ русскихъ князей по почину Мстислава Изяславича былъ съѣздъ, на которомъ обсуждались средства борьбы съ половцами и говорилось, что половцы "уже у насъ и Греческій путь |въ Царьградъ| изъотнимаютъ, и Соляной |Крымскій| и Залозный |на Дунай|". Это было большимъ бѣдствіемъ для страны. А рядомъ съ этимъ въ XII вѣкѣ явились враги Руси и съ запада - стала часто нападать литва. Такимъ образомъ, жизнь Кіевской Руси не имѣла безопасности и чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе становилось жить на югѣ. Вотъ почему по немногу цѣлые города и волости начинаютъ пустѣть, тѣмъ болѣе, что князья, какъ прежде ссорились изъ за старшинства, такъ теперь ссорятся изъ за людей, за "полонъ". Князья дѣлали набѣги на сосѣднія княжества и уводили народъ толпами, населеніе не могло жить спокойно, потому что свои же князья отрывали его отъ земли, отъ хозяйства.

Эти три обстоятельства - усобицы князей, отсутствіе внѣшней безопасности и бѣгство населенія были главными причинами упадка южно-русской общественной жизни. Появленіе татаръ нанесло ей окончательный ударъ. Послѣ нашествія татаръ Кіевъ превратился въ маленькій городокъ съ 200 домовъ; торговля заглохла и, мало по малу Кіевскую Русь по частямъ захватили ея враги. А въ то же время на окраинахъ русской земли зараждалась новая жизнь, возникали новые общественные центры, слагались новыя общественныя отношенія. Возникновеніе и развитіе Сульдальской Руси, Новгорода и Галича начинаетъ уже собою новый періодъ русской

Литографія Богданова, Эртелевъ пер., д. I.
Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Исторіи.

К о л о н и з а ц і я С у з д а л ь с к о й Р у с и.

Въ XII вѣкѣ, когда вслѣдствіе княжескихъ усобицъ и половецкихъ опустошеній начинается упадокъ Кіевской Руси, неурядицы кіевской жизни вызываютъ передвиженіе населенія отъ средняго Днѣпра на югъ и сѣверо-востокъ, отъ центра тогдашней Руси - Кіева къ ея окраинамъ. На сѣверо-востокѣ русскіе переселенцы попадаютъ на новыя мѣста, въ страну съ инымъ географическимъ характеромъ, чѣмъ Поднѣпровье. Особенности этой страны обусловливаютъ и новыя черты въ физическомъ типѣ колонистовъ и новые соціальные и экономическіе порядки въ ихъ быту. Занятая на сѣверо-востокѣ мѣстность - это страна между верхнимъ теченіемъ Волги и Окой; природа ея совершенно разнится отъ днѣпровской: ровная, плодородная почва здѣсь смѣняется суглинкомъ, болотами и первобытнымъ лѣсомъ. Хотя обиліе рѣчныхъ водъ замѣчается и здѣсь но свойства рѣкъ различны: южная Русь имѣетъ большія рѣки, текущія въ громадномъ большинствѣ къ одному центру, Днѣпру; въ сѣверной Руси масса мелкихъ рѣчекъ, не имѣющихъ общаго центра, текущихъ по самымъ различнымъ направленіямъ. Климатъ сѣверо-восточной Руси, вслѣдствіе обилія воды и лѣса, суровѣе; почва требуетъ большихъ трудовъ для обработки. Первоначальными жителями сѣверо-восточной Руси были финскія племена: меря и мурома, о бытѣ которыхъ исторія не знаетъ ничего достовѣрнаго. Изслѣдователь древнѣйшей исторіи Суздальской Руси, проф. Корсаковъ |"Меря и Ростовское княжество" 1872г.| пробуетъ возстановить бытъ Мери: I| по указаніямъ источниковъ, такъ какъ лѣтопись говоритъ о первоначальныхъ жителяхъ этой страны,

хотя и очень мало, 2| по сравненію быта теперешняго населенія губерній Московской, Владимирской, Костромской и Ярославской съ бытомъ жителей другихъ великорусскихъ губерній - особенности этого быта могутъ быть объясняемы бытомъ первоначальныхъ обитателей названныхъ губерній; 3| по сравненію данныхъ лѣтописи о бытѣ мери и муромы съ бытомъ сосѣднихъ имъ и нынѣ существующихъ финнскихъ племенъ: мордвы и черемисъ. Этнографія ихъ нѣсколько разработана и жизнь этихъ племенъ можетъ съ нѣкоторой приближенностью дать основанія для заключеній о жизни исчезнувшей ихъ родни; 4| по указаніямъ, добытымъ изъ раскопокъ на мѣстахъ поселенія мери и муромы; эти раскопки, произведенныя здѣсь археологами - Савельевымъ и графомъ Уваровымъ, даютъ рядъ, отрывочныхъ правда, указаній на особенности мери и муромы. Тщательныя изысканія Корсакова не привели къ большимъ результатамъ: онъ указываетъ, что меря и мурома племена финнскаго происхожденія, близкаго по быту къ мордвѣ; религія ихъ была неразвита, политической организаціи не существовало, не было и городовъ, культура была на очень низкой ступени развитія, первенствующее значеніе принадлежало жрецамъ.

Колонизаціонное движеніе Руси по Волгѣ явленіе очень древнее: на первыхъ уже страницахъ лѣтописи мы встрѣчаемся уже съ городами Суздалемъ и Ростовымъ, появившимися неизвѣстно когда. Откуда, т.е. изъ какихъ мѣстъ Руси первоначально шла колонизація въ Суздальскомъ краѣ, можно догадаться потому, что Ростовъ политически всегда тянулъ къ Новгороду, составлялъ какъ бы часть Новгородскаго княжества. Это даетъ поводъ предположить, что первыми колони-

стами на Волгѣ были новгородцы, шедшіе на востокъ, какъ и всѣ русскіе колонизаторы, по рѣкамъ. Противъ такого предположенія возражаютъ, что Новгородъ отъ Волги и рѣкъ ея бассейна отдѣляются водораздѣлами |они препятствія для свободнаго передвиженія| и указываютъ на различіе нарѣчій суздальскаго и новгородскаго. Но противъ перваго положенія можно сказать, что водораздѣлы никогда не могутъ задержать переселенія, а второе объясняется историческими причинами; подъ вліяніемъ новыхъ природныхъ условій, встрѣчи съ чуждымъ народомъ и языкомъ, въ языкѣ колонистовъ могли выработаться извѣстныя особенности. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ достаточныхъ основаній отрицать, что первыми русскими колонистами въ Суздальской Руси могли быть новгородцы. Зато позднѣе главныя массы колонистовъ въ эту область двигались съ юга отъ Кіева. Сообщеніе Кіева съ Суздальской землей въ первые вѣка русской жизни совершалось кругомъ - по Днѣпру и верхней Волгѣ, потому что непроходимые лѣса вятичей мѣшали отъ Днѣпра прямо проходить на Оку, и только въ XII вѣкѣ являются попытки установить безопасный путь изъ Кіева къ Окѣ; эти попытки и трудности самого пути остались въ памяти народа въ разсказѣ былины о путешествіи Ильи Муромца изъ роднаго его села Карачарова въ Кіевъ. Со второй половины XII вѣка этотъ путь сквозь вятичей устанавливается и начинается замѣтное оживленіе Суздальскаго княжества, туда приливаетъ населеніе, строятся города, и въ этой позднѣйшей эпохѣ колонизаціи замѣчается любопытное явленіе: появляются на сѣверѣ географическія имена юга |Переяславль, Стародубъ, Галичъ, Трубежъ, Почайна|, вѣрный признакъ, что населеніе пришло съ

юга и занесло сюда южную номенклатуру. Занесло оно и свой южный эпосъ; фактъ, что былины южно-русскаго цикла сохранились до нашихъ дней и а с ѣ в е р ѣ, также ясно показываетъ, что на сѣверъ перешли и сложившіе ихъ.

Страна, въ которую шли переселенцы, своими особенностями вліяла на разселеніе колонистовъ. Рѣчки, по которымъ селились колонисты, не стягивали поселенія въ густыя массы, а располагали ихъ отдѣльными группами. Городовъ было мало, господствующимъ типомъ селеній были деревни, и такимъ образомъ городской бытъ юга здѣсь замѣнился сельскимъ. Новые поселенцы, сидя на почвѣ не вполнѣ плодородной, должны были заниматься кромѣ земледѣлія еще лѣсными промыслами: угольничествомъ, лыкодерствомъ, бортничествомъ и пр., на это указываютъ и названія мѣстностей: смолоточье, угольники, доготино и т.д. Въ общемъ характерѣ Суздальской Руси лежали крупныя различія, сравнительно съ жизнью Кіевской Руси: изъ городской торговой она превратилась въ сельскую, земледѣльческую. Переселяясь въ Суздальскій край, русскіе, какъ мы сказали, встрѣтились съ туземцами финскаго происхожденія. Слѣдствіемъ этой встрѣчи для финновъ было ихъ полное обрусѣніе. Мы не находимъ ихъ теперь на старыхъ мѣстахъ, не знаемъ объ ихъ выселеніи изъ Суздальской земли, а знаемъ только, что славяне не истребили ихъ; и что, слѣдовательно, оставаясь на старыхъ мѣстахъ, они потеряли національность, ассимилировавшись совершенно съ русскими поселенцами, какъ съ расой, болѣе цивилизованной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и для славянскихъ переселенцевъ поселеніе въ новой обстановкѣ и смѣшеніе съ финнами не осталось и не могло бы остаться безъ

послѣдствій; 1| измѣнился ихъ говоръ, 2|, совершилось нѣкоторое измѣненіе физіологическаго типа, 3|, видоизмѣнился умственный и нравственный складъ поселенцевъ. Словомъ, въ результатѣ явились въ сѣверно-русскомъ населеніи нѣкоторыя особенности, создавшія изъ него особенную в е л и к о р у с с к у ю народность.

Со времени Любечскаго съѣзда,съ начала XII вѣка, судьба Суздальскаго края связывается съ родомъ Мономаха. Изъ Ростова и Суздаля образуется особое княжество и первымъ самостоятельнымъ княземъ Суздальскимъ дѣлается сынъ Мономаха, Юрій Владимировичъ Долгорукій. Очень скоро это вновь населяемое княжество становится сильнѣйшимъ среди другихъ старыхъ. Въ концѣ того же XII вѣка Владимиро-Суздальскій князь, сынъ Юрія Долгорукаго, Всеволодъ III уже считается могущественнымъ княземъ, который, по словамъ пѣвца "Слова о Полку Игоревѣ", можетъ "Волгу веслы раскропити и Донъ шеломами вльяти". Одновременно съ внѣшнимъ усиленіемъ Суздальскаго княжества, мы наблюдаемъ внутри самого княжества слѣды созидающаго процесса: здѣсь слагается иной, чѣмъ на югѣ, общественный строй. Въ XI, даже въ XII вѣкѣ въ Суздальской Руси, какъ и на югѣ, мы видимъ развитіе городскихъ общинъ |Ростовъ, Суздаль| съ ихъ вѣчевымъ бытомъ. Новые же города въ этой странѣ возникаютъ съ инымъ типомъ. "Разница между старыми и новыми городами та", говоритъ Соловьевъ, "что старые города, считая себѣ старѣе князей, смотрѣли на нихъ, какъ на пришельцевъ, а новые, обязанные имъ своимъ существованіемъ, естественно, видятъ въ нихъ своихъ строителей и ставятъ себя относительно нихъ въ подчиненное положеніе". Въ самомъ дѣлѣ, на сѣверѣ князь часто

первый занималъ мѣсто и искуственно привлекалъ въ нее новыхъ посельниковъ, ставя имъ городъ или указывая пашню. Въ старину на югѣ бывало иначе: пришельцемъ въ извѣстномъ городѣ былъ князь, исконнымъ же владѣльцемъ городской земли вѣче, теперь на сѣверѣ пришельцемъ оказывалось населеніе, а первымъ владѣльцемъ земли князь. Роли перемѣнились, должны были измѣниться и отношенія. Какъ политическій владѣлецъ, князь на сѣверѣ по старому - вѣче, управлялъ и законодательствовалъ; какъ первый заемщикъ земель, онъ считалъ себя и свою семью сверхъ того вотчинниками - хозяевами даннаго мѣста. Въ лицѣ князя произошло соединеніе двухъ категорій правъ на его землю: правъ политическаго владѣльца и правъ частнаго собственника. Власть князя стала шире и полнѣе. Съ этимъ новымъ явленіемъ не могли примириться старые вѣчевые города. Между ними и княземъ произошла борьба; зачинщиками и руководителями городовъ въ этой борьбѣ были, по мнѣнію Бѣляева и Корсакова, "земскіе бояре". И въ южной Руси, по "Русской Правдѣ" и лѣтописи, мелькаютъ слѣды земской аристократіи, которая состояла изъ земскихъ, а не княжескихъ бояръ, - градскихъ старцевъ. На сѣверѣ въ городахъ должна была быть такая же аристократія съ землевладѣльческимъ характеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно допустить, что "бояре" новгородскіе, колонизуя востокъ, скупали себѣ въ Ростовской и Суздальской землѣ владѣнія, вызывали туда на свои земли работниковъ и составляли собою классъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ ихъ рукахъ, независимо отъ князя, сосредоточивалось вліяніе на вѣчѣ, и вотъ съ этой то земледѣль-

ческой аристократіей, съ этой силой, сидѣвшей въ старыхъ городахъ, приходилось бороться князьямъ; въ новыхъ построенныхъ князьями городахъ такой аристократіи, понятно, не было. Борьба князей со старыми городами влечетъ за собой неминуемо и борьбу новыхъ городовъ со старыми. Эта борьба оканчивается побѣдой князей, которые подчиняютъ себѣ старые города и возвышаютъ надъ ними новые. Полнота власти князя становится признаннымъ фактомъ. Князь не только носитель верховной власти въ странѣ, онъ ея наслѣдственный владѣлецъ, "вотчинникъ". На этомъ принципѣ вотчинности |патримоніальности| власти стрятся всѣ общественныя отношенія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ "удѣльнаго порядка" и весьма несходныя съ порядкомъ Кіевской Руси.

Вліяніе татарской власти на удѣльную Русь.

Новый порядокъ едва обозначился въ Суздальской Руси, когда надъ этой Русью стала тяготѣть татарская власть. Эта случайность въ нашей исторіи не достаточно изучена для того, чтобы съ увѣренностью ясно и опредѣленно указать степень историческаго вліянія татарскаго ига. Одни ученые придаютъ этому вліянію большое значеніе, другіе его вовсе отрицаютъ. Въ татарскомъ вліяніи прежде всего надо различать двѣ стороны: I| вліяніе на государственное и общественное устройство древней Руси, 2| вліяніе на ея культуру. Въ настоящую минуту насъ главнымъ образомъ долженъ занимать вопросъ о степени вліянія татаръ на политическій и соціальный строй. Эта степень можетъ быть нами угадана по измѣненіямъ: I| въ порядкѣ княжескаго престолонаслѣдія; 2| въ отношеніяхъ князей между собой; 3| въ отношеніяхъ князей

къ населенію. I| Въ первомъ отношеніи замѣчаемъ, что порядокъ наслѣдованія великокняжескаго стола при татарахъ, въ первое столѣтіе ихъ власти |I240-I340|, оставался тѣмъ же,какимъ былъ до татаръ: это родовой порядокъ съ нерѣдкими ограниченіями и нарушеніями. Великое княженіе оставалось неизмѣнно въ потомствѣ Всеволода Большого Гнѣзда, въ линіи его сына Ярослава. Въ теченіе немногимъ болѣе I00 лѣтъ |съ I2I2 по I328| пятнадцать князей изъ четырехъ поколѣній было на великокняжескомъ столѣ и изъ нихъ только три князя захватили престолъ съ явнымъ беззаконіемъ, мимо дядей или старшихъ братьевъ |сыновья Всеволода: I| Юрій,2|Константинъ. 3| опять Юрій, раньше сидѣвшій не по старшинству, 4| Ярославъ, 5| Святославъ; сыновья Ярослава Всеволодовича: 6| Михаилъ Хоробритъ захватившій силой престолъ у дяди Святослава мимо своихъ старшихъ братьевъ, 7| Андрей, 8| Александръ Невскій, который былъ старше Андрея и современемъ сверг его, 9| Ярославъ Тверской, I0| Василій Костромской; сыновья Александра Невскаго: II| Дмитрій, I2| Андрей; I3| сынъ Ярослава Тверского Михаилъ; I4|внукъ Александра Невскаго Юрій Даниловичъ; I5| внукъ Ярослава Тверского Александръ Михайловичъ; внукъ Александра Невскаго Иванъ Даниловичъ Калита|. Если обратимся къ дотатарскому періоду. въ такъ называемую кіевскую Русь, то увидимъ тамъ однородный порядокъ и однородныя правонарушенія. Очевидно, татарская власть ничего не измѣнила въ старомъ обычаѣ передачи столовъ и присвоила себѣ лишь право санкціонировать проявленія этого обычая. Мало того, и этимъ правомъ своимъ она какъ будто не дорожила и не всегда спѣшила его осуществлять: самоуправство князей оставалось по-

долгу ненаказаннымъ. Михаилъ Хоробритъ умеръ, владѣлъ великокняжескимъ престоломъ, и не былъ наказанъ за узурпацію власти. Попранныя имъ права дяди Святослава, санкціонированныя ранѣе татарами, не были ими возстановлены даже и тогда, когда послѣ смерти Хоробрита власть и стольные города, Владимиръ и Кіевъ выпросили себѣ племянники Святослава, Андрей и Александръ. Въ поколѣніи внуковъ и правнуковъ Всеволода Большого Гнѣзда образовалась даже такая повадка, которая вяно изобличаетъ слабость татарскаго авторитета и вліянія: удѣльные князья неизмѣнно враждовали съ утвержденнымъ татарами великимъ княземъ и старались, въ одиночку или коллективно, ослабить его. Александръ Невскій враждовалъ съ великомъ княземъ Андреемъ Ярославичемъ, Василій Костромской - съ великомъ княземъ Ярославомъ Тверскимъ, Дмитрій Александровичъ - съ великимъ княземъ Василіемъ Костромскимъ, Андрей Александровичъ съ великимъ княземъ Дмиріемъ Александровичемъ и т.д. Татары видѣли всѣ эти свары и усобицы и не думали, что ихъ существованіе подрываетъ на Руси значеніе татарской власти; напротивъ, не слѣдуя никакому опредѣленному принципу въ этомъ дѣлѣ, они смотрѣли на ссоры князей, какъ на лишній источникъ дохода и цинично говорили князю: будешь великимъ, "оже ты даси выходъ |т.е.дань| больши",- если будешь платить больше соперника. Зная это, князья прямо торговались въ Ордѣ, даже другъ съ другомъ. Искали великаго княженія Михаилъ Тверской и Юрій Московскій, и Михаилъ посулилъ больше "выхода", чѣмъ Юрій; тогда Юрій "шедъ къ нему рече: отче и брате, азъ слышу, яко хощеши большую дань поступити и землю рускую погубити, сего ради азъ ти уступаю отчины моя, да не гибнетъ земля Руская насъ ради,- и шедши къ хану,

объявише ему о семъ; тогда даде ханъ ярлыкъ Михаилу на великое княженіе и отпусти я". Такимъ образомъ, татарская власть не могла что либо установить или отмѣнить, такъ какъ не руководилась никакимъ сознательнымъ мотивомъ. Татары застали на Руси оттягиваніе родового наслѣдованія и зародыши семейно-вотчиннаго владѣнія; при нихъ одно продолжало отягивать, другое продолжало развиваться и крѣпнуть, и нарушенія этого процесса, давно и глубоко измѣнявшаго основы общественной организаціи, мы не замѣчаемъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ сѣверно-русскихъ князей въ XIII и XIV вѣкахъ несомнѣнно происходятъ измѣненія и по сравненію ихъ съ болѣе древнимъ порядкомъ, мы замѣчаемъ нѣкоторыя рѣзкія особенности, которыя многіе ученые приписываютъ татарскому игу; но, всматриваясь внимательнѣе, мы убѣждаемся, что причины, вызывавшія эти особенности, дѣйствовали въ русской землѣ и раньше татаръ. Къ этимъ особенностямъ принадлежатъ: I| полное пренебреженіе родовымъ единствомъ, 2| передача владѣній отъ отца къ сыну, иначе - начало вотчиннаго наслѣдованія, 3| осѣданіе княжескихъ линій по волостямъ: князья сѣверо-восточной Руси |первые: Ярославъ Тверской и Василій Костромской Ярославичи|, добившись великокняжескаго престола, не идутъ изъ удѣла княжить во Владимиръ, а присоединяютъ его къ своему княжеству и управляютъ имъ изъ своихъ удѣловъ; 4| опредѣленіе междукняжескихъ отношеній договорами, въ которыхъ подробно изъясняются всѣ частности совмѣстной дѣятельности и степень зависимости одного князя отъ другого. Всѣ исчисленныя особенности суть прямое слѣдствіе того вотчиннаго характера, какой усвоила себѣ княжеская власть съ самаго

начала своей дѣятельности въ Суздальской землѣ. Довѣряя надзоръ за порядкомъ въ русской землѣ старшему, великому князю, татары безъ призыва самихъ князей, не имѣли ни поводовъ, ни желанія вмѣшиваться въ княжескія дѣла. Наконецъ, и отношеніе князей къ населенію не подвергалось постоянному надзору и регламентаціи татарской власти, опредѣлялось тѣмъ же принципомъ вотчинности. Полнота княжескаго авторитета могла, конечно, вырости отъ того, что онъ опирался на татаръ, но существо княжеской власти оставалось то же.

Да и какъ татарское вліяніе на русскую жизнь могло быть значительно, если татары жили вдалекѣ, не смѣшивались съ русскими, являлись въ Россію только для сбора дани или въ видѣ войска, приводимаго большею частью русскими князьями для ихъ личной цѣли? Этотъ обычай брать дружину у сосѣднихъ народовъ - обычай стародавній; еще въ X и XI вв. князья нанимали себѣ въ помощь варяговъ, половцевъ и т.д. Если и находятся слѣды вліянія на татаръ въ администраціи, во внѣшнихъ пріемахъ управленія, то они не велики и носятъ характеръ частныхъ отрывочныхъ заимствованій; такія заимствованія были и отъ варяговъ и изъ Византіи. Поэтому мы можемъ далѣе разсматривать внутреннюю жизнь русскаго общества въ XIII вѣкѣ, не обращая вниманія на фактъ татарскаго ига и слѣдуя, такимъ образомъ, мысли С.М.Соловьева, который съ особымъ удареніемъ говорилъ: "историкъ не имѣетъ права съ половины XIII вѣка прерывать нить событій, именно постепенный переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, вставлять татарскій періодъ и выдвигать на первый планъ татаръ, татарскія отношенія, вслѣд-

ствіе чего необходимо закрываются главныя явленія, главныя причины этихъ явленій" |Исторія Россіи,т.I|

Ощутительно сказалось не вліяніе татаръ, а сказался самый фактъ ихъ господства надъ русской землей только въ томъ отношеніи, что содѣйствовалъ окончательному раздѣленію Руси на двѣ половины: на сѣверо-восточную и на юго-западную, центромъ которой является Галичъ. Опаснымъ сосѣдомъ южной и западной Руси съ XIII вѣка становится вмѣстѣ съ поляками и Литва. Возвышеніе Литвы начинается съ княженія Миндовга, который, соединивъ подъ своею властью мелкія литовскія племена, увеличилъ свое княжество присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ сосѣднихъ слабыхъ княжествъ западной Руси. Одновременно съ этими врагами сѣверо-западной Руси явились нѣмецкіе рыцари, основавшіе на берегахъ балтійскаго моря дав ордена: меченосцевъ и тевтоновъ, соединившихся затѣмъ въ одинъ. Придя сюда для обращенія Литвы въ христіанство помощью меча и путемъ ея порабощенія, нѣмцы очень скоро столкнулись здѣсь и съ Русью. Они стали тревожить земли Псковскую и Новгородскую, однако получили сильный отпоръ. Героемъ борьбы съ нѣмцами въ Псковѣ является князь Довмонтъ, прибѣжавшій во Псковъ изъ Литвы; въ Новгородѣ - Александръ Невскій. Наблюдая одновременно съ появленіемъ татаръ на Руси наступательныя дѣйствія противъ Руси новыхъ пришельцевъ - рыцарей и стараго врага - Литвы, мы можемъ сказать, что XIII вѣкъ въ русской исторіи - время созданія той внѣшней обстановки, въ которой впослѣдствіи многіе вѣка дѣйствовало русское племя; въ XIII вѣкѣ являются тѣ враги, съ которыми Русь сравнительно только недавно кончила борьбу. При такомъ значеніи вѣ-

ка его героями становятся именно тѣ люди, которые выдвинулись въ этой борьбѣ съ врагами: Александръ Невскій, Довмонтъ Псковскій и Даніилъ Галицкій.

Удѣльный бытъ Владимирской Руси.

Опредѣливъ наше отношеніе къ вопросу о татарскомъ вліяніи, мы можемъ обратиться къ изученію основныхъ отличій общественнаго быта въ періодъ удѣльный. Это - періодъ, въ который сѣверо-восточная Русь раздробилась въ политическомъ отношеніи на независимые одинъ отъ другого удѣлы. За начало періода мы можемъ принять тотъ моментъ, когда князья начинаютъ усваивать привычку, даже и владѣя Владимиромъ, жить въ своихъ удѣлахъ, а окончаніемъ періода можемъ считать княженіе Іоанна III, когда всѣ крупные удѣлы уже объединились подъ властью Москвы. Такимъ образомъ, удѣльный періодъ обнимаетъ время отъ XIII до конца XУ вѣка, когда уже устанавливается единодержавіе. Что же такое удѣлъ?

По литературнымъ трудамъ вы составите себѣ понятіе объ удѣлѣ, какъ о территоріи, находящейся въ потомственномъ владѣніи какой либо княжеской семьи. Такое опредѣленіе наши изслѣдователи даютъ удѣламъ только съ XIII вѣка, съ того времени, когда князья уже не переходятъ съ удѣла на удѣлъ, а осѣдаютъ въ одной какой нибудь мѣстности и передаютъ свои территоріи не въ родъ, а по завѣщанію своему личному потомству. До XIII вѣка на югѣ мы видимъ волости, а не удѣлы. Однако необходимо оговориться, что термины

"удѣльный", "удѣльно-вѣчевой" прилагаются иногда и къ разнымъ явленіямъ южно-русской жизни XI и XII вв., хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ правильно. Подъ удѣлами и удѣльнымъ періодомъ въ своемъ изложеніи мы будемъ разумѣть княжескія владѣнія и всѣ особенности древней жизни только въ XIII и болѣе позднихъ вѣкахъ. Отличіями этого удѣльнаго періода являются: ослабленіе |а по взгляду нѣкоторыхъ и полное отсутствіе| государственнаго единства и господство частноправовыхъ началъ во всѣхъ сферахъ тогдашней жизни. Такая характеристика періода создалась на основаніи изслѣдованія трехъ преимущественно сторонъ удѣльнаго быта, отличныхъ отъ быта Кіевской Руси: I| отношеніе князей къ подвластной территоріи и населенію, 2| отношеніе князей между собою, 3| положеніе общественныхъ классовъ.

Изслѣдованіе этого періода, именно его особенностей, сравнительно съ болѣе раннимъ и болѣе позднимъ временемъ, началось сравнительно недавно. Прежде не выдѣляли въ самостоятельный періодъ русскую историческую жизнь съ XIII по XV вѣкъ. Такъ. Шлецеръ бралъ для характеристики этого времени чисто внѣшній фактъ порабощенія татарами и называлъ Русь этого времени „Russi oppressa". По представленію Карамзина до Ивана III была одна эпоха "древнѣйшая" и "система удѣловъ была ея характеромъ". Особенности удѣльной эпохи первый указалъ С.М.Соловьевъ въ своей диссертаціи на магистра |"Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ" М.1845| и еще больше развилъ свой взглядъ въ своей докторской диссертаціи 1847 года |"Объ отношеніяхъ князей Рюрикова дома"|.

Схема русской исторіи, данная Соловьевымъ, намъ извѣст-

на. По его взгляду, Кіевская Русь - родовая собственность князей, находящаяся въ общемъ ихъ владѣніи. Порядокъ владѣнія волостями тамъ обусловленъ родовыми счетами. Политическое положеніе каждаго князя опредѣляется его положеніемъ въ родѣ, и нарушеніе этого положенія другими князьями ведетъ къ усобицамъ. Усобицы идутъ не за волости, потому что волости не принадлежатъ одному какому либо князю, а за порядокъ владѣнія волостями. Но въ XII вѣкѣ начинается разложеніе родового порядка, благодаря младшимъ городамъ сѣверной Руси, которые, получая особаго князя, болѣе ему подчиняются, чѣмъ старые, старшіе города, что и позволяетъ князьямъ усилить свою власть. Князья, возвышая эти города въ ущербъ старымъ, смотрятъ на нихъ, какъ на собственность, устроенную ихъ личнымъ трудомъ, и стараются, какъ личное владѣніе, передать ихъ въ семью, а не въ родъ. Благодаря этому, родовое владѣніе падаетъ, родовое старшинство теряетъ значеніе, и сила князя зависитъ не отъ родового значенія, а отъ матеріальныхъ силъ и средствъ. Каждый стремится усилить свою силу и средства увеличеніемъ своей земли, своего удѣла. Усобицы идутъ уже за землю и князья основываютъ свои притязанія не на чувствѣ родового старшинства, а на своей фактической силѣ. Прежде единство земли поддерживалось личностью старшаго въ родѣ князя. Теперь единства нѣтъ, потому что кровная связь рушилась, а государство еще не создалось; есть только удѣлы, враждующіе за матеріальное преобладаніе, - идетъ "борьба матеріальныхъ силъ" и изъ этой борьбы путемъ преобладанія Москвы рождается государственная связь.- Итакъ, родъ, распаденіе рода и борьба матеріальныхъ силъ, государство

вотъ схема нашей исторіи. Въ ней три части. Средній періодъ есть періодъ у д ѣ л ь н ы й. По Соловьеву, это переходный періодъ. Въ немъ нѣтъ государственнаго единства; каждый князь хозяинъ своего хозяйства; его политика руководится видами "личныхъ цѣлей съ презрѣніемъ чужихъ правъ и своихъ обязанностей". Въ этомъ періодѣ конецъ кровныхъ связей, въ немъ зарожденіе связи государственной.

Иначе смотритъ на дѣло К.Д.Кавелинъ. Въ своихъ трудахъ |Сочиненія т.I и II| Кавелинъ вноситъ поправки къ историческимъ воззрѣніямъ Соловьева, и именно о періодѣ удѣльномъ. По его мнѣнію, возвышеніе младшихъ городовъ фактъ случайный, который не могъ имѣть вліянія на измѣненія въ гражданскомъ бытѣ. Князь-членъ рода - естественно долженъ былъ замѣниться княземъ-хозяиномъ вотчины. Крайнее развитіе княжескаго рода на Руси необходимо повело къ его разложенію и утратѣ родственныхъ связей. Родовой бытъ смѣнился естественно семейнымъ, родовое владѣніе перешло естественно въ личное. При дробности удѣловъ князья стали простыми потчинниками-землевладѣльцами, "наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній", а удѣлы просто вотчинами. Князья начали завѣщать эти вотчины, какъ простое имущество, а не какъ государственную территорію; стало быть, родъ и родовое владѣніе естественно замѣнялись семьей и частной собственностью; результатомъ же этой смѣны было паденіе политическаго единства и частный характеръ жизни и управленія. Потомъ, при этомъ господствѣ частнаго

Литографія Богданова, Эртелевъ пер.,д.I.
Директоръ

быта естественно развивается личное начало и, воплощаясь въ личности Московскаго князя, создаетъ государственный порядокъ. Таковы черты удѣльнаго періода, изъ котораго вышло государство Московское: въ этомъ періодѣ - полное господство частныхъ началъ.

Чичеринъ въ статьѣ "Духовныя договорныя грамоты князей" |въ его "Опытахъ по исторіи русскаго права"| исходитъ изъ теоретическихъ понятій права; желая опредѣлить физіономію удѣльнаго періода, онъ задаетъ вопросъ: на какомъ правѣ созидалась удѣльная жизнь? "Исходная точка гражданскаго права", говоритъ онъ, "есть лицо съ его частными отношеніями; исходная точка государственнаго права - общество, какъ единое цѣлое". Изученіе фактовъ удѣльной поры убѣждаетъ его, что въ удѣльной жизни господствовало право частное. Князья въ своихъ удѣлахъ не различали основаній, на которыхъ владѣли городами и всей территоріей удѣла съ одной стороны, и какимъ нибудь мелкимъ предметомъ своего обихода, въ родѣ одежді и утвари - съ другой. Въ своихъ частныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ они безразлично распоряжались самыми различными предметами своего владѣнія. Междукняжескія отношенія регулировались договорами|а договоръ-фактъ частнаго права|. Стало быть, ни въ отдѣльныхъ удѣлахъ, ни во всей русской землѣ не существовало ни государственной власти, ни государственныхъ понятій и отношеній въ средѣ князей; не было ихъ и въ отношеніяхъ князей къ населенію. Сословій тогда не было, и каждый членъ общества связанъ былъ съ княземъ не государственными узами, а договорными отношеніями. Однимъ словомъ, удѣльное общество есть "общество, основанное на частномъ правѣ". Впо-

слѣдствіи, путемъ фактическаго преобладанія одного князя образуется единовластіе и государственный порядокъ.

Такимъ образомъ, всѣ помянутые изслѣдователи историко-юридической школы въ сущности одинаково характеризовали удѣльный бытъ, какъ бытъ гражданскій, частный, лишенный государственныхъ установленій и понятій. Факты были собраны ими добросовѣстно, анализъ фактовъ былъ талантливъ, но точка зрѣнія вызвала возраженіе со многихъ сторонъ, отъ людей разнаго направленія.

Относительно удѣльнаго быта первѣй представилъ вѣскія возраженія профессоръ государственнаго права А.Д.Градовскій |"Исторія мѣснаго управленія въ Россіи" т.I.|. По его мнѣнію удѣльные князья, завѣщая по духовнымъ грамотамъ волости и села рядомъ, въ сущности, передаютъ своимъ наслѣдникамъ разные предметы владѣнія въ волостяхъ |т.е.административныхъ округахъ| и селахъ. Села они передаютъ цѣликомъ, какъ полную собственность, а въ волостяхъ только доходы и права управленія завѣщаются ими потомству. Князья сознавали различіе своего владѣнія селомъ и волостью и это служитъ для Градовскаго доказательствомъ, что въ удѣльномъ періодѣ существовали понятія, выходившія изъ сферы гражданскаго права и имѣвшія характеръ понятій государственныхъ. Эти замѣчанія Градовскаго вполнѣ раздѣляетъ К.Н.Бестужевъ-Рюминъ |Русская Исторія т.I|. Онъ признаетъ существованіе двухъ категорій владѣнія, но думаетъ, что логика людей XIУ-ХУ вѣковъ не могла ихъ ясно различать и формулировать.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ нашей литературѣ мы встрѣчаемся съ новыми попытками дать цѣнную характеристи-

ку удѣльной эпохѣ, взамѣнъ отчасти надсрванной характеристики историковъ-юристовъ. В.О.Ключевскій |въ трудѣ "Боярская Дума"| проводитъ рѣзкую грань между Русью кіевской и суздальской, сѣверо-восточной. На сѣверо-востокѣ иная почва и природа, чѣмъ на югѣ; иной физіологическій и духовный складъ народности |великоруссы|, иныя экономическія условія жизни, - поэтому иными становятся и формы общественнаго быта. Общество сѣверо-восточной Руси имѣетъ характеръ преимущественно сельскій, а князья приближаются къ типу простыхъ сельскихъ хозяевъ. "Приближеніе княжескаго владѣнія къ вотчинному владѣнію частнаго собственника" видно изъ двухъ признаковъ: удѣлы 1| завѣщаются женщинамъ и 2| управляются княжескими холопами. Это признаки боярскаго землевладѣнія въ древней кіевской Руси. Но, сдѣлавшись вотчинникомъ, князь остался и политическою властью въ удѣлѣ: онъ сохранялъ такія права, какихъ не имѣли другіе, простые вотчинники. Но эти верховныя права онъ понималъ не въ государственномъ смыслѣ, а какъ важныя статьи дохода, которыя иногда уступалъ и другимъ лицамъ въ видѣ льготы. Поэтому сѣверо-восточный удѣльный князь можетъ быть опредѣленъ, какъ "вотчинникъ съ правами государя, государь съ привычками вотчинника". Князь вполнѣ различалъ села отъ волостей по праву владѣнія, но вполнѣ ихъ смѣшивалъ по способу эксплоатаціи.

Другая попытка характеристики удѣльнаго періода, сдѣланная И.Е.Забѣлинымъ |см.Историческій Вѣстникъ 1881г. "Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія"|, совершенно лишена чертъ юридическаго опредѣленія. Единственной связью русской земли въ удѣльномъ періодѣ, по мнѣнію Забѣ

лина, было чувство національнаго единства, жившее въ народѣ. Князья совершенно забыли это единство и заботились и своемъ только удѣлѣ, и лучшимъ княземъ считался тотъ, кто лучше хозяйничалъ, лучше устраивалъ свой удѣлъ, "собиралъ его". Князьями-собирателями назывались не тѣ князья, которые стремились къ деинодержавію, а тѣ, которые лучше устраивали свое хозяйство; хозяйственныя же и экономическія наклонности князей зависѣли отъ наклонностей всего народонаселенія, по преимуществу "посадскаго", "рабочаго и промышленнаго". Тѣхъ князей, кто лучше хозяйничалъ |т.е. московскихъ князей|, народныя стремленія постепенно поднимали на высоту національнаго государя.

Таковы главнѣйшія оцѣнки удѣльнаго быта, существующія въ нашей литературѣ. Къ чему же всѣ онѣ сводятся? Историко-юридическая школа дала намъ картину частнаго быта въ удѣльномъ періодѣ, понимая этотъ бытъ, какъ подготовительный или переходный къ государственному бытію. На основаніи воззрѣній этой школы, объ удѣлѣ мы можемъ сказать, что удѣлъ есть территорія, подчиненная князю на правѣ гражданскомъ, какъ частная земельная собственность, т.е. вотчина. Однако, нѣкоторые изслѣдователи находили въ удѣльное время явленія и понятія государственнаго порядка и поэтому отрицали исключительное господство въ удѣлѣ частно-правныхъ началъ. На основаніи ихъ воззрѣній мы можемъ сказать, что удѣлъ есть территорія, подчиненная князю наслѣдственно и управляемая имъ на основаніи началъ и го-

сударственнаго, и частнаго права, причемъ различіе этихъ началъ князьями чувствуется, но въ практикѣ не проводится. Въ мнѣніи Ключевскаго перевѣсъ на сторонѣ явленій частнаго права. Хотя онъ признаетъ политическое значеніе за княжескою властью, но проявленія этой власти считаетъ хозяйственно-административными пріемами, а не государственною дѣятельностью. На основаніи его воззрѣній мы можемъ сказать, что удѣлъ есть вотчина съ чертами государственнаго владѣнія или государственное владѣніе съ вотчиннымъ управленіемъ и бытомъ. Наконецъ, Забѣлинъ съ національно-экономической |если можно такъ выразиться| точки зрѣнія на удѣльную жизнь беретъ старое опредѣленіе удѣла, но этому опредѣленію даетъ новую, не юридическую форму. По его представленію, удѣлъ есть личное земельное хозяйство князя, составляющее часть земли, населенной великорусскимъ племенем Знакомясь со всѣми существующими взглядами на удѣлъ, не трудно замѣтить, что у всѣхъ изслѣдователей принятъ одинъ терминъ для обозначенія существа удѣла. Этотъ терминъ - вотчина. Всѣ признаютъ, что этотъ терминъ возможенъ, но всѣ разно опредѣляютъ точность термина. Одни видятъ тожество удѣла и вотчины, другіе только сходство |и то въ разной степени|. Не трудно понять также, почему терминъ "вотчина" привился и имѣетъ право на существованіе: съ развитіемъ удѣльнаго порядка, при постоянномъ дробленіи удѣловъ

между наслѣдниками многіе удѣлы измельчали и фактически перешли въ простыя вотчины |какъ напр. многіе удѣлы Ярославской линіи князей, въ которыхъ не было ни одного городка и очень мало земли|. Это обстоятельство измельчанія удѣловъ имѣетъ значеніе между прошлаго и потому, что указываетъ на слабую сторону всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами теорій объ удѣльной эпохѣ. Всѣ онѣ какъ бы забываютъ, что княжескія удѣльныя владѣнія были крайне разнообразны по размѣрамъ: одни изъ нихъ были незначительны настолько, что ничѣмъ не могли отличиться отъ частнаго владѣнія, а другія выростали въ огромныя области |Московскій удѣлъ въ XУ вѣкѣ|. Эти то послѣдніе удѣлы по своимъ размѣрамъ уже заставляютъ предполагать, что власть ихъ владѣтелей должна отличаться нѣкоторыми государственными чертами.

Принимая это во вниманіе, мы такъ должны поставить опредѣленіе удѣла, чтобы избѣгнуть нѣкоторой неточности и неполноты и въ то же время не впасть въ противорѣчіе съ установленными наукой взглядами. Кажется, мы достигнемъ этого, если скажемъ, что у д ѣ л ъ с ѣ в е р о - в о с т о ч н а г о к н я з я, к а к ъ п о л и т и ч е с к а г о в л а д ѣ т е л я |какъ частный землевладѣлецъ онъ владѣлъ селами|, и с о б с т в е н н о с т ь, п о т и п у у п р а в л е н і я и б ы т а п о д х о д я щ а я к ъ п р о с т о й в о т ч и н ѣ, а и н о г д а и с о в с ѣ м ъ в ъ н е е п е р е х о д я щ а я.

Разъ старинная княжеская "волость" замѣнилась "удѣломъ", которымъ князь владѣетъ, какъ собственностью, всякое основаніе политическаго единства исчезаетъ: князья уже не имѣютъ привычки вспоминать, что они "одного дѣда внуки" и

что у нихъ долженъ быть старшій, который бы "думалъ-гадалъ" о русской землѣ. Только единство зависимости отъ татаръ оставалось у различныхъ княжескихъ семей, а въ остальномъ эти семьи жили особно. Каждая изъ нихъ, разростаясь, превращалась въ родъ и, пока родичи помнили о своемъ родствѣ, имѣла одного "великаго князя". Рядомъ съ великимъ княземъ Владимирскимъ были такіе же въ Твери, Рязани и т.д. И отношенія между этими княжескими родами и семьями уже не имѣли ничего родственнаго, а опредѣлялись д о г о в о р а м и. Когда же дробленіе княжескихъ родовъ и земель достигло полнаго развитія, договорами стали опредѣляться даже отношенія родныхъ братьевъ. И не трудно указать причины, по которымъ князья нуждались въ договорахъ. Какъ личные землевладѣльцы-собственники, интересъ которыхъ заключался въ увеличеніи личной, семейной собственности, князья заботились о п р о м ы с л а х ъ, т.е.объ увеличеніи своего имущества движимаго и недвижимаго на счетъ другихъ князей. Они покупали и захватывали земли, они сберегали на себя ту дань, которая собиралась на татаръ и иногда или вовсе, или частью не была имъ передаваема. Эти заботы о промыслахъ превращали князей въ хищниковъ, отъ которыхъ страдали интересы ихъ сосѣдей. Для этихъ сосѣдей договоръ являлся средствомъ оградить свои интересы отъ насилія смѣлаго и сильнаго князя или привлеченіемъ его въ союзъ, или уступкой ему нѣкоторыхъ правъ и выдачею обязательствъ. Договорами опредѣлялись и взаимныя отношенія договаривающихся князей, и единство ихъ политики по отношенію къ прочимъ князьямъ и внѣшнимъ врагамъ Руси. Если князья договарива-

ривались, какъ равноправные владѣтели, они называли себя "братьями"; если одинъ князь признавалъ другого сильнѣйшимъ или становился подъ его покровительство, онъ называлъ сильнѣйшаго "отцомъ" или "братомъ старѣйшимъ", а самъ назывался "братомъ молодшимъ". Владимирскій-Будановъ склоненъ думать, что междукняжескіе договоры, опредѣляя точно взаимныя отношенія сѣверно-русскихъ княжествъ, превращали эти княжества въ "сѣверно-русскій союзъ". Въ XIУ и ХУ вѣкахъ является въ договорахъ понятіе княжеской с л у ж б_ы: служебный князь ХУ вѣка, не теряя фактически распоряженія вотчиной, становится мало-по-малу простымъ вотчинникомъ; по договорамъ можно прослѣдить, какъ мелкіе князья становятся все въ большую и большую зависимость отъ сильныхъ, и, наконецъ, всѣ они переходятъ въ полную зависимость отъ одного московскаго князя, причемъ мелкіе князья, передавая свои вотчины великому князю, сознательно передаютъ ему державныя права на ихъ вотчины, сохраняя въ то же время въ этихъ вотчинахъ права частнаго собственника.

Смѣшеніе началъ государственнаго и частнаго, съ преобладаніемъ послѣдняго мы встрѣчаемъ и въ устройствѣ самаго удѣльнаго общества, и въ отношеніи его къ князьямъ. Въ отношеніи къ князьямъ населеніе дѣлится на людей с л у ж и л ы х ъ, которые князю служатъ, и т я г л ы х ъ, которые ему платятъ. |Это термины позднѣйшихъ временъ эпохи Московскаго государства, но они могутъ быть употреблены въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ XIII и XIУ вв. для обозначенія общественныхъ группъ не существовало опредѣленныхъ названій|. Во главѣ служилыхъ людей стояли тѣ лица, которыя участвовали въ княжеской администраціи. Первымъ лицомъ фи-

нансоваго управленія считался д в о р с к і й |дворецкій| управитель княжескаго двора. Въ попыткахъ точно опредѣлить значеніе должности дворскаго ученые расходятся. Одни говорятъ, что дворскій управлялъ вообще княжескимъ дворомъ; другіе, что онъ управлялъ только княжескимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Въ зависимости отъ дворскаго находились "казначей", "ключники" |тіуны|, "посельскіе" |сельскіе прикащики|. Должность казначея съ теченіемъ времени становилась почетнѣе и впослѣдствіи она сдѣлалась боярскою. Въ эпоху болѣе древнюю и казначеи и ключники часто выбирались изъхолоповъ. Всѣ эти лица вѣдали дворцовое,т.е. частное княжеское хозяйство; во главѣ же правительственной администраціи находились бояре. Имъ давались въ управленіе города и волости. Управляющіе городомъ носили названіе "намѣстниковъ", а управляющіе волостью - названіе "волостеля". Изъ городовъ и волостей непосредственно бояре извлекали не только доходы на князя, но средства на свое содержаніе, или "кормились" отъ населенія; отсюда самая ихъ должность носила названіе "кормленій", и такимъ образомъ провинціальное управленіе имѣло цѣлью скорѣе содержаніе княжескихъ слугъ,чѣмъ государственныя потребности. Что же касается до участія бояръ въ дворцовомъ управленіи, то здѣсь мы встрѣчаемся съ терминомъ "путные бояре". "Путемъ" называлась статься княжескаго дохода. Лицо, которому князь довѣрялъ управленіе "путемъ", называлось "путнымъ бояриномъ", если это былъ бояринъ, или "путникомъ" Кромѣ путныхъ бояръ мы встрѣчаемъ еще "введенныхъ" или "большихъ" бояръ. Что значили эти термины точно до сихъ поръ не объяснено. Бояре составляли думу князя и въ ней пользовались большимъ значеніемъ, не меньшимъ, чѣмъ въ кіевской Руси. Люди, за-

нимавшіе низшіе ступени княжеской администраціи, извѣстны подъ именемъ "слугъ", "боярскихъ дѣтей","слугъ подъ дворскимъ"; послѣдніе не могли переходить, какъ бояре и слуги вольные,на службу отъ одного князя къ другому, не теряя при этомъ своей земли. Вообще же княжескіе слуги находились въ двоякомъ отшеніи къ князю: они были или холопы князя или же вольные его слуги, которые имѣли право перехода на службу отъ одного князя къ дургому, сохраняя при этомъ за собой свои земли въ томъ удѣлѣ, откуда уходили. Только въ одномъ случаѣ бояре были безусловны обязаны службой тому князю, въ удѣлѣ котораго находилась ихъ земля. Если городъ, въ области котораго лежала вотчина боярина, былъ въ осадѣ, то бояринъ былъ обязанъ помочь осажденному городу. Князь, имѣя такихъ вольныхъ слугъ, долженъ былъ имъ дать вознагражденіе или жалованьемъ или кормленіемъ. Кромѣ этихъ средствъ обезпеченія существовало другое обезпеченіе -"помѣстьемъ". Помѣстьемъ называлась земля, данная во владѣніе княземъ его слугѣ условно, т.е.до тѣхъ поръ, пока продолжалась его служба. Вопросъ о времени и порядкѣ возникновенія помѣстій не рѣшенъ. Извѣстно, что въ XIУ вѣкѣ помѣстья уже были, что между прочимъ видно изъ завѣщанія Іоанна Калиты. О происхожденіи системы помѣстій существуютъ различныя мнѣнія. Старые ученые |Неволинъ| смѣшивали к о р м л е н і я и п о м ѣ с т ь я въ одинъ видъ условнаго вліянія и говорили, что помѣстья произошли отъ кормленія; но между тѣмъ и другимъ существуетъ громадная разница: въ кормленіе давались области на правѣ публичномъ, т.е.давалось право сбора дани за обязанность управленія Помѣстье же давалось на част-

номъ правѣ, какъ владѣніе за службу лица, изъ селъ принадлежащихъ лично князю.

Люди, не принадлежавшіе къ служилому сословію, т.е. люди "тяглые", раздѣлялись на к у п ц о в ъ или г о с т е й и людей "черныхъ", "численныхъ", позднѣе "крестьянъ". Купцовъ въ сѣверо-восточной Руси было немного, такъ какъ торговля не была особенно развита, и они не были особымъ сословіемъ съ извѣстными юридическими признаками; купцомъ могъ быть всякій по желанію. Люди черные или численные жили или на своихъ собственныхъ земляхъ, или на земляхъ владѣльческихъ |т.е. монастырскихъ, боярскихъ|, или же на княжескихъ земляхъ, такъ называемыхъ "черныхъ". Крестьяне на черныхъ земляхъ платили за пользованіе ею князю дань и оброкъ; крестьяне на владѣльческихъ земляхъ, платя подати князю, въ то же время платили оброкъ и землевладѣльцу деньгами, натурой или барщиной, и пользовались правомъ перехода отъ одного землевладѣльца къ другому.

Н о в г о р о д ъ.

Центромъ исторической жизни сѣверной Руси въ удѣльный періодъ, кромѣ Суздальскаго княжества, былъ Новгородъ. Онъ представлялъ собой цѣлое государство, возникшее и жившее своеобразно и пришедшее въ упадокъ благодаря внутреннимъ неурядицамъ. Вслѣдствіе оригинальныхъ особенностей своей жизни, которыми онъ такъ отличался отъ другихъ русскихъ областей, Новгородъ обращаетъ на себя вниманіе многихъ изслѣдователей, такъ что мы имѣемъ обширную литературу, посвященную его исторіи. Важнѣе прочихъ труды: Б ѣ л я е в а "И с т о р і я Н о в г о р о д а В е л и к а г о" въ его

"Разсказахъ по Русской Исторіи", книга 2; К о с т о м а р о в а "С ѣ в е р н о р у с с к і я н а р о д о п р а в с т в а" въ его "Историческихъ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ" тт.VI и VIII; П а с с е к а "Н о в г о р о д ъ с а м ъ в ъ с е б ѣ" въ "Чтеніяхъ импер.Общ.Исторіи и Древностей", 1869г. кн.IV и въ сборникѣ Пассека "Изслѣдованія въ области русской исторіи" М.1870г.; Н и к и т с к а г о: а| "О ч е р к ъ в н у т р е н н е й и с т о р і и ц е р к в и в ъ В е л и к о м ъ Н о в г о р о д ѣ". СПБ.1879, б| "О ч е р к ъ в н у т р е н н е й и с т о р і и П с к о в а". СПБ.1873, и в| "И с т о р і я э к о н о м и ч е с к а г о б ы т а В е л и к а г о Н о в г о р о д а". М.1893.

О племени, издревле населявшемъ Новгородъ, существуетъ много разныхъ мнѣній. Нѣкоторые ученые, какъ напр. Бѣляевъ, Иловайскій, считаютъ новгородскихъ славянъ тождественными съ кричичами, жившими въ областяхъ: Полоцкой и Смоленской. Костомаровъ считаетъ ихъ южно-руссами, такъ какъ говоръ новгородскихъ жителей схожъ съ южно-русскимъ; Гильфердингъ сближалъ Новгородскихъ славянъ съ балтійскими. Мѣстность,заселенная новгородскми славянами, была болотиста, лѣсиста и мало плодородна, вслѣдствіе чего въ этомъ краѣ особенно развилась торговля, промышленность и колонизація; этому много способствовалъ и энергичный, смѣлый и предпріимчивый характеръ населенія, близость судоходныхъ рѣкъ и положеніе Новгорода на главномъ торговомъ пути "изъ варягъ въ греки". Главнымъ городомъ новгородскихъ славянъ былъ Новгородъ. Вопросъ о времени его происхожденія и существованія очень теменъ. Въ "Повѣсти временныхъ лѣтъ

есть извѣстіе о томъ, что Новгородъ стоялъ во главѣ племенъ, призвавшихъ варяговъ, слѣдовательно, уже въ IX вѣкѣ онъ достигъ большой вліятельности и силы. Существуетъ мнѣніе, что Новгородъ выросъ изъ старыхъ отдѣльныхъ поселеній, которыя потомъ получили названія "концовъ". Городъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Волхова, недалеко отъ озера Ильменя. Волховымъ Новгородъ дѣлился на двѣ стороны, одна изъ нихъ - восточная, носила названіе "Торговой" отъ находящагося тамъ рынка, другая - "Софійской" отъ храма во имя святой Софіи. Новгородская крѣпость называлась "Дѣтинецъ" или кремль. Стороны дѣлились на пять концовъ. Концы, по всей вѣроятности, были первоначально отдѣльными слободами, а такъ какъ населеніе постепенно двигалось къ центру, то мѣсто, которое было слободой, становилось концомъ. То, что концы были отдѣльными самостоятельными слободами, подтверждается ихъ особымъ управленіемъ и частыми враждебными столкновеніями между ними. Кругомъ Новгорода лежали громадныя пространства земли, принадлежавшія Новгороду и называвшіяся "землей святой Софіи" Эта земля дѣлилась на пятины и области. Число пятинъ соотвѣтствовало числу концовъ. Къ сѣверо-востоку отъ Новгорода, по обѣимъ сторонамъ Онежскаго озера лежала пятина О б о н е ж с к а я, къ сѣверо-западу, между Волховымъ и Лугой - В о д ь с к а я, къ юго-востоку, между Мстой и Ловатью пятина Д е р е в с к а я, къ юго-западу, по обѣимъ сторонамъ рѣки Шелони - Ш е л о н с к а я; наконецъ, на юг-востокѣ простиралась пятина Б ѣ ж е ц к а я. Въ пятинахъ находились пригороды Новгорода: Псковъ, Изборскъ, Великіе Луки, Старая Русса, Ладога и др. Пригороды были вт

зависимости отъ Новгорода, принимали участіе въ его дѣлахъ и призывались на новгородскія вѣча; изъ нихъ только Псковъ достигъ въ XIУ вѣкѣ государственной независимости и сталъ называться "младшимъ братомъ Новгорода". За пятинами находились новгородскія "волости" или "земли", имѣвшія отличное отъ пятинъ устройство; число ихъ въ разное время было различно. Среди нихъ самое видное мѣсто занимало З а в о л о ч ь е, лежащее за водораздѣломъ бассейна Онеги, З.Двины и Волги. Къ востоку простиралась П е р м с к а я земля, лежащая по рѣкамъ Вычегдѣ и Камѣ; къ сѣверо-востоку отъ Заволочья и Пермской земли находилась волость П е ч о р а, расположенная по обѣимъ сторонамъ рѣкъ Урала и Печоры; по другую сторону Уральскаго хребта земля Ю г р а, а на сѣверномъ берегу Бѣлаго моря земля Т е р с к а я.

Х о д ъ о б о с о б л е н і я Н о в г о р о д а и у с л о в і я, с о з д а в ш і я о с о б е н н о с т и н о в г о р о д с к о й ж и з н и.

Если мы всмотримся въ исторію Новгорода, то замѣтимъ такія особенности новгородской жизни, которыхъ нѣтъ въ южной Руси. Первоначально Новгородъ былъ въ такомъ же отношеніи къ великому князю, какъ и другіе города. При переселеніи изъ Новгорода въ Кіевъ, Олегъ обложилъ его данью въ триста гривенъ и назначилъ тамъ посадника; при слѣдующихъ князьяхъ положеніе Новгорода было одинаково съ положеніемъ прочихъ городовъ древней Руси и это продолжается до XII вѣка. Съ половины же XII вѣка мы встрѣчаемъ въ новгородской жизни рядъ явленій, существенно отличающихъ

ее отъ жизни другихъ областей. Отдѣльность отъ Кіева заставляетъ князей считать Новгородъ въ числѣ не самыхъ важныхъ волостей и такимъ образомъ Новгородъ, не будучи предметомъ княжескихъ распрей, мало по малу освобождался отъ давленія князя и дружины и могъ на просторѣ развивать свой бытъ. Неплодородіе почвы заставило Новгородцевъ искать занятія помимо земледѣлія, вслѣдствіе чего, какъ уже выше было сказано, въ Новгородѣ сильно была развита промышленность и торговля, обогатившая его. О торговомъ значеніи Новгорода мы имѣемъ очень различныя извѣстія въ лѣтописи. Объ обширности торговыхъ сношеній Новгорода свидѣтельствуютъ многочисленныя восточныя монеты, находимыя въ бывшихъ новгородскихъ земляхъ. Новгородъ торговалъ и съ Греціей и съ Западомъ. Когда торговое значеніе балтійскихъ славянъ перешло къ острову Готланду, тогда Новгородъ велъ съ нимъ торговлю, а въ XIII вѣкѣ, когда торговое преобладаніе перешло къ ганзейскому городу Любеку, новгородцы помимо Готланда завели торговыя сношенія и съ нѣмцами, на что указываютъ дошедшіе до насъ договоры, въ которыхъ опредѣляются отношенія нѣмецкихъ, готландскихъ и русскихъ купцовъ. При постоянно возрастающемъ торговомъ могуществѣ Новгорода, распри князей изъ за удѣловъ и ихъ частая смѣна въ городѣ уронили ихъ авторитетъ передъ новгородцами и дали возможность окрѣпнуть и узакониться двумъ особенностямъ новгородской жизни, помогшимъ политическому обособленію Новгорода: договору съ князьями и особому характеру выборной администраціи. Ряды съ князьями, имѣвшіе цѣлью опредѣлить отношеніе князя къ Новгороду, скрѣпляемое обыкновенно крестнымъ цѣловані-

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

емъ, мы встрѣчаемъ уже въ XII вѣкѣ, хотя условій этихъ договоровъ до второй половины XIII вѣка мы не знаемъ. Такъ напримѣръ, до насъ дошло извѣстіе о рядѣ Всеволода - Гавріила въ 1132 году. Въ 1218, когда новгородцы на мѣсто Мстислава Удалого, князя Торопецкаго, призвали Святослава Смоленскаго, то послѣдній потребовалъ смѣны посадника Твердислава "безъ вины", какъ онъ объявилъ. Тогда новгородцы замѣтили ему, что онъ ц ѣ л о в а л ъ к р е с т ъ безъ вины мужа должности не лишать. Изъ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ договорныхъ грамотъ съ Ярославомъ Тверскимъ въ 1264-65 и 1270 годахъ мы можемъ вполнѣ опредѣлить отношеніе князя къ Новгороду, степень его власти и кругъ его дѣятельности. Князь не могъ управлять иначе, какъ подъ контролемъ посадника, получая опредѣленный доходъ; онъ и его дружина не имѣли права пріобрѣтать въ собственность земли и людей. Право суда было тоже точно опредѣлено: князь долженъ былъ судить въ Новгородѣ и съ содѣйствіемъ посадника. Кромѣ того, князь обязанъ былъ не только дать льготы для торговли новгородскимъ купцамъ въ его удѣлѣ, но и вообще покровительствовать ей. Фактическое положеніе князя зависѣло отъ силы партіи, которая его призвала, отъ отсутствія сильныхъ соперниковъ и отъ личности самого князя. Помощникъ князя въ управленіи - "посадникъ", при первыхъ князьяхъ назначался княземъ и служилъ представителемъ его интересовъ передъ новгородцами. Съ половины XII вѣка мы замѣчаемъ обратное: посадникъ уже избирается нов-

Литографія Богданова, Эртелевъ пер., д. I.
Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

городцами и служитъ представителемъ Новгорода передъ княземъ. Около этого времени и должность тысяцкаго становится выборной. Въ управленіи Новгорода большое значеніе имѣетъ епископъ |позднѣе архіепископъ| высшее духовное лицо. До XII вѣка епископъ назначался митрополитомъ изъ Кіева, такъ какъ Новгородъ въ это время находился въ зависимости отъ Кіева, а въ 1156 году новгородцы, сами избравъ Аркадія - уже независимо, послали его въ Кіевъ для посвященія. Послѣ этого новгородцы всегда сами избирали епископовъ |впрочемъ, Аркадій н а з н а ч и л ъ себѣ преемника|. Вскорѣ установился порядокъ выбора епископа изъ трехъ кандидатовъ |назначаемыхъ вѣчемъ|, причемъ три жребія съ именами трехъ намѣченныхъ въ іерархи лицъ клали на престолъ въ храмъ Св.Софіи и давали мальчику или слѣпому взять два изъ нихъ; чей жребій оставался, тотъ считался избраннымъ Божьею волею и посылался на утвержденіе Кіевскаго митрополита. Такимъ образомъ, путемъ рядовъ и установленіемъ выборныхъ властей, Новгородъ выдѣлился политическимъ устройствомъ изъ ряда другихъ областей. Высшимъ политическимъ органомъ въ Нвогородѣ стало съ этихъ поръ вѣче, а не княжеская власть, какъ это было въ то время во сѣверо-восточной Руси.

У с т р о й с т в о и у п р а в л е н і е.

Новгородское вѣче, по своему происхожденію, было учрежденіемъ однороднымъ съ вѣчами другихъ городовъ, только сложившимся въ болѣе выработанныя формы; но оно, тѣмъ не менѣе, не было вполнѣ благоустроеннымъ, постоянно дѣйствующимъ политическимъ органомъ. Вѣче созывалось не періодически, а тогда, когда въ немъ была надобность, княземъ,

посадникомъ, или тысяцкимъ, на Торговой сторонѣ города, на Ярославовомъ дворѣ. Состояло оно изъ жителей какъ Новгорода, такъ и его пригородовъ; ограниченій въ средѣ новгородскихъ гражданъ не было, всякій свободный и самостоятельный человѣкъ могъ идти на вѣче и возвышать тамъ свой голосъ. Вопросы, подлежащія обсужденію вѣча, предлагались съ высокаго мѣста, называемаго "степенью", посадникомъ или тысяцкимъ; эти вопросы были законодательнаго, административнаго или судебнаго характера. Вѣче призываетъ князей, изгоняетъ ихъ и судитъ, избираетъ посадниковъ и владыкъ, рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ, постановляетъ новые законы. Правильнаго голосованія на вѣчѣ не было; рѣшеніе составлялось на глазъ, по большинству криковъ. Часто, въ случаѣ несогласія, вѣче раздѣлялось на партіи, и сильнѣйшая силой заставляла согласиться слабѣйшую. Иногда, какъ результатъ распри созывались два вѣча: одно на Торговой, другое на Софійской сторонѣ; раздоръ кончался тѣмъ, что оба вѣча сходились на Волховскомъ мосту, и только вмѣшательство духовенства предупреждало кровопролитіе. При такомъ устройствѣ вѣча ясно, что оно не могло ни правильно обсуждать стоящіе на очереди вопросы, ни создавать законопроэкты; нужно было особое учрежденіе, которое предварительно разрабатывало-бы важнѣйшіе вопросы, подлежащіе рѣшенію вѣча. Такимъ учрежденіемъ былъ въ Новгородѣ особый правительственный совѣтъ, называемый нѣмцами „Herren", "совѣтъ господъ", такъ какъ этотъ правительственный совѣтъ состоялъ изъ старыхъ и степенныхъ посадниковъ, тысяцкихъ и сотскихъ, и носилъ аристократическій характеръ; число его членовъ въ XV вѣкѣ доходило до пятидесяти. Указанія

на существованіе такого совѣта въ научной литературѣ появились недавно; долгое время историки и не подозрѣвали о его существованіи, такъ какъ это учрежденіе никогда не получило правильнаго юридическаго устройства. Чксть его изслѣдованія принадлежитъ Н и к и т с к о м у.

Главною исполнительною властью въ Новгородѣ былъ "посадникъ", который пользовался большимъ значеніемъ; какъ представитель города онъ охранялъ интересы его передъ княземъ. Безъ него князь не могъ судить новгородцевъ и раздавать волости; въ отсутствіи онъ управлялъ городомъ, часто предводительствовалъ войсками и велъ дипломатическіе переговоры отъ имени Новгорода. Опредѣленнаго срока службы для посадника не было, онъ правилъ, пока его не отставляло вѣче, и его отставка значила, что партія, представителемъ которой онъ былъ, потерпѣла пораженіе на вѣчѣ. Въ посадники могъ быть избранъ каждый полноправный гражданинъ Новгорода, но по лѣтописи видно, что должность посадника сосредоточивалась въ небольшомъ числѣ извѣстныхъ боярскихъ фамилій; такъ, въ XIII и XIУ вѣкахъ изъ одного рода Михаила Степановича избрано было 12 посадниковъ. Посадникъ не получалъ опредѣленнаго жалованья, но пользовался извѣстнымъ доходомъ съ волостей, называемымъ "поралье". Рядомъ съ посадникомъ видимъ другого важнаго новгородскаго сановника - "тысяцкаго". Характеръ власти тысяцкаго теменъ; нѣмцы называютъ его „Herzog", стало быть это власть военная, на это намекаетъ и русское названіе "тысяцкій", т.е.начальникъ городского полка, называемаго тысячей. Онъ, насколько можно судить, является представителемъ нисшихъ классовъ новгородскаго общества, въ противоположность посаднику. Городская тысяча дѣлилась на

сотни, съ сотскими во главѣ, которые подчинялись тысяцкому. Кромѣ посадника, тысяцкаго и сотскихъ, въ Новгородѣ замѣчаемъ еще территоріальныя власти, это старосты концовъ и улицъ, а концы и улицы представляли изъ себя автономныя, административныя единицы. Что касается до административной жизни Новгорода, то вопросъ объ управленіи областей очень смутенъ. Всѣ пятины Новгорода, за исключеніемъ Бѣжецкой, своими предѣлами доходятъ до Новгорода; на основаніи этого можно предположить, что новгородскія пятины первоначально были маленькія области, примыкавшія къ концамъ и управлявшіяся кончанскими старостами. Съ распространеніемъ новгородскихъ завоеваній каждая завоеванная область приписывалась къ тому или другому концу, такъ что увеличеніе новгородской территоріи шло въ даль отъ Новгорода по радіусамъ окружности. Но нельзя скрыть, что это предположеніе гадательное, основанное на совпаденіи числа пятинъ и концовъ и на аналогіи со Псковомъ, гдѣ всѣ пригороды были приписаны къ городскимъ концамъ. Что касается до документальныхъ свидѣтельствъ, то они заключаются въ одномъ темномъ мѣстѣ забисокъ Герберштейна о Россіи. Герберштейнъ говоритъ о Новгородѣ, что Новгородъ имѣлъ обширную область, раздѣленную на пять частей |*latissimam dicionem, in quinque partes distributam habet*|, далѣе онъ говоритъ, что каждая изъ нихъ вѣдалась у своего начальника и житель могъ заключать сдѣлки только въ своей части |*in sua duntaxat civitatis regione*|. Здѣсь являются два мѣста, трудно переводимыя: во первыхъ, какимъ словомъ надо перевести "*ditio*"? мѣсто, занимаемое городомъ? территорія, занимаемая государствомъ? или государственная власть.

какъ это слово понималось въ классической латыни? и,во вторыхъ, что надо понимать подъ словомъ "civitas", городъ или государство? Что касается до толкованія это мѣста Герберштейна въ русской наукѣ, то мнѣнія расходятся. Неволинъ, Бѣляевъ, Бестужевъ-Рюминъ подъ нимъ понимаютъ только городъ, а Ключевскій и Замысловскій склонны видѣть здѣсь всю новгородскую территорію. Такимъ образомъ, вопросъ объ управленіи пятинъ остается нерѣшеннымъ. Что касается до новгородскихъ пригородовъ и волостей, то извѣстно, что Новгородъ предоставлялъ имъ полную внутреннюю самостоятельность: такъ, изъ пригородовъ Новгорода Псковъ имѣлъ своего князя и право суда, а примѣръ Двинской земли съ ея собственными князьями говоритъ о малой зависимости отъ Новгорода и его волостей. Такимъ образомъ, политической формой новгородской жизни была демократическая республика, - демократическая потому, что верховная власть принадлежала вѣчу, куда имѣлъ доступъ всякій свободный новгородскій гражданинъ. Но хотя все свободное населеніе Новгорода принимало участіе въ управленіи и судѣ, тѣмъ не менѣе оно, при полномъ политическомъ равенствѣ, представляется намъ раздѣленнымъ на разные слои и классы. Въ основѣ этого дѣленія легло экономическое неравенство. Оно, создавъ сильную аристократію, имѣло важное вліяніе на развитіе и паденіе Новгорода, при немъ не осуществлялось должнымъ образомъ и политическое равенство.

С о с л о в і я В е л и к а г о Н о в г о р о д а.

Дѣлилось новгородское населеніе на л у ч ш и х ъ и м е н ь ш и х ъ л ю д е й. Меньшіе не были меньшими по политическимъ правамъ, а лишь по экономическому положенію и фактическому значенію. Экономическимъ неравенствомъ, при полномъ равенствѣ юридическомъ, и обусловливаются новгородскія смуты, начиная съ XIУ столѣтія; подъ экономическимъ давленіемъ высшихъ слоевъ масса не могла пользоваться своими политическими правами, - являлось противорѣчіе права и факта, что дразнило народъ и побуждало его къ смутамъ. Въ болѣе раннюю пору новгородской жизни, какъ это видно по лѣтописямъ, смуты возникали изъ-за призванія князей: князья, призываемые въ Новгородъ, должны были открыть Новгородцамъ, по замѣчанію Пассека, торговлю въ другихъ частяхъ Руси, и при призваніи князя принималось въ разсчетъ, какая область всего удобнѣе для новгородской торговли; при этомъ сталкивались интересы новгородской аристократіи и крупныхъ новгородскихъ торговцевъ. Такимъ образомъ, до XIУ вѣка смуты возникали изъ-за торговыхъ интересовъ и происходили въ высшихъ классахъ. Но съ XIУ вѣка обстоятельства перемѣнились. Усиленіе Москвы съ одной стороны и Литвы съ другой, уменьшивъ число князей, упростило вопросъ о призваніи князей, и онъ пересталъ быть источникомъ смутъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ XIУ вѣкѣ сильно увеличилась въ Новгородѣ разница состояній, вслѣдствіе чего смуты не уменьшились, а только приняли другой характеръ,- мотивы торгово-политическіе смѣнились экономическими. Эти то смуты и содѣйствовали полному упадку Нов-

городскаго государства.

Кромѣ общаго дѣленія на лучшихъ и на меньшихъ людей, встрѣчаемъ дѣленіе новгородскаго населенія на три класса: высшій классъ - бояре, средній - житые люди и купцы и нисшій - черные люди. Во главѣ новгородскаго общества стояли бояре: это были крупные капиталисты и землевладѣльцы. Обладая большими капиталами, они не принимали, насколько можно судить, прямого участія въ торговлѣ, но, ссужая своими капиталами купцовъ, торговали черезъ другихъ и, такимъ образомъ, стояли во главѣ торговыхъ оборотовъ Новгорода. Многихъ ученыхъ занималъ вопросъ, какимъ образомъ явилось боярство, которое въ древней Руси обыкновенно создавалось службой князю, въ томъ краю, гдѣ княжеская власть всегда была слаба. Бѣляевъ объясняетъ его происхожденіе развитіемъ личнаго землевладѣнія; образованіе большихъ боярскихъ вотчинъ онъ относитъ еще къ тому времени, когда Новгородъ не обособился отъ остальной Руси; Ключевскій же говоритъ, что новгородское боярство вышло изъ того же источника, какъ и въ другихъ областяхъ; этимъ источникомъ была служба князю, занятіе высшихъ правительственныхъ должностей по назначенію князя; князья, пріѣзжая въ Новгородъ, назначали тысяцкихъ и посадниковъ, по его мнѣнію, изъ туземцевъ, которые пріобрѣтали санъ боярина, сохраняли его за собой и передавали потомству. Кажется, слѣдуетъ отдать предпочтеніе первому мнѣнію. Слѣдующій классъ составляли "житые люди". По мнѣнію однихъ, это - новгородскіе землевладѣльцы, по мнѣнію другихъ - средніе капиталисты, живущіе процентами со своихъ капиталовъ. За

ними слѣдовали к у п ц ы, главнымъ занятіемъ которыхъ была торговля. Купцы дѣлились на сотни и основывали купеческія компаніи, куда принимали внесшихъ 50 гривенъ серебра; каждый членъ такого купеческаго общества въ своихъ торговыхъ оборотахъ пользовался поддержкой своей общины. Вся остальная масса народа носила названіе "ч е р н ы х ъ л ю д е й". Къ нимъ принадлежали жившіе въ городахъ ремесленники и рабочіе и жившіе въ погостахъ - смерды и земцы. Подъ земцами, какъ кажется, слѣдуетъ подразумѣвать мелкихъ землевладѣльцевъ, а что касается до смердовъ, то, по мнѣнію Костомарова, это были безземельные люди, а по мнѣнію Бестужева-Рюмина, все сельское населеніе новгородской области. Противорѣчіе экономическаго устройства новгородской жизни политическому, какъ сказано выше, было причиной смутъ въ Новгородѣ и ускорило паденіе его вѣчевой жизни. Въ XУ вѣкѣ управленіе фактически перешло въ руки немногихъ бояръ, вѣче превратилось въ игрушку немногихъ боярскихъ фамилій, которыя подкупали и вліяніемъ заставляли себѣ большія партіи на вѣчѣ изъ такъ называемыхъ "худыхъ мужиковъ вѣчниковъ" и заставляли ихъ дѣйствовать въ свою пользу; такимъ образомъ, съ теченіемъ времени новгородское устройство выродилось въ охлократію, которая прикрывала собой олигархію. Другой причиной политической слабости Новгорода, кромѣ внутренняго сословнаго разлада, было равнодушіе областей къ судьбѣ главнаго города, вслѣдствіе чего, когда Москва стала думать о подчиненіи новгородской области, она незамѣтно достигла этого подчиненія и не встрѣтила крѣпкаго отпора со стороны Новгородскаго населені. Такимъ образомъ, причина паденія Новгоро-

да была не только внѣшняя - усиленіе Московскаго государства, а и внутренняя; если бы не Москва, Новгородъ сталъ бы жертвой иного сосѣда, его паденіе было неизбѣжно, потому что онъ самъ въ себѣ ростилъ сѣмена разложенія.

П с к о в ъ .

Псковъ, одинъ изъ пригородовъ Новгорода, расположенный на концѣ новгородскихъ владѣній, на границѣ Руси и Литвы, по сосѣдству съ нѣмцами, игралъ роль передового русскаго поста на западѣ и добросовѣстно исполнялъ свою задачу: задержать нѣмцевъ въ ихъ движеніи на русскія земли. Псковъ по своему внутреннему устройству подходилъ къ Новгороду, то же вѣче, какъ господствующій органъ правленія, та же посадская власть |два посадника|, подобныя новгородскимъ сословныя дѣленія. Только Псковъ былъ централизованнѣе и демократичнѣе. А это, вмѣстѣ съ мѣстными особенностями жизни, дало другое содержаніе исторіи Пскова. Псковъ, какъ городъ съ малой территоріей, достигъ централизаціи въ управленіи, которой не могъ достигнуть Новгородъ. Пригороды Пскова были или административные или военные посты, которыхъ выставлялъ Псковъ на литовской границѣ, но эти пригороды не имѣли самостоятельности. Псковъ настолько владѣлъ ими, что переносилъ съ мѣста на мѣсто и налагалъ наказаніе на нихъ. Благодаря малой территоріи, боярскія владѣнія не достигли въ псковской землѣ такихъ размѣровъ, какъ въ Новгородѣ, вслѣдствіе чего не было большой разницы состояній; низшіе классы не находились въ такой зависимости отъ высшихъ и боярскій классъ не былъ такимъ замкнутымъ, какъ въ Новгородѣ. Съ другой стороны, бояре не держали въ своихъ рукахъ политическую судьбу Пскова, какъ это было въ Новгородѣ. Вѣче, которое въ Псковѣ было мир-

нымъ, избирало обыкновенно двухъ посадниковъ |въ Новгородѣ же вѣче избирало только одного посадника| часто ихъ смѣняло и успѣшнѣе контролировало. Все общество во Псковѣ имѣло болѣе демократическій складъ съ преобладаніемъ среднихъ классовъ надъ высшими. Того внутренняго разлада, какой губилъ Новгородъ, во Псковѣ не было. Самостоятельность Пскова пала не отъ внутреннихъ его болѣзней, а отъ внѣшнихъ причинъ, отъ усиленія Москвы, которымъ выражалось стремленіе великорусскаго племени къ государственному объединенію.

Литва. Г. 12

Рядомъ съ расцвѣтомъ политической жизни въ Новгородѣ и Суздальско-Владимирской Руси, мы замѣчаемъ оживленіе и усиленіе Волыни и особенно Галича. "Центръ жизни перешелъ въ Руси южной отъ Днѣпра къ Карпатамъ", говоритъ проф. Бестужевъ-Рюминъ, "это перенесеніе средоточія исторической жизни становилось замѣтнымъ уже давно; хотя князья продолжали добиваться Кіева и передъ самымъ почти взятіемъ его татарами велись изъ за него распри... но несмотря на эти распри Кіевъ уже упалъ еще послѣ взятія его войсками Боголюбскаго" |1169г.|..."Жизнь историческая нашла себѣ новое русло, русломъ этимъ была земля Галицкая". Но Мономаховичамъ, утвердившимся на Волыни и въ Галичѣ, пришлось бороться за власть съ сильнымъ галицкимъ боярствомъ, которое выросло тамъ въ независимую отъ князя политическую силу, и выносить сильное давленіе иноземныхъ сосѣдей, татаръ, поляковъ, угровъ и литвы. Открытая война и дипломатическая игра съ этими сосѣдями окончилась побѣдой не Галича. Волынь перешла подъ власть Литвы въ середи

нѣ XIУ вѣка, а за обладаніе Галичемъ та же Литва спорила съ 1340 года съ Польшею. Галичу выпала недолгая слава, и та миссія соединенія южной и западной Руси, которая, казалось, была суждена именно Галичу, перешла отъ него къ Литвѣ.

Благодаря тому, что литовское государство составилось преимущественно изъ р у с с к и х ъ областей, жило общею политическою жизнью съ П о л ь ш е ю и имѣло постоянныя, хотя и враждебныя сношенія съ н ѣ м ц а м и, оно заинтересовало своей судьбой не только русскихъ, но и польскихъ, и нѣмецкихъ историковъ; въ нѣмецкой и польской литературахъ есть очень серьезные труды по литовской этнографіи и исторіи. Нѣмецкая литература располагаетъ такими солидными сочиненіями, какъ Voigt, „Geschichte von Preussens" (1827-1837) и Töpell und Caro „Geschichte Polens". Въ польской литературѣ послѣ старыхъ баснословій, въ родѣ Нарбута (Dzieje starozytne narodu Litewskiego) и Лелевеля (Dzieje Litwy i Rusi" и др.) явились очень хорошія монографіи по литовской исторіи, напримѣръ: Шайнохи (Szajnocha „Jadwiga i Jagiello"), Стадницкаго (рядъ монографій о литовскихъ князьяхъ: Sinowie Gedimina и др.), Вольфа (Wolff „Rod Gedimina"), Смольки (Smolka „Szkice historiczne"), Прохазки (Prochaska, Ostatnie lata Witolda; szkice historiczne z XV wieku), и рядъ прекрасныхъ изданій памятниковъ въ сборникѣ „Monumenta medis aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia", въ которомъ принимаютъ участіе и другіе ученые: Соколовскій, Шуйскій, Левицкій). Что касается русскихъ ученыхъ, то они прежде мало обращали вниманія на исторію Литвы и только въ послѣднее время развилось сознаніе,

что Литва была государствомъ съ населеніемъ русскимъ, и что изученіе ея, съ точки зрѣнія этнографической и исторической, составляетъ интересъ первостепенной важности для русскаго историка. Въ Литвѣ, исторія которой шла инымъ путемъ, чѣмъ исторія Москвы, сохранились чище и яснѣе нѣкоторыя черты древне-русской жизни и русское общество въ Литвѣ осталось въ своей массѣ вѣрнымъ своей народности, хотя и поставлено было въ тяжелыя условія жизни и развитія. Изъ старыхъ источниковъ Карамзинъ въ своей "Исторіи Государства Россійскаго" почти ничего не говоритъ о Литвѣ; Соловьевъ, хотя и отмѣчаетъ литовскія событія, но отдѣлъ о Литвѣ у него менѣе обработанъ, чѣмъ исторія московской Руси. Въ трудахъ ученыхъ позднѣйшаго времени, исторія Литвы начинаетъ выступать въ болѣе полномъ видѣ. Отмѣтимъ монографіи: Владимирскаго-Буданова "Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ" и др., Васильевскаго "Очеркъ исторіи города Вильны" и др., Антановича "Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго" |въ "Монографіяхъ по исторіи западной и юго-западной Россіи",т.I,1885года|; Дашкевича "Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго княжества". Для первоначальнаго руководства слѣдуетъ взять только что названный трудъ Антоновича, у котораго находится сводъ достовѣрныхъ извѣстій о Литвѣ съ начала ея исторіи до уній съ Польшей; обстоятельный критическій обзоръ этого труда составленъ Дашкевичемъ въ его "Замѣткахъ". Антоновичъ и Дашкевичъ взаимно дополняютъ одинъ другого, и въ ихъ трудахъ мы имѣемъ первую научно-достовѣрную исторію Литвы. Затѣмъ въ "Исторіи Россіи" Иловайскаго исто-

рія Литвы излагается на равныхъ правахъ съ исторіей Москвы. Подробные обзоры Литовской исторіи находимъ также въ "Русской Исторіи" Б е с т у ж е в а-Р ю м и н а. Наконецъ, въ послѣдніе годы появились монографіи: В л а д и м и р с к а г о -Б у д а н о в а "Помѣстья Литовскаго государства" и "Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литвѣ", Л ю б а в с к а г о "Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства", Л е о н т о в и ч а "Очерки исторіи литовско-русскаго права" и Б а р б а ш е в а "Витовтъ". Изъ популярныхъ изложеній литовской и западнорусской исторіи слѣдуетъ упомянуть Б ѣ л я е в а "Разсказы изъ русской исторіи",томъ IУ, К о я л о в и ч а "Чтенія по исторіи Западной Россіи" и Б р я н с к а г о "Исторія Литовскаго государства".

Племя, извѣстное подъ названіемъ литовскаго, является разсѣяннымъ съ давнихъ поръ на Балтійскомъ поморьѣ, между Западной Двиной и Вислой; на востокѣ оно распространяется на весь почти бассейнъ рѣки Нѣмана и своими крайними южными поселеніями достигаетъ до средняго теченія Западнаго Буга. Литовцы, какъ можно заключить по остаткамъ литовскаго языка, составляли самостоятельную вѣтвь племени арійскаго, близкую славянамъ. По немногочисленнымъ свѣдѣніямъ,дошедшимъ до насъ о первоначальномъ бытѣ литовцевъ, мы можемъ указать въ X и XI вв. слѣдующія народности или племена, на которыя распалось литовское племя: на сѣверѣ литовской территоріи, на правой сторонѣ Двины, жило племя, называемое летгола, къ югу отъ него, по лѣвому берегу Дви-

ны - жемгола или семигола; на полуостровѣ между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ - корсь или куроны, къ западу между устьемъ Нѣмана и Вислы - пруссы, они раздѣлялись на 10 колѣнъ, названіе двухъ прусскихъ колѣнъ "судиновъ" и "галиндовъ" находимъ у Птоломея, писателя II вѣка по Р.Х. Онъ помѣщаетъ ихъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они были позже, на основаніи чего ученые склонны думать, что литовское племя поселилось у Балтійскаго моря очень рано. По бассейну Нѣмана жили: жмудь по нижнему теченію и литва по среднему теченію этой рѣки. Наконецъ, по рѣкѣ Нареву простирались поселенія послѣднаго литовскаго племени Ятвяговъ. Что касется до быта литовцевъ въ древности, то, какъ замѣчено было выше, свѣдѣнія о немъ скудны. Религія ихъ состояла, вѣроятно, въ поклоненіи силамъ природы. Историческія извѣстія объ именахъ литовскихъ божествъ |за исключеніемъ развѣ Перкуна| и о религіозныхъ обрядовъ |за исключеніемъ немногихъ| подвергаются сильному подозрѣнію со стороны позднѣйшихъ ученыхъ и часто опускаются въ ученыхъ трудахъ. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ можемъ заключить, что у нихъ существовалъ очень вліятельный классъ жрецовъ, находившихся въ подчиненіи у главнаго жреца Криве или Криво-Кривейто, который пользовался у литовцевъ громаднымъ уваженіемъ. Характеристической чертой быта литовцевъ было отсутствіе первыхъ началъ государственности, которыя, напримѣръ, у славянъ выражались основаніемъ городовъ. Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ, описывающихъ походы русскихъ на Литву, не упоминается о городахъ на литовской территоріи. Время ихъ возникновенія Антоновичъ относитъ лишь къ XII вѣку, ссылаясь на лѣтописи, которыя впервые

подъ 1252 годомъ упоминаютъ у литовцевъ городъ Ворута, у жмуди Тверемедь. Дашкевичъ говоритъ, что лѣтописи подъ 1252 годомъ упоминаютъ не объ основаніи городовъ, а объ ихъ существованіи, основаны они были,по его мнѣнію, немного раньше. На ряду съ отсутствіемъ въ древнѣйшей Литвѣ городовъ, какъ объединяющихъ центровъ, замѣтно и полное отсутствіе политической власти. До половины XIII вѣка польскія и нѣмецкія лѣтописи, описывая столкновенія литовцевъ съ сосѣдними народами, не только не называютъ литовскихъ вождей, но не упоминаютъ о существованіи какихъ бы то ни было правителей; до половины XIII вѣка упоминаются лишь вожди, но власть ихъ простиралась на незначительные округа; въ лѣтописяхъ на незначительномъ пространствѣ территоріи обыкновенно указываютъ на цѣлую группу такихъ начальниковъ; это были скорѣе представители отдѣльныхъ родовъ, чѣмъ племенные правители. Такимъ образомъ, литовское племя до половины XIУ вѣка не только не составляло государства, но даже сполченныхъ племенъ, а представляло массу небольшихъ волостей, управляемыхъ независимыми вождями безъ всякой политической связи между ними. Только тожество происхожденія, быта, языка, преданій и религіознаго культа объединало отдѣльныя части этого племени Но опасность со стороны внѣшнихъ враговъ заставила литовцевъ ускорить процессъ своей политической организаціи и замѣнить опирающуюся на нравственное вліяніе власть жрецовъ властью князей. Этими врагами были нѣмецкіе рыцари, которые съ начала XIII вѣка появились на окраинахъ литовской земли съ цѣлью обращенія литовцевъ въ христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ въ крѣпостную зависимость отъ побѣдителей. Къ концу XIII

Библіотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

вѣка нѣмцы подчинили себѣ прусовъ, земли летголы и жемголы и приблизились къ поселеніямъ собственно литвы и жмуди; но эти народы въ то время, какъ ихъ соплеменники боролись съ нѣмцами, успѣли уже создать довольно крѣпкій государственный строй и оказали сильное сопротивленіе послѣднимъ; этому помогли тѣ отношенія, въ какія встали литва и жмудь въ XIII вѣкѣ къ русскимъ. Одновременно съ возвышеніемъ владимирской Руси |въ XIII вѣкѣ|, русскія западныя княжества, сосѣднія литовскому государству. Смоленское, Полоцкое и другія, вслѣдствіе внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ неурядицъ, слабѣютъ и дѣлятся на мелкія части. Междуусобіями русскихъ князей пользуются литовцы, которыхъ сами русскіе призываютъ на помощь и вмѣшиваютъ въ свои междусобныя распри; они, помогая той или другой сторонѣ, вторгаются въ жизнь русскихъ и пользуются этимъ для своихъ собственныхъ цѣлей. Раньше всего литовцы вмѣшиваются во внутреннія дѣла Полоцкой земли, знакомятся съ ея положеніемъ, свыкаются съ мыслью о ея слабости и внутреннемъ неустройствѣ. Съ конца XII вѣка литовцы уже не ограничиваются участіемъ въ полоцкихъ междуусобіяхъ, но начинаютъ предпринимать походы съ цѣлью территоріальнаго захвата. Съ XIII вѣка литовцы начинаютъ вторгаться и въ другія русскія княжества, такъ напримѣръ. въ Новгородскую землю, въ Смоленское и Кіевское княжества. Кто были первые литовскіе князья неизвѣстно; самыя раннія извѣстія о нихъ, и то легендарныя, дошли до насъ только отъ XIII вѣка. Въ XIII вѣкѣ, по литовскимъ преданіямъ, Эрдивилъ, современникъ Батыя, пред-

Библіотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

принялъ походъ на русскія земли и завладѣлъ Городномъ; въ то же время другой литовскій князь Мингайло предпринялъ будто бы походъ на Полоцкъ и основалъ въ немъ второе Литовское княжество. Эти извѣстія о первыхъ литовскихъ княжествахъ на русской почвѣ, однако, недостовѣрны. Первое достовѣрное княженіе -княженіе Миндовга. Миндовгъ, сынъ Ромгольда, около 1235 года завладѣлъ русскимъ городомъ Новгородкомъ и основалъ тамъ полу-русское, полу-литовское княжество. Расширяя свои владѣнія на счетъ русскихъ и литовцевъ, онъ дѣйствовалъ съ помощью русскихъ противъ литовцевъ и съ помощью литовцевъ противъ русскихъ. Но въ своемъ стремленіи къ расширенію своего княжества онъ встрѣтился съ двумя врагами: съ возвышавшимся на югѣ Галицкимъ княжествомъ и съ Ливонскимъ орденомъ. Миндовгу |точнѣе его сыну Войшелку| удалось заключить договръ съ галицкимъ княземъ Даніиломъ, подъ условіемъ уступки Роману, сыну Даніила Галицкаго, русскихъ земель, занятыхъ Миндовгомъ Литовскимъ, но съ признаніемъ верховной власти Миндовга надъ этими землями. Этотъ договоръ, выгодный для Миндовга, былъ скрѣпленъ брачнымъ союзомъ дочери Миндовга съ сыномъ Даніила - Шварномъ. Что касается Ливонскаго ордена, то Миндовгъ умиротворилъ его, принявъ крещеніе въ 1250 году и выдавъ ордену грамоты на литовскія земли, ему прямо не принадлежащія. Такъ завязывалось и формировалось первое Литовское княжество, распавшееся, однако, послѣ Миндовга.

Возвышеніе Московскаго княжества.

Во второй половинѣ XIII и началѣ XIУ вѣка на сѣверо-востокѣ Руси начинаетъ возвышаться, до сихъ поръ незамѣтное,

княжество Московское. Прежде чѣмъ перейти къ опредѣленію причинъ и хода возвышенія этого княжества, скажемъ нѣсколько словъ о Москвѣ - главномъ городѣ этого княжества. Начнемъ съ первыхъ извѣстій о Москвѣ и не будемъ касаться басенъ о началѣ Москвы, приведенныхъ у Карамзина |томъ II, примѣчаніе 301|. Первое упоминаніе о Москвѣ мы встрѣчаемъ въ Лѣтописи не ранѣе XII вѣка. Въ ней разсказывается, что въ 1147 году Юрій Долгорукій пригласилъ своего союзника, князя Святослава Ольговича Черниговскаго на свиданіе въ Москву, гдѣ они пировали |учинили "обѣдъ"| и обмѣнялись подарками. При этомъ не говорится, что Москва была городомъ, такъ что можно подумать, что въ 1147 году она была селомъ, вотчиной князя. Это тѣмъ болѣе представляется вѣроятнымъ, что есть извѣстіе о построеніи Москвы-г о р о д а въ 1156 году. Извѣстіе это таково: "того же лѣта |6664| князь великій Юрій Володимеричь заложи градъ Москву на устниже Неглинны выше рѣки Аузы". Прямой смыслъ этихъ словъ дѣйствительно говоритъ, что городъ Москва былъ основанъ на девять лѣтъ позже княжескаго "обѣда" въ Москвѣ-вотчинѣ. Но этому не всѣ вѣрятъ: истолковать и объяснить послѣднее извѣстіе очень трудно. Во-первыхъ, оно дошло до насъ въ позднемъ |XVI вѣка| лѣтописномъ тверскомъ сборникѣ, авторъ котораго имѣлъ обычай измѣнять литературную форму своихъ болѣе старыхъ источниковъ. Нельзя поэтому быть увѣреннымъ въ томъ, что и въ данномъ случаѣ составитель сборника не измѣнилъ первоначальной формы разбираемаго извѣстія, его редакція отличается большою обстоятельностью и точностью топографическихъ указаній, что намекаетъ на ея позднее происхожденіе. Такимъ образомъ, уже общія свойства источника заставляютъ заподоз-

рить доброкачественность его сообщенія. Во-вторыхъ авторъ Тверской лѣтописи, заявивъ объ основаніи Москвы въ 1156 году, самъ же повѣствуетъ "о Москвѣ" ранѣе: онъ сокращаетъ извѣстіе ипатьевской лѣтописи о свиданіи князей въ Москвѣ въ 1147 году и ничѣмъ не оговариваетъ возникающаго противорѣчія, не объясняетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ его Москвой 1147 года. Это прямо приводитъ къ мысли, что авторъ въ данномъ случаѣ или плохо самъ понималъ свой разнорѣчивый матеріалъ, или же въ извѣстіи о построеніи города Москвы, хотѣлъ сказать не совсѣмъ то, что можно прочесть у него по первому впечатлѣнію. И въ томъ и въ другомъ случаѣ обязательна особенная осторожность при пользованіи даннымъ извѣстіемъ. Въ третьихъ , наконецъ, сопоставленіе извѣстія съ текстами другихъ лѣтописей убѣждаетъ, что авторъ Тверского сборника заставилъ князя Юрія "заложить градъ Москву" въ то время, когда этотъ князь окончательно перешолъ на югъ и когда вся семья его уже переѣхала изъ Суздаля въ Кіевъ черезъ Смоленскъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ невозможно, ни принять извѣстія на вѣру цѣликомъ, ни внести въ него какія либо поправки.

Такъ изъ двухъ наиболѣе раннихъ извѣстій о Москвѣ одно настолько неопредѣленно , что само по себѣ не доказываетъ существованія г о р о д а Москвы въ 1147 году, а другое хотя и очень опредѣлено, но не можетъ быть принято за доказательство того, что г о р о д ъ Москва былъ основанъ въ 1156 году. Поэтому трудно раздѣлять тотъ взглядъ, что время возникновенія Москвы-города намъ точно извѣстно. Правильнѣе въ этомъ дѣлѣ опираться на иные свидѣтельства, съ помощью которыхъ можно достовѣрно указать су-

ществованіе москвы только въ семидесятыхъ годахъ XII вѣка При описаніи событій послѣдовавшихъ въ Суздальской Руси за смертью Андрея Боголюбскаго, лѣтописи впервые говорятъ о Москвѣ какъ о городѣ, и о "Москьвлянахъ" какъ ея жителяхъ. Ипатьевская лѣтопись подъ 1176 |6684| г. разсказываетъ, что больной князь Михалко, направляясь съ юга въ Суздальскую Русь, былъ принесенъ на носилкахъ "до Куцкова рекше до Москвы"; тамъ онъ узналъ о приближеніи своего врага Ярополка и поспѣшилъ во Владимиръ "изъ Москвѣ" въ сопровожденіи Москвичей. "Москьвляне же, продолжаетъ лѣтописецъ - слышавше, оже идетъ на нѣ Ярополкъ, и възвратишася въспять, блюдуче домовъ своихъ". Въ слѣдующемъ 1177 году лѣтопись прямо называетъ Москву городомъ въ разсказѣ о нападеніи Глѣба Рязанскаго на князя Всеволода: "Глѣбъ же на ту осень приѣха на Москвь |въ другихъ спискахъ: Москву| и позже городъ весь и села." Эти извѣстія, не оставляя уже никакихъ сомнѣній въ существованіи города Москвы , въ то же время даютъ одинъ любопытный намекъ. Въ нихъ еще не установлено однообразное наименованіе города, городъ называется то "Москвь", то "Кучково", то - "Москва"; не доказываетъ ли это, что лѣтописцы имѣли дѣло съ новымъ пунктомъ поселенія, къ имени котораго ихъ ухо еще не привыкло? Имѣя это въ виду, возможно и не связывать возникновенія города Москвы съ именемъ князя Юрія. Легенды о началѣ Москвы, собранныя Карамзинымъ, не уничтожаютъ такой возможности: ихъ нельзя эксплуатировать, какъ историческій матеріалъ для изученія событій XII в.

Такъ, остовясь въ предѣлахъ лѣтописныхъ данныхъ, мы приходимъ къ мысли о томъ, что фактъ основанія Москвы-города въ первой половинѣ или даже въ серединѣ XII вѣка не можетъ считаться прочно установленнымъ. Съ другой стороны и торговое значеніе Москвы въ первую пору ея существованія не выясняется текстомъ лѣтописи. Если вдуматься въ извѣстія лѣтописей о Москвѣ до половины XIII вѣка |и даже позже| то ясна становится не торговая , а погранично-военная роль Москвы. Нѣтъ сомнѣнія что Москва была самымъ южнымъ укрѣпленіемъ пиктовъ Суздальско-владимирскаго Княжества. Съ юга изъ Черниговскаго княжества, дорога во Владиміръ шла черезъ Москву, и именно была Москва первымъ городомъ, который встрѣчали приходцы въ Судальской Руси. Когда по смерти Боголюбскаго князя Михалко Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ пошли на сѣверъ изъ Чернигова, именно въ Москвѣ , на границахъ княженія Андрея Боголюбскаго встрѣтили ихъ Ростовцы. Они звали Ярополка дальше, а Михалко, котораго они не желали пускать внутрь княжества они указали: "пожди мало на Москвѣ" Ярополкъ отправился "к дружинѣ Переяславлю", а Михалко, не слушая Ростовцевъ, поѣхалъ во Владиміръ. Москва здѣсь рисуется какъ перекрестокъ, отъ котораго можно было держать путь и въ Ростовъ, на сѣверъ, и во Владиміръ на сѣверо-востокъ. Внутренніе пути Судзальской Руси сходились въ Москвѣ въ одинъ путь, шедшій на югъ, въ Черниговскую землю. Черезъ годъ Михалко, выбитый изъ Владиміра, опять идетъ изъ Чернигова на сѣверъ по зову Владимірцевъ. На встрѣчу ему выходятъ и Владимірцы, его друзья и племянникъ Ярополкъ - его врагъ. Первые хотятъ его встрѣтить и охранить, второй - желаетъ не допустить его въ занятую

Ростиславичами землю. При разныхъ цѣляхъ враги спѣшатъ въ одинъ и тотъ же пунктъ - въ Москву. Очевидно, въ данномъ случаѣ встрѣчать Михалка всего удобнѣе было на границѣ княжества, съ какой бы цѣлью его ни встрѣчали. Когда, наконецъ, Михалко и братъ его Всеволодъ укрѣпились прочно во Владимірѣ, князь Черниговскій, Святославъ Всеволодовичъ отправилъ къ нимъ ихъ женъ "приставя къ нимъ сына своего Олга проводити ѣ до Москвѣ" Проводивъ княгинь Олегъ вернулся "во свою волость въ Лопасну" Здѣсь опять не требуетъ доказательствъ пограничное положеніе Москвы.: княгинь проводили до перваго пункта владѣній ихъ мужей. Всѣ приведенныя указанія относятся къ II75-76 году. Не менѣе любопытенъ и позднѣйшій фактъ. Князь Всеволодъ Юрьевичъ, затѣявъ въ I207 |6715| году походъ на югъ, на Ольговичей- "хочю поити къ Чернигову", - говоритъ онъ, - послалъ въ Новгородъ, требуя, чтобы сынъ его Константинъ съ войсками пришелъ оттуда на соединеніе съ нимъ. Константинъ послушался и"дождася его на Москвѣ". "На Москву" пришелъ и самъ Всеволодъ и, соединясь тамъ со своими сыновьями, "поиде съ Москвы".... "и придоша до Окы", которая была тогда внѣ предѣловъ Суздальскао княжества. Въ этомъ случаѣ Москва ясно представляется послѣднимъ, самымъ южнымъ городомъ во владѣніяхъ Всеволода, откуда князь прямо вступаетъ въ чужую землю, во владѣнія Черниговскихъ князей. Пограничное положеніе Москвы естественно должно было обратить ее на этотъ разъ въ сборное мѣсто дружинъ Всеволода, въ операціонный базисъ предпринятаго похода.

Но не только по отношенію къ Черниговской землѣ Москва играла роль пограничнаго города, съ тѣмъ же самымъ значеніемъ являлась она иногда и въ отношеніяхъ Суздальской и Рязанской земель. Въ 1177 году князь Рязанскій Глѣбъ, нападая на владѣнія Всеволода обратился именно на Москву, какъ это указано выше. Тоже повторилось въ 1208 |6716| г. Рязанскіе князья "начаста воевати волость Всеволожью великаго князя около Москвы". Москва по отношенію къ Рязани предетавляется намъ первымъ доступнымъ для Рязанцевъ пунктомъ Суздальской земли, къ которому у нихъ былъ удобный путь по Москвѣ-рѣкѣ. Этимъ путемъ такъ или иначе воспользовались и Татары Батыя, пришедшіе изъ Рязанской земли, изъ Коломны, прежде всего къ Москвѣ.

Итакъ, слѣдя по лѣтописямъ за первыми судьбами Москвы, мы прежде всего встрѣчаемъ ея имя въ разсказахъ о военныхъ событіяхъ эпохи. Москва - пунктъ, на который прежде всего нападаютъ враги Суздальско-Владимірскихъ князей. Москва, наконецъ исходный пунктъ военныхъ операцій Суздальско-Владимірскаго князя, оборное мѣсто его войскъ въ дѣйствіяхъ противъ юга. Очевидно, что этотъ городъ былъ построенъ въ видахъ огражденія Суздальской земли со стороны Черниговскаго порубежья. По крайней мѣрѣ объ этомъ скорѣе всего позволяетъ говорить письменный матеріалъ.

Какъ маленькій и новый городокъ Москва довольно поздно стала стольнымъ городомъ особаго княжества. Наиболѣе замѣтнымъ изъ первыхъ московскихъ князей былъ Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ, прозванный такъ за то, что онъ безъ всякаго права, благодаря одной своей смѣлости, свергъ князя Святослава и захватилъ въ свои руки великое княженіе.

Вскоря за Хоробритомъ Московскій столъ достался князю Даніилу Александровичу, умершему въ 1303 году, который сдѣлался родоначальникомъ Московскаго княжескаго дома. Съ тѣхъ поръ Москва стала особымъ княжествомъ съ постояннымъ княземъ.

Припомнимъ обстоятельства политической жизни Суздальской Руси. Вся она была въ облоданіи потомства Всеволода Большое Гнѣздо; его потомки образовали княжескія линіи; въ Твери, гдѣ княжилъ Ярославъ Ярославичъ, внукъ Всеволода, братъ Александра Невскаго; Въ Суздалѣ, гдѣ княжилъ Андрей Ярославичъ, внукъ всеволода, затѣмъ около 1279 года Андрей Александровичъ, сынъ Александра Невскаго; въ Ростовѣ, который занималъ Константинъ Всеволодовичъ, и въ Москвѣ - Даніилъ, Внукъ Всеволода. Только земля Рязанская политически и географически притянутая къ совмѣстной жизни съ Суздальской русью, находилась во владѣніи не Мономаховичей, а младшихъ Святославичей, потомковъ Ярослава. Изъ этихъ княжествъ сильнѣйшими въ XУI вѣкѣ становятся Тверское , Рязанское и Московское. Въ каждомъ изъ этихъ княжествъ былъ свой "великій" князь и свои "удѣльные"князья. Владимірское княженіе существуетъ безъ особой династіи, его присоединяютъ великіе князья къ личнымъ удѣламъ. Послѣднимъ изъ великихъ князей княжившихъ по старинному обычаю въ самомъ Владимірѣ, былъ Александръ Невскій; Братья его,-. Ярославъ Тверской и Василій Костромской, получивъ Владимірское великое княженіе, живутъ не во Владимірѣ, а въ своихъ удѣлахъ. Добиться Владимірскаго княженія для князей теперь, значитъ добиться матеріальнаго обогащенія и

авторитета "великаго" князя. Средство добыть великое княженіе уже не нравственныя, не только право старшинства, какъ прежде, но сила удѣльнаго князя, поэтому за обладаніе Владиміромъ происходитъ борьба только между сильными удѣльными князьями. И вотъ, въ 1304 году начинается борьба за великое княженіе между Тверскими и Московскими князьями, - многолѣтняя кровавая распря, окончившаяся побѣдой Московскаго князя Ивана Калиты, утвердившагося въ 1328 году съ помощью Орды на великокняжескомъ престолѣ. Съ этихъ поръ великое княженіе не разлучалось съ Москвою, а между тѣмъ, за какіе нибудь тридцать лѣтъ до 1328 года Москва была ничтожнымъ удѣломъ: Даніилъ еще не владѣлъ ни Можайскомъ ни Клиномъ, ни Дмитровомъ, ни Коломной, и владѣла лишь ничтожнымъ пространствомъ между этими пунктами, по теченію Москвы - рѣки. Калита же въ 1328 году владѣлъ только Москвой, Можайскомъ, Звенигородомъ, Серпуховомъ и Переяславлемъ, т.е. пространствомъ меньше нынѣшней Московской губерніи. Что же дало возможность Москвѣ получить великое княженіе и увеличиться и какимъ путемъ шло это повышеніе?

На этотъ вопросъ мы находимъ множество отвѣтовъ въ исторической литературѣ. К а р а м з и н ъ напримѣръ, въ пятомъ томѣ "Исторіи Государства Россійскаго" упоминаетъ и таланты московскихъ князей, и содѣйствіе бояръ и духовенства, и вліяніе татарскаго завоеванія. Татарское иго, которое, по его мнѣнію, начало "новый порядокъ вещей" въ исторической жизни русскаго народа, измѣнило отношеніе князей къ населенію и отношенія князей другъ къ другу; поставило князей въ зависимость отъ хана и этимъ имѣло вліяніе

на ходъ возвышенія Московскаго княжества. Карамзинъ находитъ , что Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ".

П о г о д и н ъ, возражая Карамзину, поражается счастливыми совпаденіями "случайностей", которыя слагались всегда какъ разъ въ пользу возвышенія и усиленія Московскаго княжества. Блестящую характеристику усиленія Московскаго княжества даетъ намъ С о л о в ь е в ъ. Въ I и IУ томахъ своей "Исторіи Россіи" онъ, не разъ говоря вообще о важномъ вліяніи географическихъ условій, отмѣчаетъ выгодное положеніе Москвы - на дорогѣ переселенцевъ съ юга, на срединѣ между Кіевской землей съ одной стороны и Владимірской и Суздальской съ другой. По бассейну Москвы рѣки переселенцы, идя съ юга, осѣдали густыми массами и дѣлали московское княжество однимъ изъ самыхъ населенныхъ. Кромѣ переселенцевъ съ юга въ Москву шли переселенцы и изъ другихъ областей Руси сѣверной, вслѣдствіе отсутствія въ московскомъ княжествѣ междоусобицъ и бѣдствій отъ татаръ. Населеніе приносило князю доходъ, давало ему большія средства; мы знаемъ, что Московскіе князья употребляли эти большія денежныя средства на покупку городовъ и выкупъ плѣнныхъ изъ Орды, которыхъ и селили въ Московскомъ княжествѣ. Срединное положеніе Москвы-рѣки между Новгородомъ и востокомъ |Рязанью| имѣло также весьма важное значеніе. Если мы всмотримся въ географическую карту, то увидимъ, что Москва-рѣка сокращала водный путь между Новгородомъ и Окою, слѣдовательно Москва лежала на торговомъ пути Новгорода и Рязани. Срединное положеніе Москвы было важно и для церковнаго управленія. Митрополиты переселялись изъ Владиміра въ Москву, потому что считали необходимостью на-

ходиться въ центральномъ пунктѣ между областями сѣвера и юга Руси. Такимъ образомъ главное условіе возвышенія Москвы по мнѣнію Соловьева, это срединность ея положенія, дававшая политическія , торговыя и церковныя преимущества. Въ разныхъ мѣстахъ своего труда Соловьевъ указываетъ и на другія условія, содѣйствовавшія успѣху Москвы; личность князей, дѣятельность бояръ, сочувствіе общества и такъ далѣе, но по оцѣнкѣ разныхъ факторовъ онъ кладетъ видимое различіе: одно - первая причина усиленія и возвышенія Москвы, другое - благопріятныя условія, помогавшія этому усиленію.

К о с т о м а р о в ъ, излагая ходъ возвышенія Московскаго княжества, объясняетъ усиленіе Москвы главнымъ образомъ помощью татаръ, и даже самую идею самодержавія и единодержавія трактуетъ какъ заимствованную отъ татаръ. Б е с т у ж е в ъ - Р ю м и н ъ находитъ, что положеніе князей при зависимости великаго княженія отъ хана должно было развивать въ князьяхъ политическую ловкость и дипломатическій тактъ, чтобы этимъ путемъ привлечъ милость хана и захватить великокняжескій престолъ. Такою ловкостью и такимъ тактомъ обладали именно Московскіе князья. Кромѣ того усиленію Москвы помогало духовенство, которому, при владѣніи большими вотчинами, было выгодно отсутствіе междоусобій въ Московскомъ княжествѣ, и сверхъ того полнота власти Московскаго князя соотвѣтствовало ихъ высокимъ представленіямъ о единодержавной власти государя, вынесеннымъ изъ Византіи. Далѣе, дѣятельность бояръ была направлена также на помощь московскимъ государямъ. Что же касается срединности положенія Москвы, то К.Н. Бестужевъ Рюминъ

считаетъ это причиною второстепенною. Съ оригинальнымъ в взглядомъ на этотъ вопросъ выступаетъ З а б ѣ л и н ъ. Онъ главное условіе возвышенія Московскаго государства видитъ въ національномъ сочувствіи, вызванномъ хозяйственною дѣятельностью Московскихъ князей. Народъ, отягченный и татарскимъ погромомъ и междоусобными распрями князей естественно относился сочувственно къ Московскимъ князьямъ. Чисто эклектическимъ характеромъ отличается мнѣніе И л о в а й с к а г о , который главною причиной роста Москвы, какъ политическаго центра, считаетъ пробужденіе народнаго инстинкта; народъ, который чувствовалъ опасность отъ татаръ, долженъ былъ сплотиться. Кромѣ того, Иловайскій находитъ слѣдующія причины, способствовавшія усиленію Московскаго княжества: I| географическое положеніе, дающее политическія и торговыя выгоды; 2| личность князей и ихъ политику |князья самихъ татаръ сдѣлали орудіемъ для возвышенія власти, что видно изъ борьбы между Тверью и Москвою; 3| Опредѣленная въ пользу Москвы политика татаръ; 4| Сочувствіе боярства и духовенства; 5| правильность престолонаслѣдія въ Москвѣ.

Разбираясь въ указанныхъ мнѣніяхъ, мы видимъ, что вопросъ о причинахъ возвышенія Московскаго княжества не развивается и послѣднее по времени мнѣніе не есть самое удовлетворительное. Мы должны различать тѣ условія, которыя были причиною того, что незначительное Московское княжество могло бороться съ сильнымъ Тверскимъ княжествомъ, отъ тѣхъ, которыя поддерживали Московское княжество въ томъ положеніи на которое оно стало, благодаря первымъ и помогли его усиленію. Въ числѣ первыхъ причинъ надо отмѣ-

тить: 1| географическое положеніе, давшее Московскому княжеству населеніе и средства; 2| Личныя способности первыхъ Московскихъ князей, ихъ политическую ловкость и хозяйственность, умѣніе пользоваться обстоятельствами, чего не имѣли тверскіе князья, несмотря на одинаковое выгодное положеніе Тверского княжества и Московскаго. Къ причинамъ, способствовавшимъ усиленію княжества надо отнести: 1| сочувствіе духовенства, выраженное въ перемѣнѣ митрополіи; 2| близорукость татаръ, которые не могли своевременно замѣтить опасное для нихъ усиленіе княжества; 3| отсутствіе сильныхъ враговъ такъ какъ Новгородъ не былъ силенъ, а въ Твери происходили постоянныя междоусобія князей; 4| сочувствіе бояръ и сочувствіе населенія. Обратимся теперь къ ходу возвышенія Московскаго княжества.

При Иванѣ Калитѣ Москва была владѣніемъ второстепеннымъ и заключала въ себѣ не болѣе шести городовъ и менѣе шестисотъ миль территоріальнаго владѣнія. При Иванѣ III, черезъ какія нибудь сто пятьдесятъ лѣтъ Московское княжество простиралось уже на 15,000 кв. миль. Это возрастаніе шло двоякимъ путемъ, или путемъ "примысловъ", или путемъ завоеваній. Московское княжество при Даніилѣ получило Переяславль Залѣсскій, завѣщанный ему бездѣтнымъ племянникомъ - Іоанномъ Димитріевичемъ въ 1302 году. Сынъ Даніила Юрій отнялъ у сосѣдей Рязанцевъ Коломну, лежащую при устьи Москвы рѣки, а у Смольнянъ городъ Можайскъ, находящійся при верховьи Москвы рѣки. Такимъ образомъ приблизительно съ 1308 года въ рукахъ Московскаго князя находилось все теченіе Москвы-рѣки.

Иванъ Калита, получивъ великое княженіе Владимірское,

пріобрѣлъ Кострому, Галичъ, Бѣлоозеро, Перемышль, Угличъ, скупая города у бѣдныхъ князей.

При Димитріи Донскомъ были пріобрѣтены: Верея, Мещера, Калуга, Дмитровъ, Владиміръ. Сынъ Димитрія Донского, Василій по завѣщанію отца получаетъ уже: Суздаль, Нижній Новгородъ, Муромъ, Городецъ, Тарусу, Боровскъ. Города эти пріобрѣтены до 1425 года.

Въ завѣщаніи Димитрія Донского замѣчательно одно любопытное мѣсто: великій князь завѣщаетъ Владиміръ старшему сыну, какъ свою "вотчину" помимо воли хана, что показываетъ, какъ сильны были уже тогда московскіе унязья.

Въ 1462 году Василій Темный завѣщалъ своимъ сыновьямъ уже около 25 городовъ.

Параллельно съ территоріальнымъ возрастаніемъ Московскаго княжества идетъ и его политическое усиленіе. Въ XIУ вѣкѣ Тверское княжество было сильнымъ противникомъ Москвы, а въ ХУ вѣкѣ, при Іоаннѣ III, оно является настолько ничтожнымъ, что не въ состояніи даже сохранить независимость передъ возраставшимъ могуществомъ Москвы. И къ другимъ княжествамъ Московскіе князья начинаютъ относиться какъ къ зависимымъ удѣламъ Власть Московскаго князя быстро росла и пользовалась громаднымъ авторитетлиъ уже при Димитріи Донскомъ, что видно изъ положенія, которое онъ занималъ въ борьбѣ князей съ татарами. Одновременно съ территоріальнымъ возрастаніемъ Московскаго княжества и вмѣстѣ, съ усиленіемъ его внѣшняго могущества, измѣнялись и отношенія между князьями собственно московской семьи и власть в е л и к а г о князя Московскаго усиливалась вслѣдствіе извѣстнаго порядка наслѣдованія и вообще семейныхъ отноше-

ній , которыя существовали въ семьѣ Московскихъ князей до половины XУ вѣка.

Для изученія этого порядка мы имѣемъ большое количество духовныхъ завѣщаній московскихъ князей XIУ и XУ вв. Постоянныхъ правилъ, котрыми бы устанавливался постоянный и однообразный порядокъ престолонаслѣдія не было; престолонаслѣдіе опредѣлялось каждый разъ завѣщаніемъ князя, который могъ завѣщать свои владѣнія кому хотѣлъ, Такъ напримѣръ, князь Снменъ, сынъ Ивана Калиты, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ весь свой удѣлъ женѣ, помимо братьевъ. Изъ завѣщаній видно, что князья смотрѣли на свои земельныя владѣнія, какъ на статьи своего хозяйства и совершенно одинаково дѣлили и движимое имущество и частныя земельныя владѣнія, и государственую территорію. Послѣдняя обыкновенно дѣлилась черезполосно. Московская земля дѣлилась на нѣсколько участковъ, которые отличались другъ отъ друга по хозяйственному значенію или по историческому происхожденію. Каждый наслѣдникъ получалъ свою долю въ этихъ участкахъ земли, точно также какъ получалъ свою долю и въ каждой статьѣ движимаго имущества. Самая форма духовныхъ грамотъ князей была та же , что и форма духовныхъ завѣщаній частныхъ лицъ; точно также они совершались при свидѣтеляхъ и по благословенію духовныхъ отцовъ. По княжескимъ завѣщаніямъ можно прослѣдить и отношенія князей другъ къ другу. Каждый удѣльный князь владѣлъ своимъ удѣломъ независимо, но младшіе удѣльные князья должны были слушаться старшаго, какъ отца, а старшій долженъ былъ заботиться о младшихъ, но это были скорѣе нравственныя чѣмъ политическія обязанности. Значеніе старшаго брата обусловливалось чисто

Библиотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

матеріальнымъ, количественнымъ преобладаніемъ, а не излишкомъ правъ и власти. Такъ напримѣръ, Димитрій Донской далъ старшему изъ пяти сыновей одну треть всего имущества. Василій Темный половину, - а Иванъ III - три четверти всего имущества. Такъ какъ доля старшаго постоянно количественно увеличивалась, сравнительно съ младшими, то это давало ему возможность все большаго и большаго вліянія на младшихъ князей. Благодаря такимъ особенностямъ изъ преобладанія чисто семейнаго, матеріальнаго, гражданскаго, мало по малу развивалось преобладаніе государственное, политическое, иначе говоря, сдѣлалось единодержавіе въ княжествѣ.

- - - - - - -

Усиленіе Литовскаго Княжества.

Мы уже знакомы съ политикою Миндовга, который, стремясь къ расширенію предѣловъ и усиленію Литовскаго княжества, пользовался русскими - для власти надъ Литвой и литовцами - для власти надъ русскими землями. Его политика, какъ извѣстно, окончилась заговоромъ удѣльныхъ князей и гибелью его съ двумя молодыми сыновьями во время похода противъ Брянскаго князя Ростислава.

Послѣ его смерти, въ Литвѣ произошли междоусобія, вслѣдствіе которыхъ литовское княжество въ значительной степени потеряло пріобрѣтенную при Миндовгѣ силу и внутреннюю

связь; однако оно уже настолько окрѣпло при Миндовгѣ, что не могло окончательно разложиться послѣ его смерти. Основателемъ же могущества Литовскаго княжества считается Гедиминъ, хотя и предшественникъ его Витень много одѣлалъ въ этомъ отношеніи.

О происхожденіи Витеня и Гедимина и времени ихъ вокняженія лѣтописи не даютъ точныхъ свѣдѣній. Въ разсказахъ лѣтописцевъ мы встрѣчаемъ извѣстія о военной дѣятельности Витеня |1293-1341|, причемъ характеръ ихъ военныхъ дѣйствій указываетъ на новый переворотъ, происшедшій во внутреннемъ строѣ Литовскаго княжества. У Витеня и Гедимина были уже дисциплинированныя войска вмѣсто прежнихъ нестройныхъ ополченій. Войска эти предпринимаютъ осаду городовъ, умѣютъ брать приступомъ укрѣпленія, имъ знакомо употребленіе осадныхъ орудій. Литва защищена не только дремучими лѣсами, болотами, но уже укрѣпленіями, замками. городами, жители которыхъ несутъ правильно распредѣленныя государственныя повинности, и главнымъ образомъ, обязаны защищать свои города и крѣпости. Перемѣна въ организаціи военныхъ силъ государства произошла отъ прилива русской народности, на которую, главнымъ образомъ, опирались литовскіе князья; доказательствомъ этого служатъ извѣстія лѣтописей, въ которыхъ постоянно встрѣчаются названія ополченій Витеня и Гедимина не литовскихъ только, а литовско-русскихъ. Участіе русскихъ не ограничивалось только военной помощью литовскимъ князьямъ; они участвуютъ въ дипломатическихъ дѣлахъ, правятъ посольства отъ литовскихъ князей, имѣютъ вліяніе и на внутреннее управленіе Литвы. Такъ главнымъ сподвижникомъ Гедимина былъ

русскій человѣкъ Д а в и д ъ - воевода Гродненскій. По дошедшимъ до насъ о немъ свѣдѣніямъ, онъ занималъ высокое положеніе въ странѣ, пользовался большимъ вліяніемъ на внутреннее управленіе Литвой; по словамъ литовскихъ источниковъ, онъ занималъ первое мѣсто послѣ великаго князя; кромѣ того, ему была поручена охрана одной изъ важнѣйшихъ крѣпостей - Гродно и начальство надъ арміями въ тѣхъ походахъ, въ которыхъ Гедиминъ лично не принималъ участія; въ одномъ изъ такихъ походовъ Давидъ былъ из - мѣнническимъ образомъ убитъ однимъ мазовецкимъ княземъ Андреемъ.

Гедиминъ, какъ и его предшественники, держался завоевательной политики; однако, лѣтописи и преданія часто приписываютъ ему завоеваніе такихъ областей, которыя или были покорены Литвою послѣ его смерти, или же были присоединены къ Литвѣ мирнымъ образомъ. |Такъ напримѣръ, мы находимъ въ лѣтописяхъ извѣстія о походѣ Гедимина на Волынь и Кіевъ въ 1320 году, причемъ лѣтописцы передаютъ эт какъ достаточно вѣрный фактъ; изображаютъ битвы, результатомъ которыхъ якобы явилось подчиненіе Волыни и Кіева, а между тѣмъ изъ болѣе подробнаго изученія этихъ разсказовъ и сличенія съ болѣе достовѣрными источниками видно, что это вымыселъ|. При такихъ недостовѣрныхъ источникахъ историческая критика можетъ указать только на нѣкоторыя земли, присоединенныя Гедиминомъ къ Литвѣ: Кіевскую, Полоцкую, Минскую, Туровскую, Пинскую и Витебскую. Когда мы сообразимъ количественное отношеніе территорій, населенныхъ русскими и литовцами, то увидимъ, что около

двухъ третей территоріи было занято русскими, такъ что въ первой четверти XIУ вѣка Литовское княжество пріобрѣло значеніе сильнаго центра, около котораго группировались болѣе слабые русскія области. Московское государство находилось въ такомъ же положеніи; политика, какъ Московскихъ, такъ и Литовскихъ князей, была одинакова: тѣ и другіе стремились стягивать болѣе слабыя русскія области вокругъ сильнаго политическаго центра. Между Москвою и Литвою въ XIУ вѣкѣ находилась цѣлая полоса княжествъ, которыя служили предметомъ споровъ между этими двумя державами; Гедиминъ соперничалъ съ Москвою изъ за вліянія на дѣла Пскова и Новгорода и затѣмъ изъ за вліянія на Смоленскихъ князей. Извѣстно, напримѣръ что во время несогласій въ Новгородской землѣ, происходившихъ изъ за стремленія Псковичей отдѣлиться отъ Новгорода, Псковитянъ поддерживала Литва, а Новгородъ - Москва. Изъ за этой полосы слабѣйшихъ земель и развилась постоянная и непрерывная борьба Москвы съ Литвою въ XIУ и ХУ вѣкахъ.

Гедиминъ оставилъ семь сыновей, между которыми и подѣлилъ литовскія земли. Изъ нихъ Ольгердъ получилъ Кревo и Витебскъ, Кейстутъ - Троки, Гродно и Жмудь, а младшій Явнутій, столицу Вильно. В.Б. Антоновичъ вопреки старому мнѣнію, что послѣ Гедимина великимъ княземъ сталъ считаться Явнутій, высказывается въ томъ смыслѣ, что Явнутій, какъ самый младшій и неопытный въ дѣлахъ правленія, не могъ быть назначенъ отцомъ на великое княженіе; онъ поддерживалъ свое мнѣніе тѣмъ, что въ источни-

кахъ о вліяніи Явнутія какъ великаго князя, на событія того времени не упоминается; напротивъ, каждый удѣльный князь дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно: заключаетъ договоры съ иностранцами, предпринимаетъ походы. Поэтому Антоновичъ и предполагаетъ, что въ данный промежутокъ время нискорѣе никто не наслѣдовалъ старшаго стола, пока Ольгердъ и Кейстутъ не вступили въ союзъ съ цѣлью возстановить въ Литвѣ великокняжескую власть. По мнѣнію же Б е с т у ж е в а - Р ю м и н а, великокняжескій престолъ достался именно младшему Явнутію, какъ и позднѣе своему младшему сыну Я г а й л у и Ольгердъ оставляетъ великокняжескій престолъ. Это, говоритъ Бестужевъ, указываетъ на извѣстный обычай, схожій со старымъ гражданскимъ обычаемъ: по "Русской Правдѣ" отцовскій домъ доставался младшему сыну. Однако Явнутій не долго оставался на великокняжескомъ престолѣ. Кейстутъ въ союзѣ съ Ольгердомъ сверглъ Явнутія и Ольгердъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ. Другіе князья должны были признать его власть и обязывались повиноваться ему, какъ великому князю и верховному распорядителю ихъ удѣловъ.

А н т о н о в и ч ъ даетъ намъ слѣдующую мастерскую характеристику Ольгерда: "Ольгердъ, по свидѣтельству современниковъ, отличался по преимуществу глубокими политическими дарованіями: онъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, вѣрно намѣчалъ цѣли своихъ политическихъ стремленій, выгодно располагалъ союзы и удачно выбиралъ время для осуществленія своихъ политическихъ замысловъ. Крайне сдержанный и предусмотрительный, Ольгердъ отличался умѣніемъ въ непроницаемой тайнѣ хранить свои политическіе

и военные планы". Сѣверныя и русскія лѣтописи , не расположенныя вообще къ Ольгерду, вслѣдствіе его столкновеній съ сѣверо-восточной Русью, называютъ его "зловѣрнымъ" и "льстивымъ"; однако признаютъ въ немъ умѣніе пользоваться обстоятельствами, сдержанность, хитрость, - словомъ всѣ качества, нужныя для усиленія своей власти въ государствѣ и для расширенія предѣловъ княжества. По отношенію къ различнымъ національностямъ, можно сказать, что всѣ симпатіи и вниманіе Ольгерда сосредоточивались на русской народности. Ольгердъ, по взглядамъ, привычкамъ, семейнымъ связямъ принадлежитъ къ русской народности и служитъ въ Литвѣ ея представителемъ. Въ то самое время, какъ Ольгердъ усиливаетъ Литву присоединеніемъ русскихъ областей, Кейстутъ является ея защитникомъ передъ крестоносцами и заслуживаетъ славу народнаго богатыря. Кейстутъ - язычникъ, но и его враги - крестоносцы признаютъ въ немъ качества образцоваго христіанина - рыцаря. Такія же качества признавали въ немъ Поляки.

Оба князя такъ точно раздѣлили управленіе Литвой, что русскія лѣтописи знаютъ только Ольгерда, а нѣмецкія только Кейстута. О характерѣ борьбы Кейстута съ нѣмцами мы находимъ блестящую страницу въ уже указанной книгѣ А н т о н о в и ч а |стр 99|. Крестоносцы дѣлали ежегодно на Литву набѣги, называемые "рейзами"; Литовцы платили ордену тѣмъ же, но такъ какъ литовскія нападенія требовали большихъ приготовленій, то они бывали вдвое рѣже. Такимъ образомъ шли войны изъ года въ годъ, составляя главное занятіе Литовцевъ и русскихъ въ теченіе всего княженія Ольгерда. Эти набѣги, болѣе или менѣе опустошительные и кро-

вопролитные, обыкновенно не приводили къ окончательному результату, и большихъ и рѣшительныхъ битвъ было мало. Въ княженіе Ольгерда ихъ насчитываютъ двѣ: на рѣкѣ С р а в ѣ |1348| и у Р у д а в ы |1370|. Онѣ не имѣли никакихъ послѣдствій, хотя нѣмецкіе лѣтописцы придаютъ этимъ битвамъ рѣшительный характеръ и преувеличиваютъ размѣры побѣдъ. По отношенію къ Руси Ольгердъ продолжаетъ политику своего отца. Онъ старается вліять на Новгородъ, Псковъ Смоленскъ; поддерживаетъ Тверскихъ князей противъ Москвы хотя его вмѣшательство въ этомъ случаѣ и неудачно. Соперничество Ольгерда съ Москвою въ стремленіи подчинить русскія земли, пограничныя съ Литвой въ Новгородѣ и Псковѣ, склонялось въ пользу Москвы, но зато Ольгердъ съумѣлъ захватить Сѣверную Русь, Брянскъ, Новгородъ Сѣверскій, Кіевъ и др.

Послѣ смерти Ольгерда на престолъ вступилъ Я г а й л о и наступило время династическаго соединенія Литвы съ Польшей въ уніи 1436 года. Соединеніе это было предложено Польшею съ цѣлью направить силы обоихъ государствъ на общаго врага, на нѣмцевъ. Успѣхъ былъ достигнутъ. Соединенныя войска литовско-русскія и польскія нанесли нѣмцамъ роковой ударъ подъ Г р ю н в а л ь д о м ъ |Танненбергомъ| и сила нѣмецкаго ордена была сломлена навсегда. Но были и другіе результаты уніи, неблагопріятные для Литвы. Литва была русскимъ государствомъ, съ русскою культурой, съ господствомъ русскаго языка и православія. А между тѣмъ унія политическая, по мнѣнію Ягайло и католиковъ, должна была вести къ уніи и религіозной. Поляки стремились окатоличить "Языческую" Литву и ввести въ ней "культуру"

польскіе обычаи. Языческая Литва была давно уже очень слаба, и борьба, направленная противъ нея, скоро перешла въ борьбу съ православіемъ. Именно такимъ образомъ въ новомъ государствѣ создались обстоятельства, которыя должны были дурно отозваться на его политическомъ могуществѣ. И вслѣдствіе національнаго и вѣроисповѣднаго внутренняго разлада, Литва начинаетъ клониться къ погибели въ то самое время , когда она достигаетъ , казалось бы , полнаго разцвѣта своихъ силъ. Это было при В и т о в т ѣ. Въ р у с с к о й части Литвы унія, и въ особенности принятіе католичества оффиціальными лицами, не могли обойтись безъ протеста: русскіе, съ той поры какъ Ягайло сталъ польскимъ королемъ, захотѣли имѣть своего особаго князя, что заставило ихъ сгруппироваться сначала вокругъ Андрея Ольгердовича, попытка котораго захватить власть однако окончилась неудачей. Тѣмъ не менѣе въ Литвѣ неудовольствіе противъ уніи все росло, чѣмъ и воспользовался сынъ Кейстута В и т о в т ъ. Заручившись союзниками онъ вступилъ въ борьбу съ Ягайло, и тотъ въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить Литву Витовту и признать Витовта княземъ Литовскимъ.

Литовскому государя предстаяла теперь задача охранять независимость своего государства отъ Польши, но умъ Витовта на этотъ разъ не подсказалъ ему, на какое начало долженъ онъ опереться въ этомъ дѣлѣ.

К а р о говоритъ, что Витовта считали своимъ и католики и православные; язычники же думали, что въ немъ не угасъ духъ предковъ. Въ этомъ была и его сила и его слабость.

Дѣйствительно, сближаясь со всѣми, будучи нерѣшителенъ, мѣняя нѣсколько разъ свою религію, Витовъ не могъ твердо и прочно опереться на сильнѣйшій въ Литвѣ элементъ, на русскую народность, какъ могъ бы сдѣлать чисто православный князь. Русскіе въ концѣ концовъ отнеслись къ Витовту какъ къ врагу Руси вообще: "Былъ убо князь Витовтъ, прежде христіанинъ, |говоритъ лѣтописецъ|, и имя ему Александр, и отвержеся православныя вѣры и христіанства и прія Лядскую,... и помыслъ тако, хотѣлъ плѣнити русскую землю, Новгородъ и Псковъ". Разъ образовался такой взглядъ, Витовтъ лишенъ былъ надежнѣйшей опоры для его политики, клонившейся къ образованію изъ Литвы единаго независимаго государства, но окончившейся тѣснымъ сближеніемъ съ Польшей. Все княженіе Витовта наполнено блестящими дѣлами Литовской политики, но вмѣстѣ съ тѣмъ Польша все болѣе и болѣе пріобрѣтала вліяніе на Литву. Въ 1413 году въ городѣ Городнѣ собрался польско-литовскій сеймъ, на которомъ торжественнымъ актомъ былъ скрѣпленъ союзъ Польши съ Литвою.

На основаніи этого акта Литва и Польша соединяются въ одно государство, и литовской аристократіи даются права польской шляхты. Городненскій актъ послужилъ началомъ окончательнаго раздѣленія и вражды Литвы и Руси, и Литва съ этого момента, все болѣе и болѣе подпадая подъ вліяніе Польши, наконецъ окончательно сливается съ нею въ одно нераздѣльное государство.

Московское княжество въ XУ и началѣ XУI вѣка.

Въ исторіи Московскаго княжества и въ политическомъ положеніи великаго князя Московскаго произошолъ въ концѣ XIУ вѣка великій переломъ: это княжество изъ удѣла начало превращаться въ національное государство, а Московскій князь изъ вотчинника дѣлается политическимъ объединителемъ и вождемъ всего великорусскаго племени.

1380г. Толчкомъ къ такому перелому послужилъ походъ на Куликово поле противъ Мамая. Этотъ походъ поднялъ во имя народныхъ интересовъ |а не удѣльныхъ| и совершилъ въ челѣ общерусскаго |а не удѣльнаго| войска московскій князь Димитрій. Съ этихъ поръ Димитрій изъ князя Московскаго превратился въ "царя Русскаго", какъ стали называть его въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ, а его княжество выросло въ національное государство Московское. "Оно родилось на Куликовомъ полѣ , а не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты" - мѣтко и красиво сказалъ о немъ В.О. Ключевскій. Древне-русская письменность въ XУ вѣкѣ отмѣтила намъ эту перемѣну въ фактахъ и переломъ въ народномъ сознаніи. Многочисленныя редакціи повѣстей о Куликовской битвѣ представляютъ ее какъ національный подвигъ |"Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, "Повѣсть" о немъ, "Слово о Задонщинѣ"|; "Слово о житіи Димитрія Донского" проникнуто національнымъ сознаніемъ; церковныя проповѣди конца XIУ вѣка и началѣ XУ на Московскихъ князей указываютъ какъ на національныхъ государей. Мало того, что народность сознала свое

единство, - она почувствовала свою силу, оцѣнила, быть можетъ даже выше мѣры, свои политическіе успѣхи и стала смотрѣть на себя какъ на богоизбранный народъ, "новый Израиль", которому суждено играть первенствующую роль среди другихъ православныхъ народовъ и въ этомъ отношеніи занять мѣсто отживающей, тѣснимой Турками подчинившейся папамъ |на Флорентинскомъ соборѣ| Византіи. Такія тенденціи начинаютъ проглядывать на письменности того времени, въ разсказахъ |Серапіона| о Флорентинскомъ соборѣ, въ повѣствованіи о пребываніи на Руси ап. Андрея Первозваннаго, въ преданіи о передачѣ на Русь изъ Греціи "бѣлаго клобука", который носили Новгородскіе архіепископы; Мономахова вѣнца и прочихъ "царскихъ утварей" и другихъ святынь, покидавшихъ Византію и обрѣтаемыхъ на Руси.

Таковы были господствующія идеи того времени. Конечно, онѣ выростали на фактахъ и питались дѣйствительностью. Но въ свою очередь и онѣ опредѣляли собою дѣйствительность, вліяли на факты, измѣняли порядокъ политической жизни и направляли политическую дѣятельность. Московскіе князья до середины XУ вѣка были удѣльными владѣльцами, которыхъ трудно назвать политическими дѣятелями и за которыми досель сохраняется названіе "хозяевъ", "скопидомовъ". Такъ характеризуетъ ихъ С о л о в ь е в ъ и другіе историки. Политика этихъ князей не государственная, они скорѣе преслѣдуютъ частныя цѣли удѣльнаго княжескаго дома. Эти особенности исчезаютъ со вступленіемъ во власть въ I46I году И в а н а В а с и л ь е в и ч а III. Съ этого времени начинается иной порядокъ, и строится онъ именно подъ вліяніемъ національныхъ идей.

Московское княжество въ княженіе Ивана III было обширнымъ и сильнымъ удѣломъ, сосѣдями котораго были: Новгородъ, Псковъ, Литва, Казанское царство и слабые удѣлы |Тверь, Рязань и др.|

Преслѣдуя политику своего отца, Иванъ Васильевичъ попробовалъ тронуть Новгородъ. Новгородъ понялъ грозившую опасность и сталъ искать опоры въ Литвѣ. Тогда Иванъ III изъ за сношеній Новгорода съ Литвою объявилъ ему войну. Въ Іюлѣ 1471 года Иванъ Васильевичъ съ войскомъ сильно разорилъ Новгородскую землю и подступилъ къ Новгороду. Тотъ не получивъ помощи отъ Литвы, не захотѣлъ войны и потому поспѣшилъ заключить миръ, заплатить 15,000 рублей, отказался отъ союза съ Литвой и обѣщалъ ставить Новгородскаго архіепископа въ Москвѣ. На этотъ разъ Иванъ III пощадилъ г о р о д с к о е с а м о у п р а в л е н і е но когда Новгородцы снова стали сноситься съ Литвою и независимѣе держаться по отношенію къ Москвѣ, онъ предпринялъ новый походъ въ 1478 году и безъ труда о к о н ч а т е л ь н о подчинилъ себѣ Новгородъ, уничтоживъ его вѣчевую жизнь. Этому послѣднему походу приданъ былъ такой характеръ, какъ будто Московское войско въ охрану народности и православной вѣры шло на новгородцевъ, отступившихъ отъ православія и предавшихся Литовскому иновѣрному князю.

дновременно съ Новгородомъ Іоаннъ по частямъ завоевывалъ и Новгородскія области, т.е. "земли", "волости" |Вятка|.Но Псковъ, благодаря покорности великому князю, сохранилъ тѣнь своей самостоятельности и отсрочилъ на нѣкоторое время свое паденіе.

По отношенію къ Твери и Рязани великій князь держался

столь же крутой политики. Въ 1500 году умеръ великій князь Рязанскій Иванъ, оставивъ своего сына подъ опекой его матери и бабки, которыя вполнѣ слушались великаго князя. Въ 1484 году, воспользовавшись сношеніями тверского князя М и х а и л а Б о р и с о в и ч а съ Литвою, Иванъ III объявилъ ему войну и осадилъ Тверь. Городъ сдался безъ боя, а Михаилъ убѣжалъ въ Литву. Въ 1463 году князья Ярославскіе, а затѣмъ и Ростовскіе и Бѣлозерскіе уступили свои владѣнія Іоанну.

Т а т а р с к а я о р д а не представляла въ княженіе Ивана III одного нераздѣльнаго государства; она распалась на нѣсколько ордъ |Золотую, Казанскую, Крымскую|, которыя находились въ постоянной враждѣ между собою, враждѣ, искусно поддерживаемой Іоанномъ III. Татары часто дѣлали нападенія на русскія окраины и опустошали ихъ. Іоаннъ III пробовалъ дѣйствовать противъ татаръ самими татарами же. Онъ приглашалъ къ себѣ на службу татарскихъ царевичей, давая имъ въ награду земли, и такимъ образомъ противупоставляя татарамъ ихъ же соплеменниковъ. Видя слабость Золотой орды , Іоаннъ III понялъ, что наступило время окончательно свергнуть иго. Это была, разумѣется завѣтная старая цѣль Московскихъ князей, къ которой всѣ они стремились неуклонно, но осторожно. Нѣкоторые приписываютъ смѣлость Іоанна въ разрывѣ съ Ханомъ внушеніямъ Софьи, его жены, которая не могла сносить хотя бы и тѣни зависимости отъ татаръ. Какъ бы то ни было, но съ 1480 года не стало и номинальной зависимости Руси отъ Татаръ.

Если мы вспомнимъ еще удачныя столкновенія Іоанна III съ

Литвой, то будемъ имѣть полный перечень его громадныхъ политическихъ успѣховъ. Отъ Литвы Иванъ Васильевичъ требовалъ возвращенія всѣхъ русскихъ областей, называя себя при этомъ княземъ всея Руси, а земли Литовско-русскія вотчинами своихъ предковъ. Московскіе князь, какъ вилно, перестали смотрѣть на себя, только какъ на хозяевъ". Историческія воспоминанія о древнихъ русскихъ областяхъ обратились въ политическія притязанія, и у Московскаго князя явилось представленіе о себѣ, какъ объ единомъ государѣ всей Русской земли.

Въ 1505 году, умирая, Иванъ оставляетъ духовное завѣщаніе по которому старшему сыну Василію отдается большая часть земель, болѣе трехъ четвертей всѣхъ городовъ. Остальная часть дѣлится между прочими четырьмя сыновьями. Власть этихъ послѣднихъ совершенно иного сойства, чѣмъ власть старшаго: они играютъ роль простыхъ вотчинниковъ, не имѣютъ права чеканить монету и самостоятельно сноситься съ иноземными государями. Такимъ образомъ Василій III, по завѣщанію отца, отличенъ не только количествомъ, но и качествомъ правъ: онъ - политическій владѣтель, они - привиллегированные землевладѣльцы.

Что касается до личности Іоанна III, то историки смотрятъ на нее розно. С.М.Соловьевъ говоритъ, что только счастливое положеніе Іоанна послѣ цѣлаго ряда умныхъ предшественниковъ дало ему возможность смѣло вести обширныя предпріятія. Костомаровъ смотритъ на него еще строже. Онъ отрицаетъ всякія политическія способности въ Иванѣ, отрицаетъ въ немъ и простыя человѣческія достоинст-

ва. К а р а м з и н ъ же оцѣниваетъ дѣятельность Іоанна III совсѣмъ иначе. Не сочувствуя насильственному характеру преобразованій Петра, онъ ставитъ Іоанна III выше даже Петра Великаго. Гораздо справедливѣе, спокойнѣе относится къ Ивану III Б е с т у ж е в ъ - Р ю м и н ъ. Онъ говоритъ, что хотя и много было сдѣлано предшественниками Ивана III, и поэтому ему было легче работать, тѣмъ не менѣе онъ великъ потому, что завершилъ старыя задачи и умѣлъ постановить новые вопросы. Именно Иванъ III поставилъ рѣшительно вѣковой вопросъ объ отношеніяхъ Литвы и Москвы.

Что касается до Василія III, то онъ походилъ на своего отца и только продолжалъ его политку и внѣшнюю и внутреннюю. Онъ уничтожилъ самостоятельность П с к о в а и послѣднихъ удѣльныхъ княжествъ Р я з а н с к а г о и С ѣ в е р н ы х ъ, и послѣ упорныхъ войнъ съ Литвою отнялъ у нея С м о л е н с к ъ въ 1514 году. Отношенія его къ Крыму и Казани были постоянно враждебны, какъ и у его отца; онъ въ этомъ случаѣ тоже не отступалъ отъ политики Іоанна и старался имѣть вліяніе на дѣла Казани иКрыма. Во внутреннихъ дѣлахъ Василій отличался властолюбіемъ и суровостью. Онъ съ братьями обращался строго, показывалъ над ними свою власть и въ частныхъ дѣлахъ; такъ напримѣръ брату Андрею долго не позволялъ жениться. Съ боярами онъ обращалося надменно и не любилъ, если ему противорѣчили въ думѣ. Извѣстно напримѣръ, что бояринъ Б е р с е н ь -Б е к л е м и ш е в ъ былъ выгнанъ имъ изъ засѣданія только за то,, что осмѣлился высказать возраженіе. Бояре жалова-

лись, что онъ всѣ дѣла рѣшалъ "самъ третей у постели" и что совѣтниками его являются дьяки.

-.-.-.-.-.-

Разсматривая явленія эпохи Иоанна III и Василія III, замѣчаемъ, что въ ихъ княженіе совершилось дѣйствительное объединеніе великой русской народности и Московскій князь получилъ значеніе н а ц і о н а л ь н а г о г о с у д а р я. Благодаря этому измѣнился характеръ внѣшней политики и внутреннее значеніе и положеніе великаго князя, нынѣ г о с у д а р я.

Внѣшняя политика при первыхъ Мооковскихъ князьяхъ ограничивалась сношеніями съ татарами и отношеніями къ сосѣднимъ удѣламъ причемъ преслѣдовались удѣльные интересы Московскаго князя. Во время Іоанна III и Василія III позорная дань татарамъ кончилась и послѣднія самостоятельныя княжества еще оставшіяся въ Сѣверной Руси, окончательно подчинились Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и характеръ внѣшней политики, которая становится политикой государственной, преслѣдуетъ интересы не у д ѣ л а а н а р о д н о с т и. Московскому государству приходится имѣть дѣло уже не съ единовѣрными и единоплеменными удѣльными князьми, а съ иноземными и иновѣрными государствами: съ Литвой, Польшей, германскимъ императоромъ; завязываются съ ними дипломатическія сношенія и начинаются съ этого времени путешествія въ Москву иностранцевъ, не заѣзжавшихъ прежде въ Россію дальше Новгорода.

Зная, что въ Москвѣ находятся многія русскія области, Московскіе князья усваиваютъ мысль, что это ихъ древнія

Библіотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

вотчины, и продолжаютъ дѣло объединенія уже на Литовской землѣ |а не только на великорусской|. Такой взглятъ Московскихъ князей на единство в с е й р у с с к о й з е м л и выразился въ отвѣтѣ Іоанна III Литовскому послу, на жалобу послѣдняго, что Московскій государь захватилъ чужія вотчины не имѣя на нихъ никакого права: "короли Владиславъ и Александръ хотятъ противъ насъ за свою вотчину стоять; но что называютъ короли своей вотчиной? не тѣ ли города и волости, съ которыми князья русскіе и бояре пріѣхали къ намъ служить и которые наши люди взяли у Литвы? Папѣ, надѣемся, хорошо извѣстно, что короли Владиславъ и Александръ имѣли Польское королевство да Литовскую землю отъ своихъ предковъ, а русская земля отъ нашихъ предковъ изъ старины наша вотчина".

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ грамотахъ, посылаемыхъ въ Литву, Московскіе князья именовали себя: "князь Московскій и в с е Р у с и"; Литовцы отлично понимали какая мысль скрывалась за этимъ титуломъ, и вотъ почему они такъ желали его уничтоженія.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ характера внѣшней политики измѣнилась и внутренняя политика, а также положеніе Московскаго князя. Мы видѣли какъ усиливалась власть великаго князя Московскаго насчетъ удѣльныхъ князей, какъ старшій сынъ наслѣдовалъ послѣ отца большее число городовъ, какъ такое матеріальное превосходство, увеличиваясь все болѣе съ теченіемъ времени, все больше отличало московскихъ старшихъ

Литографія Богданова, Эртелевъ пер. д. I-12.

Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

князей отъ удѣльныхъ. Но со второй половины XУ вѣка этотъ князь пересталъ быть только у д ѣ л ь н ы м ъ княземъ, а воплощаетъ въ своемъ лицѣ высокій политическій авторитетъ, какъ державный вождь великорусской народности. Иванъ III беретъ съ своихъ братьевъ обязательство не сноситься помимо его съ иностранными государями, запрещаетъ имъ бить монету и чинить судъ по важнымъ уголовнымъ дѣламъ оставляя эти права исключительно за Московскимъ великимъ княземъ. Онъ принимаетъ титулъ "ц а р я в с е я Р у с и", усиливая его перечисленіемъ всѣхъ подвластныхъ ему областей: "великій князь всея Руси, Владимирскій Московскій Новгородскій и т.д.". Онъ зовется "самодержцемъ, т.е. властителемъ политически независимымъ. Съ пріѣздомъ Софіи Ооминишны Московскій князь усваиваетъ по преемству отъ византійскаго императора г е р б ъ д в у г л а в а г о о р л а служащій знакомъ царской власти, и вводитъ сложный этикетъ въ придворную жизнь. Насколько велико было сознаніе своего могущества у Московскаго князя этого времени видно изъ отвѣта Ивана III послу германскаго императора, Поппелю, посланному между прочимъ и затѣмъ, чтобы предложить Іоанну королевскій титулъ. Иванъ отказался отъ титула и велѣлъ сказать послу: "Просимъ Бога, чтобы далъ нам Богъ и нашимъ дѣтямъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ государи на своей землѣ, а постановленія, какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ" Такой гордый отвѣтъ получилъ первый по значенію европейскій государь отъ дотолѣ неизвѣстнаго Западной Европѣ Московскаго князя.

Сознавая превосходство своей власти надъ властью прежъ-

нихъ Московскихъ князей, Иванъ III ввелъ о б ы ч е й в ѣ н ч а н і я н а ц а р с т в о торжественнымъ церковнымъ обрядомъ. Предшественники Ивана III великіе князья Московскіе садились на княжескій престолъ съ благословеніемъ митрополита; Иванъ нашелъ это не7остаточнымъ и, назначивъ себѣ преемникомъ внука своего Димитрія, торжественно вѣнчалъ его "н а ц а р с т в о" въ Успенскомъ соборѣ. Съ новымъ понятіемъ о царской власти, съ новымъ впечатлѣніями, которыя были вынесены изъ сношеній съ Западомъ, перемѣняются и обычаи Московскаго дворца: онъ становится дворцомъ со сложнымъ этикетомъ. Такъ раскрывали государи въ цѣломъ рядѣ установленій мысль о своемъ новомъ значеніи, она, очевидно, раздѣляется и народомъ. Простыя удѣльныя отношенія подданныхъ къ государю исчезаютъ. Г е р б е ш т е й н ъ, германскій посолъ, бывшій въ ту пору въ Москвѣ замѣчаетъ, что Василій III имѣлъ власть какою не обладалъ ни одинъ монархъ и затѣмъ добавляетъ, что, когда опрашиваютъ москвичей о неизвѣстномъ имъ дѣлѣ, они говорятъ, равняя князя съ Богомъ: "мы этого не знаемъ, знаетъ Богъ д а г о с у д а р ь." Такою казалась власть государя иноземцамъ, но пойманныя ими фразы не назначались только для того, чтобы политически возвысить государя въ дипломатическихъ сношеніяхъ передъ чужими; внутреннія отношенія, дѣйствительно мѣнялись и власть Московскаго государя росла не только по отношенію къ удѣльнымъ князьямъ, какъ власть единаго властителья сильнаго государства, но въ отношеніи подданныхъ; эта перемѣна отношеній къ подданнымъ рѣзче всего сказалась измѣненіями въ бытѣ боярства.

Въ Москвѣ издавна, благодаря богатству Московскихъ кня-

зей и другимъ причинамъ, собралось многочисленное боярство: отъ времени Ивана Калиты съ юга и съ запада пріѣзжали сюда именитые бояре и мало по малу около Московскаго великокняжескаго стола столпилось больше слугъ чѣмъ у кого бы то ни было изъ другихъ русскихъ князей. Основаніемъ отношеній между княземъ и боярами до половины XУ вѣка въ Москвѣ былъ д о г о в о р ъ: бояринъ приходилъ "служить князю", а князь за это долженъ былъ его "кормить", - вотъ главное условіе договора. Сообразно съ этимъ, каждый служилый бояринъ имѣлъ право на кормленіе по заслугамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ право отъѣзда и участія въ совѣтѣ князя. До половины XУ вѣка интересы боярства были тѣсно связаны съ интересами князя: бояринъ долженъ былъ стараться объ усиленіи своего князя, такъ какъ, чѣмъ сильнѣй князь тѣмъ лучше служить боярину, тѣмъ безопаснѣе его вотчина. Князья въ свою очередь признавали заслуги бояръ, что видимъ изъ завѣщанія Димитрія Донского, въ которомъ онъ совѣтуетъ дѣтямъ во всемъ держаться совѣта бояръ. Словомъ Московскіе князья и бояре с о с т а в л я л и о д н у д р у ж н у ю п о л и т и ч е с к у ю с и л у. Но съ половины XУ вѣка измѣняется составъ московскаго боярства, измѣняется отношеніе боярства къ государю. Съ этого времени въ княженіе Ивана III и Василія III въ эпоху окончательнаго подчиненія и присоединенія удѣловъ замѣчается приливъ новыхъ слугъ къ Московскому двору. Вопервыхъ, это удѣльные князья, потерявшіе или уступившіе Московскому князю свои удѣлы; во-вторыхъ, это удѣльные князья, которые раньше потеряли свою самостоятельность и служили другимъ удѣльнымъ князьямъ; наконецъ, это бояре - слуги удѣльныхъ князей, перешедшіе

вмѣстѣ съ своими князьями на службу къ Московскому князю. Эта толпа княжескихъ слугъ увеличивалась новыми пришельцами изъ Литвы; это были литовскіе и русскіе князья, державшіеся православія подъ властью литовскихъ владѣтелей и послѣ уніи 1386 года стремившіеся перейти со своими удѣлами подъ власть православнаго государя. Всѣ эти пришельцы скоро стали въ опредѣленныя отношенія къ старымъ московскимъ боярамъ и другъ къ другу. Эти отношенія выразились въ обычаяхъ м ѣ с т н и ч е с т в а. Такъ называется порядокъ служебныхъ отношеній боярскихъ фамилій, сложившійся въ Москвѣ въ XУ и XУI вѣкахъ и основанный на "отечествѣ", т.е. на унаслѣдованныхъ отъ предковъ отношеніяхъ служилаго лица и рода по службѣ къ другимъ лицамъ и родамъ. Каждый боярин, принимая служебное назначеніе, справлялся не станетъ ли онъ въ равноправныя или подчиненныя отношенія къ лицу, менѣе его родовитому по происхожденію, и отказывался отъ такихъ отношеній, какъ отъ безчестящихъ не только его, но и весь его родъ. Такой обычай "мѣстничаться" размѣстилъ мало по малу всѣхъ московскіе боярскіе роды въ опредѣленный порядокъ по знатности происхожденія и на этомъ аристократическомъ основаніи роды к н я ж е с к і е , какъ самые знатные стали выше другихъ; они занимали высшія должности и являлись главными помощниками и сотрудниками московскихъ государей. Но эти бывшіе удѣльные князья, пришедшіе на службу къ Московскому государю и старшіе къ нему въ отношенія бояръ, въ большинствѣ сохранили за собой свои удѣльныя земли на частномъ правѣ, какъ боярскія вотчины. Переставъ быть самостоятельными владѣльцами своихъ удѣловъ они оставались въ нихъ простыми вотчинниками-землевладѣль-

цами, сохраняя иногда въ управленіи землями нѣкоторыя черты своей прежней правительственной власти. Такимъ образомъ ихъ положеніе въ ихъ вотчинахъ перемѣнилось очень мало, они остались въ тѣхъ же суверенныхъ отношеніяхъ къ населенію своихъ вотчинъ, сохраняли свои прежнія понятія и привычки. Дѣлаясь боярами, эти княжата приносили въ Москву не боярскія мысли и чувства; дѣлаясь изъ самостоятельныхъ людьми подчиненными, они понятно не могли питать хорошихъ чувствъ въ отношеніи Московскаго князя, лишившаго ихъ этой самостоятельности. Они не довольствуются положеніемъ прежнихъ бояръ при князѣ, а стараются достигнуть новыхъ правъ, воспользоваться всѣми выгодами своего новаго положенія. Помня свое прежнее происхожденіе, зная, что они потомки прежнихъ правителей русской земли, они смотрятъ на себя и теперь какъ на "хозяевъ" русской земли, съ тою только разницей, что предки ихъ правили русской землей по одиночкѣ, по часямъ, а они, собравшись въ одномъ мѣстѣ, около Московскаго князя, должны править в с ѣ вмѣстѣ , в с е й землей. Основываясь на этомъ представленіи они склонны требовать участія въ управленіи страной, требуютъ, чтобы князья Московскіе совѣтовались съ ними о всѣхъ дѣлахъ, грозя въ противномъ случаѣ отъѣздомъ. Но служилые князья не могли отъѣхать, какъ отъѣзжали бояре удѣльныхъ князей, т.е. переѣзжая отъ одного удѣльнаго князя къ другому; теперь удѣловъ не было и можно было отъѣхать только въ Литву или къ нѣмцамъ подъ иновѣрную власть, но и то и другое считалось измѣной русскому государству. Въ концѣ концовъ ихъ положеніе опредѣлилось такъ: допуская мѣстничество, московскіе князья не спорили до поры до времени противъ прав

совѣта, но старались прекратить отъѣздъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, самый ходъ историческихъ событій все болѣе и болѣе мѣшалъ отъѣзду, а право совѣта иногда не существовало. Съ царствованія Ивана III, именно со времени его брака съ Софьей которую не любили бояре за ея властолюбивыя стремленія, начинаютъ раздаваться жалобы со стороны бояръ, что государь ихъ не слушаетъ. Время Василія III было еще хуже для бояръ въ этомъ отношеніи, еще болѣе увеличивалось ихъ неудовольствіе противъ князя. Выразителемъ боярскаго настроенія можетъ служить Берсень-Беклемишевъ, типичный представитель боярства начала XVI вѣка, человѣкъ очень умный, очень начитанный. Онъ часто ходилъ къ Максиму Греку и бесѣдовалъ съ нимъ о положеніи дѣлъ на Руси, причемъ высказывалъ откровенно свои взгляды. Онъ говорилъ, что все перемѣнилось на Руси, какъ "пришла Софья", что она переставила всѣ порядки, и потому государству стоять недолго; князь Московскій не любитъ какъ прежде совѣтоваться съ боярами и рѣшаетъ дѣла "самъ третей у постели", т.е. въ своемъ домашнемъ совѣтѣ, состоявшемъ изъ двухъ неродовитыхъ людей. Эти рѣчи Беклемишева были обнаружены слѣдствіемъ , и за нихъ ему отрѣзали языкъ.

Такъ вначалѣ XVI вѣка стали другъ противъ друга государь шедшій къ полновластію, и боярство, которое приняло видъ замкнутой и точно расположенной по степенямъ родовитости аристократіи. Великій князь двигался куда вела его исторія, другой классъ дѣйствовалъ во имя [illegible]жившихъ политическихъ формъ и старался какъ бы остановить исторію. Въ этомъ историческомъ процессѣ столкнулись такимъ образомъ двѣ силы, далеко не равныя. За Московскаго государя от[illegible] сим-

патіи всего населенія, весь складъ государственной жизни, какъ она тогда слагалась. А боярство, не имѣя ни зоюзниковъ, ни вліянія въ странѣ, представляло собой замкнутый аристократическій кругъ, опиравшійся при своемъ высокомъ служебномъ и общественномъ положеніи лишь на одни родословныя преданія и не имѣвшій никакихъ реальныхъ силъ отстоять свое положеніе и свои притязанія. Однако, несмотря на неравенство силъ, фактъ борьбы Московскаго боярства съ государемъ несомнѣненъ. Жалобы со стороны бояръ начались съ Ивана III; при Василіѣ онѣ раздавались сильнѣе и при обоихъ этихъ князьяхъ мы видимъ опалы и казни бояръ; но съ особенной силой эта борьба разыгралась при І о а н н ѣ Г р о з н о м ъ, когда въ крови погибла добрая половина бояръ.

Эта борьба власти съ высшимъ классомъ служитъ однимъ изъ выраженій тѣхъ роковыхъ противорѣчій, на которыхъ построился первоначально Московскій общественный и политическій порядокъ и которыя повели молодое Московское государство къ тяжелому кризису въ царствованіе Грознаго и въ эпоху послѣдующихъ смутъ.

-.-.-.-.-.-.-

Лен. Гос. ... т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

[6p]